

Она Президент
его сердца.

ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

С И Л О В А Я И Г Р А
СЕЛЕНА ЛОУРЕНС

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ И НЕ ТОЛЬКО

Она президент его сердца.

Лидер нации

Джессика Хэмптон унаследовала политическую династию, став первой женщиной-президентом Соединенных Штатов. За шесть лет она сделала все, чтобы выполнить завет ее покойного мужа. Но сейчас, когда срок ее полномочий подходит к концу, она хочет с достоинством закончить свое пребывание на посту, что требует от нее семья. Но когда Джессика начинает вести важные переговоры по соглашению с Ближним Востоком с египетским послом по особым поручениям, настолько сексуальным, президентом в ее лице отходит на второй план, уступая место женщине.

Мужчина, загнанный в ловушку.

Камаль Масри знает, что такое наследник. Он не только посол Египта в США, он перворожденный сын одного из богатейших людей в мире. Отец Камалья не только контролирует состояние сына, его карьеру, а теперь, возможно, и его жизнь. Египетский парламент поручает Камалю заключить соглашение, которое угрожает нелегальному бизнесу его отца, ад вырывается наружу. Но пока все темные силы с противоположной стороны земного шара сговорились уничтожить переговоры и маячившее соглашение между государствами, в это время Камаль готов сделать что угодно, лишь бы добиться любви Джессики. Он собирается бороться, защищая ее, даже от своей собственной страны.

Селена Лоуренс
Президент Соединенных Штатов Америки
Серия: Силовые игры — 3

Переводчик Костина Светлана

Президент танцевала, перебирая бумаги на комодке позади своего рабочего стола, и улыбка расплзлась по лицу Камалья, пока он наблюдал, как она покачивала задом и напевала слова песни, которые лились через ее наушники-капельки.

Он почесал голову, не зная, что ему сделать в такой неловкой ситуации, поскольку он уже вошел в комнату.

— О, дорогая, — прошипела Ванесса Смит, глава администрации. Она бросилась вперед через комнату всем своим в пять футов и два дюйма компактным телом, постучав пальцем по плечу президента.

Джессика Хэмптон подпрыгнула на месте, повернув голову к Ванессе, потом вытащила наушники.

— Что..., — ее голос тут же стал более сдержанным, как только она увидела Камалья, ухмыляющегося и стоявшего в дверях.

— О! — С трудом сглотнула она. — Господин посол, — она тут же пригладила свое красное платье, и Камаль отметил про себя, как от этого движения натянулась ткань на ее пышной груди и тонкой талии.

— Госпожа президент, — сказал он, сделав несколько шагов в комнату. — Извините, что прерываю вас, но я посчитал, что наша встреча была назначена на три часа?

Президент взглянула на Ванессу, которая кивнула, оставшись такой же напряженной.

— Да, конечно, — сказала она, сделав несколько шагов вперед с вытянутой рукой. Камаль ощутил насколько тонкая и маленькая ее рука в его огромной ладони, и находясь так близко, он обратил внимания, что она была не высокого роста. А также он заметил, что от нее исходил запах лаванды, и ее глаза были прекрасного синего цвета, как васильки, он подумал, что его племянник этот цвет назвал бы именно так, потому что любил рисовать васильки.

— Ванесса, пожалуйста, попросите принести нам чай и печенье.

— Да, госпожа президент, — сказала Ванесса, протягивая ей папку с файлами.

— Господин посол, — Джессика указала рукой на мягкий уголок в конце Овального кабинета и села на один из двухместных комфортных диванчиков, разделенных журнальным столиком. Камаль опустился на противоположный, положив свою длинную ногу на другую, выжидая.

Камаль Масри был назначен новым послом Египта в США и у него имелся целый список вопросов, но одним из первых — соглашение между Египтом, Иорданией и Израилем — тысячелетний договор — в котором президент лично выступала в качестве посредника.

Так, оказалось, что Камаль еженедельно посещал Белый дом, чтобы выработать детали соглашения, и должен был признать, что увидеть танцующего президента, пожалуй, было самым ценным в его посещениях. Джессика Хэмптон была красивой женщиной, а Камаль, однозначно, наслаждался обществом красивых женщин.

— Спасибо, что пришли, господин посол, — произнесла Джессика.

Камаль послал ей лучшую свою улыбку, от которой плавилась даже трусики.

— Египетское правительство очень заинтересовано в этом соглашении, где учитываются все стороны.

Он взглянул на нее, она сохранила на лице тщательно профессиональное выражение, и

ее накрашенные красные губы изогнулись в вежливой, но холодной улыбке.

Дверь кабинета открылась и внесли подносом с чаем и печеньем. Мужчина поставил поднос на журнальный столик и вышел из комнаты.

— Итак, — начала Джессика. — Я хотела бы начать с обсуждения границ...

— Ваш персонал не уважает вас, — с гневом произнес Камаль, испытывая раздражение.

— Прошу прощения?

Камаль выпрямился на двухместном диванчике и посмотрел на Джессику темным взглядом.

— Ваш персонал не уважает вас.

Она нахмурилась и поджала губы.

— Не уверена, что поведение моего сотрудника вас касается, но независимо от этого, вы ошибаетесь.

— Нет, они определенно относятся к вам без должного уважения. Ваша глава администрации не удосужилась сообщить вам, что у нас назначена встреча, прежде чем впускать меня в кабинет, тем самым поставив вас в неловкое положение.

Президент покраснела, и Камаль заметил, что она стала невероятно милой.

— И ваш официант даже не предложил налить вам чая. На самом деле, он вообще никак не отреагировал, что вы находитесь в комнате, просто поставил поднос и ушел. Это грубо и неуважительно с его стороны.

Джессика вздохнула. Камаль вынужден был признаться сам себе, что ее вздох прозвучал точно также, как и вздох его лучшего друга Дерека, который часто так делал.

— Господин посол...

— Пожалуйста, зовите меня Камаль, госпожа президент.

— Камаль. Я прошу прощения, что вас пригласили в Овальный кабинет, но это не вина Ванессы. Я знала, что у меня назначена встреча на три часа, но я просто... отвлеклась.

Он налил ей чай, проделав именно то, что должен был сделать идиот-официант.

— Госпожа президент, вы глава государства. Вы, по сути, глава величайшего государства в мире, в данный момент историческая личность. Вы можете танцевать по своему кабинету столько сколько хотите и когда хотите. Работа ваших сотрудников заключается в том, чтобы поддерживать ваше личное пространство и никого в него не пускать. Никому не позволительно входить в ваш кабинет без вашего разрешения.

Она моргнула, и казалась настолько пораженной его словами, что даже лишилась дара речи.

— А что касается официантов, им следует полностью свое внимание направить на вас, как только они вошли в комнату, они должны обслуживать вас, наполнив вашу тарелку, чашку или стакан, а затем должны ожидать ваших дальнейших указаний. Они не должны покидать комнату без вашего разрешения, пока вы не разрешите им уйти.

Президент Соединенных Штатов произнесла нечто среднее между фырканьем и смехом.

— Господин посол...

— Камаль.

— Камаль. Я ценю ваши замечания, касающиеся моего персонала, но вы обратили внимание на некоторые вещи, которые всего-навсего являются особенностями нашей культуры. Тем не менее, я, безусловно, приму ваши замечания к сведению и рассмотрю их.

Камаль понял, что это означало, она просто проигнорирует его замечания. Чертовски

упрямая женщина. Если она и впредь собирается суетиться по поводу своего президентства, она должна, по крайней мере, настоять на правильном поведении своих сотрудников. Без мужа, стоящего за ней и волевого права, персонал будет ее тиранить. Черт побери, да весь народ. Женщине в этом кабинете, необходимо быть в два раза более жесткой и требовательной, чем мужчине. И ей однозначно стоит начать со своего собственного персонала.

— Благодарю вас, госпожа президент, — пробормотал он, прекрасно понимая, когда стоит отступить и не настаивать. Но для себя он сделал пометку — в следующий раз, когда он придет в Белый дом, он более внимательно будет следить за ее обслуживающим персоналом. Америке необходимо обращаться с таким президент намного лучше, и он был уверен, что он сможет продвинуть это дело.

— Теперь, мы должны рассмотреть вопрос, касающихся северных границ...

— Ванесса! — прокричала Джессика в дверь Овального кабинета.

— Да, госпожа президент, — почти мгновенно ответила Ванесса из-за своего стола, стоявшего слева от двери.

— На минутку, пожалуйста.

— Да, мэм? — спросила Ванесса, шагнув в кабинет.

Джессика повернулась и посмотрела на маленькую, изящного главу администрации, с идеальной прической, и ни единой складке на одежде. С ума можно сойти, но эта женщина никогда не выглядела «помятой». Джессика старалась изо всех сил не выглядеть помятой, начиная с того момента, как она просыпалась, и заканчивая, когда она просто падала в кровать, чтобы попытаться выспаться за три или четыре часа.

— Мне пришлось выдержать от посла Египта нагоняй, что я недостаточно хорошо руковожу своим штатным персоналом.

— Прошу прощения, мэм?

— Выпустили его в мой кабинет, не сказав мне об этом. Я..., — Джессика провела рукой по лбу, задаваясь вопросом, в какой момент ее день пошел не так, — танцевала, — она застонала, — ради Бога. Это было унижительно, и Джош не налил чаю, не спросил, может я хочу чего-нибудь еще, просто вышел.

Ванесса попыталась посмотреть на нее очень сочувствующим взглядом, но такого взгляда у нее не получилось.

— Не налил чаю?

— Да, вы знаете, так делают настоящие англичане.

— Мэм, мы отбросили традицию англичан пару веков назад. Не уверена, что мы должны подражать им в этом отношении.

Артериальное давление Джессики подскочило в сотый раз, и она сжала зубы.

— Хорошо, Ванесса, спасибо. Пожалуйста, в будущем никого не впускайте в мой кабинет, сначала не спросив меня.

— Конечно, госпожа президент.

— И скажите Джошу научиться наливать чай, прежде чем на следующей неделе придет посол.

— Да, госпожа президент.

Как только Ванесса выскользнула из кабинета, Джессика опустилась в свое большое кожаное кресло и положила голову на изголовник, закрывав глаза. В этом кабинете она была уже два года и восемь месяцев, и за этот срок ни разу не было дня, что она не задавалась

вопросом — какого черта она здесь делает?

И сейчас еще это соглашение с египтянином. Оно было важной частью ее плана по стабилизации отношений на Ближнем Востоке, но черт побери, если бы она захотела, то могла бы этот вопрос свалить на своего государственного секретаря. Камаль Масри определенно был занозой в ее заднице.

Она вспомнила выражение его лица, когда обернулась, продолжая подпрыгивать попой у него на глазах. Очевидно, это зрелище он находил очень даже развлекательным... по нескольким причинам. Она не пропустила его горящий взгляд, который промелькнул в его темных глазах, и эту его ухмылочку.

Он был чрезвычайно красивым мужчиной — высокий, темноволосый и красивый. Его волосы были в совершенстве подстрижены и уложены, костюм от известного дизайнера, обувь была наполирована до блеска. Единственное, что не соответствовало его высокому положению иностранного посла, маленькая золотая серьга в мочке левого уха. Она сразу обратила на нее внимание, потому что она совсем не вязалась с его стилем. Но глядя на эту серьгу, она скорее представляла его пиратом в развевающейся белой рубашке, открывающую грудь, в узких брюках и высоких сапогах... с сережкой. А поскольку у него была смуглая кожа, и сам по себе он был очень властным, он мог бы стать хорошим пиратом.

Она открыла глаза, почти удивляясь, что его нет здесь и кабинет по-прежнему пуст, поскольку ее фантазия была настолько яркой. И очень-очень сексуальной.

— Господи, Джессика, соберись, — пробормотала она себе под нос. Скорее всего сказывался недостаток сна.

Телефон звякнул, она подняла трубку.

— Да?

— Сенатор Аронсон здесь, чтобы встретиться с вами, — протянул ее секретарь Адам.

— Да, пригласите ее, пожалуйста.

Дверь распахнулась, и Фиона Аронсон влетела в самый известный кабинет мира, похожая на кружащегося дервиша, с длинными ярко-красными ногтями, огромной тexasской шевелюрой и тысячедолларовыми подпрыгивающими грудями.

— Ты однозначно не поверишь, что этот мудака Джейсон Арнот пытается делать с пакетом ассигнований, который мы собрали, — взревела она, обхватив Джессику и даря ей воздушные поцелуи в обе щеки.

— О, печенье, это хорошо, — воскликнула она, увидев печенье на блюде, который не успел забрать официант, когда посол ушел. — Я умираю, как хочу есть и черт побери, нам не дают даже временного перерыва на обед, только после восьми вечера.

Джессика покачала головой, наблюдая за своей лучшей подругой. Женщина напоминала торнадо, дующее с одного конца города в другой.

— Почему ты не хочешь прямо сейчас пойти пообедать, вместо того, чтобы донимать меня и запихивать в себя печенье?

Фиона закатила глаза в экстазе, как только откусила кусочек шоколад-орехового печенья.

— Потому что у тебя самое лучшее печенье. Клянусь, я никогда не думала, что найду лучше печенье, чем пекла моя бабушка в Ларедо, но могу точно сказать, что печенье, которое пекут в Белом Доме, действительно, лучше, чем ее.

Джессика села в кресло и наблюдала, приподняв одну бровь, как Фиона запихивала третье печенье в рот, едва прожевав, причем не до конца, второе.

— Джейсон Арнот хочет забрать пять процентов из бюджета на образование и вложить их в свою новую программу — обучения технике безопасности обращения с оружием, конечно, федеральному правительству прямо необходимо обучать технике безопасности гражданское население обращения с оружием.

Джессика отрицательно покачала головой.

— Не волнуйся, этому не дадут ход. С другой сторону прохода очень быстро последует отказ, ты даже не успеешь и слова сказать.

— С другой стороны прохода кое-кто любит оружие.

— Но они ненавидят правительство. Поверь мне, они не захотят видеть федералов поблизости со своими любимыми пушками, даже для тренировки, — Джессика отщипнула кусочек лимонного с кремом печенья у Фионы. — И ты тоже любишь свое оружие.

Фиона нахмурилась, схватив голубые макаруны.

— Я люблю свое оружие у себя на ранчо. Это не означает, что каждый владелец жилья в крупном городе должен держать у себя по пять пистолетов.

Джессика кивнула, снова отщипнув кусочек печенья у Фионы.

— Позже ты меня поблагодаришь, — сказала она. — Поэтому помимо воплей про Арнота, что привело тебя в середине длинного рабочего дня, сюда?

Фиона выпрямилась и ее глаза засверкали.

— Уух, я думала ты никогда не спросишь!

Джессика знала этот тон. Она дружила с Фионой с тех пор, когда они были еще однокурсницами в Стэнфорде, и этот голос определенно предвещал грядущие проблемы.

Она сжалась в своем кресле и прикрыла глаза рукой, сделав глубокий вдох. За все эти годы по своему опыту она знала, что сможет выкрутиться и из этого.

— В город приехал мой друг. Давний друг, я знаю его десять лет. У него скотоводческое ранчо в окрестностях Калифорнии. И недвижимость семьи рядом с океаном в Биг-Сур.

— Ммхм, — пробормотала Джессика. Она уже догадывалась куда клонит ее подруга. Она страшилась этого больше всего и всячески старалась избегать, но время научило ее, что она должна терпеть.

— Итак, мой друг Кейд Дженкинс... абсолютно самый красивый мужчина, ты никогда такого не видела... пробудет в городе несколько дней, встречаясь с консультантами, которые посоветуют ему что-то по поводу органики, и я подумала, что если мы поужинаем вместе с ним? Ты, я, Кейд... и я приглашу Денни для ровного счета.

Денни был своеобразным кодом для двойного свидания, он был нерешительным парнем Фионы из фармацевтической компании, Фиона обожала его, пока его фармацевтическая компания не делала что-то ужасное, тогда она отказывалась с ним встречаться до тех, пока не успокаивалась. К счастью, Денни понимал, что дело касалось не его лично, а его работодателя, поэтому он был терпелив в их отношениях, которые продвигались урывками.

Джессика вздохнула, очередной раз попросив всех богов, чтобы ее лучшая подруга во всем мире не была так зациклена на ее личной жизни.

— Я не хожу на свидания, ты же знаешь.

— Это не свидание, — Фиона фыркнула, деликатно стряхивая крошки печенья со своих колен.

— Это двойное свидание, а я не хожу на свидания.

— Ну, почему бы и нет? — воскликнула раздраженно Фиона, всплеснув руками. — Тебе только тридцать семь лет, ты красивая, умная, и, скорее всего, самая желанная женщина на

планете. Почему ты не хочешь встречаться?

Джессика встала и подошла к своему столу.

— Потому что я — президент Соединенных Штатов. У меня нет времени для свиданий и было бы абсолютно неприемлемо ходить на свидания, даже если бы я сжала свой график.

— Ты, на самом деле, думаешь, что американский народ не хочет, чтобы их президент был счастлив?

— На самом деле, американский народ не хочет думать о своем президенте, занимающемся сексом или имеющего любовника, вот что я думаю.

Фиона вздохнула, громко и затяжно, рассматривая свои ногти.

— Он такой милый, — нараспев произнесла она. — Такой сексуальный, высокий и загорелый. Он любит лошадей и путешествовать.

Джессика села за свой стол и надела очки для чтения.

— И живет в Калифорнии, в то время как я живу в округе Колумбия.

— Ты же не навсегда здесь. У тебя осталось меньше, чем два года, когда закончится твой срок, и мы обе знаем, что ты не собираешься баллотироваться на переизбрание.

— Ты не знаешь этого. Я не делала никаких заявлений, — Джессика нахмурилась с раздражением, ее подруга была иногда настолько самонадеянна.

— Я просто знаю, потому что знаю тебя, и я вижу, когда ты несчастна.

— Я не несчастна.

Фиона встала и подошла к столу, облокотившись бедром о край.

— Тебе не нравится быть президентом.

Головная боль у Джессики от напряжения, которая весь день готова была проявиться, проснулась.

— Мне не нравится быть президентом, — призналась она.

— Тогда тебе стоит задуматься о том, на что будет похожа твоя жизнь, когда ты станешь бывшим президентом, и твоя жизнь к тому моменту должна включать симпатичного, состоятельного, образованного мужчину.

Джессика рассмеялась. Фиона как всегда сильно сгущала краски, без сомнения.

— Нет, Денни. Только трое, чтобы это не выглядело как двойное свидание.

Фиона подняла ладони вверх, словно президент наставила на нее пистолет.

— Хорошо, без Денни. Мы трое, и мы можем поесть здесь, даже не появляясь на публики.

Джессика кивнула, Фиона запрыгала вверх-вниз и захлопала в ладоши.

Раздался стук в дверь, и заглянула Ванесса.

— Госпожа президент, секретариат председателя ищет сенатора Аронсон. Должна ли им сказать, что она здесь?

— О, Уолтер, — усмехнулась Фиона, закатив глаза. — Старая змея. Он пытается использовать мое отсутствие как причину, чтобы затянуть голосование по поводу бюджета, тем самым, выставив меня на всю страну в невыгодном свете. — Она наклонилась и поправила ремешок на своих лабутенах. — Ванесса, будь добра, скажи председателю, что я буду в течение пятнадцати минут, но я ожидаю, что голосование состоится до шести, потому что я не могу ждать обеда до восьми часов вечера. Я просто могу упасть в голодный обморок посреди палаты парламента.

И с этими словами сенатор Аронсон вылетела также, как и появилась.

Ванесса стояла в дверях, пока сенатор не исчезла.

— Мэм, что бы вы хотели сказать председателю?

— Просто скажи, что сенатор Аронсон уже идет.

Ванесса усмехнулась.

— Да, госпожа президент.

— И, пожалуйста, свяжись с секретариатом офиса Фионы насчет ужина. Мы будем ужинать здесь, и с ней будет гость.

— Да, мэм.

Когда Ванесса ушла, Джессика открыла свой веб-браузер и набрала в поисковике Кад Дженкинс. Появилось несколько фотографий — высокий, хорошо сложенный мужчина с темными глазами, с выгоревшими волосами от солнца. На одной он был в ковбойской шляпе и одежде для ранчо, на второй — в деловом костюме с галстуком, он, однозначно, был красив. Но пока президент Соединенных Штатов смотрела на его фото, единственное, что вертелось у нее в голове, что, на самом деле, она предпочитает пиратов.

Камаль демонстративно вошел в квартиру в кондо, в деловой части центра Вашингтона, округа Колумбия, направившись напрямиком к бару. День был — одна большая проблема, все началось со звонка министра торговли из дома, и закончилось угрозой взрыва в посольстве, в результате — эвакуацией всего персонала в середине недельного приема граждан. И он был вынужден сказать всем египетским эмигрантам и туристам с паспортами и визовыми вопросами прийти завтра. Как правило уходил целый день, причем напряженный рабочий день у его сотрудников каждую неделю, чтобы разобраться со множеством проблем, с которыми путешествующие египтяне или живущие в США шли в посольство.

Налив себе щедрюю порцию бурбона, он присоединился к двум другим мужчинам у бильярдного стола, который стоял в столовой в небольшой квартире. Квартира была не жилая, а служила в качестве места встречи эксклюзивного клуба «Силовых игроков», начало которому положил Камаль и его лучший друг, политический консультант Дерек Эмброуз. Именно здесь группа из пяти человек, тщательно отобранных пяти человек элиты Вашингтона, обсуждала и создавала возможности друг для друга, а также решала проблемы сбора информации.

— Тяжелый день, Лучезарный? — большой темнокожий мужчина, одетый в идеально сшитый костюм с галстуком набекрень, спросил у Камала, подойдя к бильярдному столу.

— Угроза взрыва, — хмыкнул в ответ Камаль своему другу Тигу Робертсу, партнеру в одной из самых престижных вашингтонских юридических фирм.

— Третья за шесть месяцев, не так ли? — спросил Джефферсон Тибадеукс, полковник Пентагона США, прежде чем сделать удар в угол лузы, чем заставил своего соперника Дерек выругаться.

— Да, и четвертая, которая была опровергнута, прежде чем мы начали эвакуироваться.

Дерек взял стакан и проскрипел:

— Мать твою! — Он повернулся к Камалю. — Что ты думаешь?

Камаль сделал большой глоток, прежде чем опуститься в кресло перед бильярдом.

— Не могу сказать. Я думал, что возможно это какая-то оппозиция из-за тысячелетнего соглашения, которое мы планируем подписать, но до сих пор никто не взял на себя ответственности, поэтому не могу сказать с чем это связано.

— А ребята из госбезопасности разве не работают с тобой над этим? — спросил Джефф.

— Да, этим они и ценны. Я бы предпочел, чтобы этим занялись мои собственные люди, фактически посольство — собственность Египта. Но не стоит с ними спорить, поэтому я держу свой рот на замке и позволяю твоим парням заниматься своей работой.

Джефф издал шипящий звук.

— Госбезопасность, безусловно, не мои парни. Мои парни те, которые сообщают, когда они точно знают, кто стоит за этим. Мои парни, на самом деле, решают проблему. Национальная безопасность в основном создает бюрократическую мешанину и рапорты с грифом секретно.

Тиг и Дерек ухмыльнулись, потому что они знали, что Камаль ненавидел больше всего бюрократию, волокиту и доклады. Он не жалел о том, что предпочел взять ситуацию под контроль и сделать так, как он хотел. Как старший сын богатого, с большими связями

египетского бизнесмена, он был воспитан в традиции заботиться обо всем и всех. О его младших братьях и сестрах, своей матери, соответствовать ожиданиям своего отца, и в конечном итоге, всей страны.

И был секрет, который Камаль не раскрыл никому, даже самому себе он старался в этом не признаваться, по крайней мере, большую часть времени. Политическую карьеру для него выбирал не он, он бы не выбрал, за него выбрал его отец.

Мистер Масри уже завоевал бизнес страны и общество. В течение трех лет он считался самым богатым человеком Египта, и он руководил многими отраслями бизнеса (как законным и не очень законным), даже Камаль не имел полной картины бизнеса семьи. Но старший Масри единственное чего не имел, определенной формы власти — правительства. И поэтому Камаль стал послом, чтобы закрепить государственную власть для своего отца, для семьи. И посол в США был первый шаг.

По большей части, Камаль не возражал. Встать во главе всего посольства и объединить весь штат, чтобы он четко выполнял его указания, управлять всем персоналом, в этом он как раз был очень хорош. Все что касалось организации и реорганизации чего-то, чтобы заставить работать слаженно и эффективно, насколько это возможно, всегда стоило обращаться к Камалю, и он всегда все делал лучшим образом.

Но бюрократическая волокита и подобное фуфло, связанное с управлением государственных организаций, сводило его с ума.

Камаль направил свой стакан в сторону Джеффа.

— Я хотел бы, чтобы твои парни взялись за это дело и лучше побыстрее.

Джефф ответил таким же жестом, только бутылкой пива.

— Сегодня я встречался с президентом, — добавил Камаль почти машинально.

— И как Джессика? — спросил Дерек. — Мне необходимо от нее получить одобрение кандидатуры Мелвилла до того, как кампания зайдет слишком далеко и другого пути не будет.

Дерек руководил президентской кампанией молодого, симпатичного сенатора, которого многие уже называли новым Кеннеди.

— Президент, — Камаль подчеркнул ее титул, — выглядела немного не в своей стихии. Я никогда не встречался с ней наедине, только на официальных мероприятиях.

— Что ты имеешь в виду не в своей стихии? — спросил Тиг.

Камаль задумчиво почесал голову, обмозговывая, как описать то, что он хотел сказать. Он жил в США с восемнадцати лет и понимал, что многие вещи воспринимал не совсем так, как американцы, скорее из-за своего воспитания, но он пытался, поэтому перевел дыхание, чтобы продолжить, тщательно подбирая слова.

— Когда я приехал, ее глава администрации ввела меня к ней в кабинет, не сообщив об этом президенту.

— Это побочные явления администрации, — подтвердил Дерек. — Я видел, как это делается с двух сторон, все зависит от президента. Лично я предпочитаю решить эту проблему за Джессику. Итак, достаточно хлопот вообще попасть к ней. Когда ты находишься в святая святых, не следует устраивать бег с препятствиями, чтобы достичь окончательной цели.

— Дело в том, что я не думаю, что разгильдяйство идет от того, что оно устраивает президента, мне кажется, ей просто не уделяют того уважения, которое она заслуживает.

— Ты имеешь в виду мужчин-сотрудников, — тут же спросил Тиг. Он был одним из

самых влиятельных адвокатов в стране на данный момент, но он вырос в общественном районе, многоквартирном доме Чикаго, который субсидировало правительство, и знал гораздо больше о реальной жизни, чем большинство из членов группы.

— Нет, не только они, — продолжил Камаль. — Ванесса Смит, глава администрации позволила мне войти в кабинет без предупреждения, президент была явно не готова встретиться со мной.

— Она что, была босиком или что-то еще? — пошутил Дерек.

— Нет, она танцевала.

Трое мужчин посмотрели друг на друга в замешательстве.

— Танцевала? — переспросил Джефф, откашливаясь.

— Да. Наушники, — Камалю пришлось кашлянуть пару раз, чтобы прочистить горло, вспоминая упругую попку Джессику в обтягивающем красном платье... как она вертела ею. Она танцевала, не зная, что я уже в кабинете, пока глава администрации не постучала ей по плечу.

Дерек прыснул от смеха.

— Боже мой, — пробормотал он.

— Да, — сухо ответил Камаль. — И потом, когда официант принес чай, грохнул поднос на стол, даже не предложив ей налить и не поинтересовавшись у президента, может ей нужно что-нибудь еще.

Тиг закатил глаза.

— Это всего лишь твоя одержимость пить чай, как англичане. Вы — бывшая колония, поэтому так серьезно относитесь к чаепитию. Мы отбросили этот обычай еще в 1770-х годах.

Камаль закатил глаза на своего друга.

— Фактически, США — это бывшая колония, и я немного в курсе вашей истории с чаем. Но у меня была такая же реакция, если бы на подносе стоял кофе или водка. Человек обязан проявлять больше уважения своему президенту, поставив поднос на стол и не делать ноги к ближайшему выходу.

— Чувствуете, Камаль только что использовал сленг? — пошутил Джефф.

Дерек оттолкнулся от бильярдного стола, положив свой кий на него.

— Это говорит о том, насколько он расстроен. Он использует сленг, когда на что-то обижаются или расстроен.

Камаль подошел к бару и налил себе еще. Одна из привилегий посла — он повсюду ездил в лимузине с охраной. Он мог пить столько, сколько хотел и когда хотел, хотя он редко пил, но сегодня, по некоторым причинам, он чувствовал, что ему необходимо выпить, таким образом, спасаясь от безжалостного списка своих обязанностей.

— Я был расстроен из-за нее, — признался он. — С ней рядом нет мужчины, который мог бы обеспечить соответствующее уважения, и очевидно, что сотрудники пользуются этим.

Свист Тига был низкий и длинный, Джефф в этот же момент пробормотал «бл*дь». Не только Дерек, как обычно заговорил, и Камаль сразу же подумал, что он скинет на него какую-нибудь интеллектуальную бомбу.

— Ты же понимаешь, что если бы сейчас в этой комнате была американка, она спустила бы с тебя шкуру?

Камаль нахмурился.

— Потому что я считаю, что к женщине-президенту стоит относиться с таким же

уважением, как и к президенту-мужчине?

— Нет, потому что ты сказал, что она не может *управлять* без мужчины, который бы заставил к ней проявлять уважение, — ответил Тиг.

— Я не вижу с этим никаких проблем. Я говорю, что ей нужен мужчина, защищающий ее, который сможет служить буфером между ею и людьми, обслуживающие ее, для этого они там и находятся. Кто-то должен настоять, чтобы они хорошо выполняли свою работу, за которую им, собственно, и платят, что подразумевает — с уважением служить президенту.

Голос Дерекы был мягким, и хотя Камаль знал, что его друг беспокоится о нем, все равно, это ужасно раздражало Камала. На самом деле, весь этот разговор раздражал его.

— Совершенно не обязательно для того, чтобы управлять своим персоналом, ей необходим мужчина, — сказал Дерек. — Если президент посчитает, что к ней относятся без должного уважения, она вполне способна настоять и потребовать от своих сотрудников, чтобы они изменили свое поведение. Она президент Соединенных Штатов. И она, однозначно, сможет руководить своим собственным персоналом.

Камаль вздохнул. Его американским друзьям никогда не дано понять его. Верит ли он, что женщины совершенно не уступают в интеллекте мужчинам? Конечно, поэтому Джессика Хэмптон и стала президентом. Но женщины... даже в якобы столь развитой стране, как учили его с самого детства, тоже ожидают уважения к себе. И это ожидание, не подразумевало, что кто-то подставит им подножку. Персонал машинально воспользовался этим — отсутствием ожидаемого результата. Ожидаемый результат настолько укоренился в Камале, что стал неотъемлемой частью его генетики. Но для большинства женщин, которых он знал, это было не так. Они просто демонстрировали не уважение к себе, причем достаточно долго, и он пришел к выводу, что они просто не могут поставить всех на место. И это продолжалось бесконечно, все продолжалось и продолжалось.

— Как скажешь, — ответил Камаль, понимая, что нет смысла в дискуссии. — Но она явно не руководит ими, и мне кажется, что они пользуются этим... или она позволяет им пользоваться, возможно.

— Похоже, это действительно больше касается Ванессы, чем самого президента, — заметил Дерек. — Она должна задавать тон всему Белому дому.

— Это только ты у нас можешь верховодить крутыми топами, — добавил Джефф.

— Да, если администратор фирмы не вместе с руководством, то довольно быстро начинается полное дерьмо, — согласился Тиг.

— Когда Ванесса завела меня в Овальный кабинет, не сообщив ранее о моем прибытии, я бы сказал, что тон задает она, причем полного неуважения.

— Что ж, я согласен с этим, — произнес Дерек, кивая.

Дискуссия медленно перетекла к различным проектам, над которыми работало большинство членов клуба, и Камаль налил себе еще спиртного, чтобы окончательно расслабиться и вошел в полный ступор, пока его друзья не собрались уходить, и тут он понял, что пропустил большую часть их тридцатиминутной беседы.

— Ты в порядке? — спросил Дерек, пожав ему плечо пиджака, его светлые волосы выглядели взъерошенными, также, как и его рубашка с галстуком.

— Да, — Камаль поднялся, поправляя свой пиджак, прежде чем поставить стакан на крышку бара и направился к двери. — Уже есть официальное заявление по поводу Мелвилла, которое состоится через пару недель?

— Да. Когда все будет окончательно готово, я встречу с президентом на следующей

неделе, надеюсь, она согласится. Еще довольно-таки рано начинать компанию нового президента, но я так понял, что в партии больше никто не имеет таких шансов, поэтому я хочу ей показать, кто собирается наследовать ее бразды правления.

Камаль кивнул.

— У меня будет встреча с президентом на неделе, мы до сих пор не пришли к соглашению по некоторым деталям, я смогу замолвить о тебе словечко, если смогу.

Они поставили квартиру на охрану, и Дерек проводил Камалья к его лимузину в подземный гараж, Камаль предполагал, что его друг вернется к разговору о президенте, она не выходила у него из головы. Поскольку она была потрясающей женщиной — умной, сексуальной, а как она вела переговоры. Она замолкала именно в тот момент, когда ей действительно нужно было слушать, но при этом она имела совершенно твердую позицию, когда вопросы затрагивали интересы ее страны. Она, однозначно, заслуживала лучшего отношения к себе, чем то, кто находился рядом с ней. Ей необходимо было помочь... несмотря на то, что она не признается, что нуждается в помощи или же нет? А Камаль был не тем мужчиной, который мог оставить женщину, когда она нуждалась в помощи.

Джессика не пыталась с такой же тщательностью подготовиться к этому свиданию, по сравнению с тем, когда она впервые была представлена Джону Хэмптону, первокурснику юридического факультета Йеля. Она отбросила в сторону третью пару обуви, вспоминая тот роковой вечер пятнадцать лет назад, когда ее школьная подруга Марго пригласила с собой пойти на вечеринку, чтобы встретиться с двумя парнями, с которыми она познакомилась в библиотеке.

— Ты будешь с Джоном, — сообщила она Джессике. — Он из известного рода, убийственно известного, но на самом деле, Давид слишком куцый для тебя, поэтому считай, что я жертвую собой ради вашей потрясающей пары.

Джессика два часа подыскивала себе наряд для этой вечеринки, она не сказала Марго, что уже видела Джона Хэмптона, две недели на «Гражданском праве» она потратила на то, чтобы просто пялиться на его великолепные волосы, а также на него самого.

Стук в дверь ее гардеробной, заставил вернуться в реальность.

— Да.

— Госпожа президент? — произнесла ее личный помощник. — Ваши гости идут по территории.

— Благодарю вас, я буду через минуту.

Дверь без скрипа закрылась, и она посмотрела на себя в зеркало, пытаясь оценить свое черное платье, декольте и облегающий лиф, с слегка расклешенной юбкой. Ее медные волосы были уложены в мягкие локоны, которые спадали с плеч, она одела крошечные жемчужины в уши, самое ненавязчивое украшение.

Она смотрела на свое отражение, женщины, которой теперь приходилось задумываться о каждом предмете одежды, который она надевала, каждом словом, которое она говорила, и каждым жесте, который она совершала. Это было опустошающе, пока она была президентом. И, если честно, первым президентом — женщиной. Она, словно находилась под микроскопом, все двадцать три из двадцати четырех часов, и она настолько привыкла, что является предметом пристального внимания, что иногда она входила в настоящий ступор в самом простом выборе, например, какие туфли стоит одевать при черном ансамбле. «Вот именно», — подумала она про себя, а какие еще у меня варианты?

Затем она почувствовала настоящий протест внутри себя, который вдруг возник из

ниоткуда, она повернулась к полкам с обувью и вытащила золотые с высоким каблуком открытые туфли, покрытые блестками по краю, и с огромным камнем на открытом носке. Она купила их много лет назад для костюма на Хэллоуин, когда она и Джон хотели принять участие в вечеринки. Они казались безвкусными, неуместными и в них почти невозможно было ходить. Поэтому она натянула их на ноги, сделала глубокий вдох и медленной поступью направилась в столовую Белого дома, чтобы встретиться с Фионой и Кейдом Дженкинсом, ковбоем из штата Калифорния.

— Джессика, Кейд сегодня принял участие в совещании департамента по сельскому хозяйству.

Джессика оторвала взгляд от французских зеленых бобов и посмотрела прямо в глаза Кейду, который слегка улыбнулся, очевидно, чувствуя себя не совсем комфортно в этой обстановке. Он оказался очень приятным человеком, возможно, немного напряженным, но скорее всего это было связано с тем, что он обедал с президентом Соединенных Штатов. Возможно, он не совсем был согласен с ее политикой, но здесь присутствовала Фиона, пытающаяся заставить его встречаться с ней, господи Боже ж ты мой.

— Я надеюсь, что наш государственный персонал оказался для вас полезным? — спросила она, сделав глоток красного вина.

— Да, полезны, — ответил он, положив свою вилку и откинувшись на спинку кресла. — Правда, я совершаю исследования в большей степени для того, чтобы успокоить своего младшего брата, который наряду со мной владеет ранчо. — Он на мгновение опустил глаза, прежде чем встретиться с ней взглядом. В дополнение к его выговорившим, солнечным волосам, у него были ярко-голубые глаза. — На протяжении трех поколений наше ранчо принадлежало нашей семье, и мы всегда все делали так, как было заведено испокон веков. Хотя сейчас конкуренция стала более жесткой, я не уверен, что тратить деньги и время является необходимым средством для перехода на органику, что это решит как-то саму проблему.

Фиона перевела взгляд на Джессику. Она знала, насколько сильно Джессика заботилась об окружающей среде и почти чуть ли не прокричала ей, чтобы президент не вступала в борьбу с этим горячим парнем, по поводу органического земледелия.

А он на самом деле был очень сексуальным, Кейд Дженкинс, он напоминал серфера из Калифорнии, и хотя он был недалеко от ее собственного возраста, у него на лице не было морщин, глаза светились интеллектом, и его тело было подтянутым, благодаря множеству дней, проведенных на ранчо. На нем были потертые джинсы, белая рубашка на пуговицах, и даже если отбросить его состояние, Джессика тотчас поняла, что парень был выгодным приобретением. К сожалению, выгодным приобретением, но не для нее.

— Процесс сертификации длительный, — дипломатично заметила она. — И мне кажется, что решение перейти на органику, намного больше, чем лучше для любого хозяйства. Это, своего рода, инвестиции в будущее нашей экономики и окружающей среды, конечно, не каждый владелец способен пойти на такого рода инвестиции.

Кейд приподнял бровь и ухмыльнулся. Он словно понял ее намек.

— Госпожа президент, уверяю вас, что скотоводческое ранчо в Биг-Суре вполне способно сделать такие инвестиции. Нам осталось всего лишь решить — *желаем ли мы*.

Туше! Парень был кремень, отчетливо было видно, что его невозможно склонить к тем решениям, с которыми он не согласен.

Джессика указала на него своим бокалом.

— Конечно. И, пожалуйста, называйте меня Джессикой. Вы в гостях в моем доме, а не в кабинете, — она улыбнулась и услышала, как Фиона в порыве резко выдохнула.

Кейд расслабился немного и улыбнулся еще больше.

— Ну, Джессика, может, вы сможете меня убедить за десертом. Слышал, что наш официант обмолвился о шоколадном муссе.

Фиона тридцать минут назад эспроприировала автомобиль, поспешно ретировавшись, оставив Джессику с Кейдом в резиденции. Они стояли на балконе с видом на Сад роз, его стакан был наполнен виски, а она держала в руке уже третий бокал вина.

— Так вот какова жизнь президента Соединенных Штатов, — заметил он, глядя на огни Вашингтона за пределами территории Белого дома.

Она пригладила платье, принимая во внимание насколько теплой была его улыбка и насколько широки его плечи в белоснежно-белой рубашке.

— Да, вот такая. Хотя, я очень редко выхожу на этот балкон, но когда я здесь, то мне нравится открывающийся вид.

— Вы должно быть, проводите возмутительно много времени на работе, — сказал он, придвигаясь к ней поближе, облокотившись рядом на перила.

Она покручивала свой бокал за ножку.

— Ну, все было бы проще, если бы я смогла поставить раскладушку в Овальном кабинете, но мне сказали, что она не соответствует статусу, особенно когда приходят люди на встречи в течение дня. Своего рода похоже на прикол в квартире-студии с кроватью, стоящей в центре гостиной.

Он засмеялся, низко и глубоко, и она тут же поняла, почему Фиона выбрала именно этого мужчину, чтобы заставить ее встречаться.

— Госпожа президент, — произнес Кейд, осторожно забирая бокал из ее рук и ставя на перила. — Я думаю, что у Фионы были всякие причины познакомиться нас двоих, приведя меня на ужин сегодня вечером.

Джессика глубоко вздохнула.

— Думаю, что вы правы, — она выдохнула, как только он коснулся ее руки.

— Должен сказать вам, что в дополнение к тому, что вы исключительно красивая женщина, я нахожу, что вы потрясающий президент Соединенных Штатов.

Она рассмеялась. Из всех вещей, которые ей часто говорили, ее титул президента всегда шел сначала.

Его рука скользнула вверх по ее шее, тихонько наклонив ее к себе, они прислонились друг к другу грудью, его губы находились всего лишь в нескольких дюймах от ее.

— Но должен честно сказать, что я не в том положении, чтобы заводить долгосрочные отношения, даже с самой влиятельной женщиной в мире, — он печально улыбнулся, и поскольку Джессика настолько хорошо была знакома с ответственностью, ее сердце сжалось от симпатии к нему. У него была улыбка человека, обязанности которого перевесили его свободу выбора. Человека, который имел ответственность перед людьми, своей семьей в управлении бизнесом, это была своего рода обязанность, которая досталась ему не по его воле. Да, его улыбка была именно такой — обязанность и долг, и потерянные надежды.

— Как президент, я не могу согласиться на то, что не долгосрочно, — прошептала она, глядя ему в глаза. — На самом деле, не могу согласиться не на что.

— Я понял, — ответил он, не отступая. — Но мне стало интересно... можно ли поцеловать президента Соединенных Штатов, чтобы пожелать ей спокойной ночи? Скорее

всего, этим я когда-нибудь смогу похвастаться своим внукам, если они у меня будут... что я целовался с президентом.

Она усмехнулась, обняв его за шею и подалась к нему вперед.

— Думаю, можно поцеловать президента, если вы обещаете хвастаться своим внукам, а не бульварной прессе.

— Клянусь, — пробормотал он, мягко, нежно и тактично дотронувшись до ее губ. Никакого давления, никаких ожиданий.

Она нежно поцеловала его в ответ, один, два, три раза, он отстранился, сняв ее руку со своей шеи и поглаживая своими большими натруженными пальцами.

— Теперь вы должны вывести меня из своего дворца, или же я буду бродить здесь неделями.

И Джессика Хэмптон, первая женщина-президент Соединенных Штатов Америки засмеялась, пока она вела своего нового друга через залы Белого дома, давая ему обещание посетить ранчо Биг-Сур в следующий раз, когда будет в Калифорнии. И вернувшись в резиденцию, сказав «Спокойной ночи» службе охраны, дислоцированной по коридору и всему зданию, она почувствовала, что не столь одинока, впервые больше чем за шесть лет. Она почувствовала что-то дававшее надежду, и поняла, что, когда столь долгое ее путешествие закончится ровно через шестнадцать месяцев, она больше никогда не будет делать ничего из чувства долга.

Камаль не хотел принимать телефонный звонок от отца, но он знал, что если не возьмет трубку, то сделает только хуже. Старший Масри был не из тех, которые готовы были мириться с игнорированием, особенно со стороны своего старшего сына и наследника.

— Доброе утро, сэр, — произнес Камаль, сидя у себя за столом, поставив телефон на громкую связь, чтобы он мог подписывать документы.

— Я в Лондоне. Сегодня последний день, — уточнил отец.

Камаль закатил глаза, пытаясь не забывать дышать. Он был воспитан проявлять максимум уважения к старшим, но его отец требовал в себе уважения в разы больше.

— Да, сэр. У вас какие-то дела в Лондоне?

— Да, и мне приходилось неоднократно слышать об этом соглашении, над которым ты работаешь с президентом Хэмптон.

Камаль ждал, даже если его отец замолчал, Камаль не должен был вступать в разговор.

— Мои деловые партнеры не довольны настоящим соглашением, которое ты сляпал «на коленях».

И тогда он ответил, потому что его раздражение усилилось в несколько раз.

— Как они могут быть недовольны тем, что еще не увидело свет?

Его отец неодобрительно фыркнул.

— Общество знает, что подразумевает под собой тысячелетний договор. Мы не дураки просто потому, что у нас нет дипломатического статуса, Камаль.

Камаль положил свою дорогую авторучку и откинулся на спинку большого кожаного кресла.

— И что же вы предлагаете мне сделать, учитывая недовольство твоих партнеров?

— Ты должен найти способ, чтобы это не стояло на повестке дня.

Камаль глубоко вздохнул и почувствовал укол вины, потому что он был груб с отцом, он не смог контролировать свое раздражение.

— Отец, я посол Египта в США. Этот статус, я напому тебе, ты сам мне дал. Таким образом, я не только отвечаю перед тобой и твоими партнерами. Я отвечаю перед президентом и парламентом Египта. В идеале, я отвечаю перед народом Египта, я не настолько наивен, чтобы думать, что их это как-то особо волнует, я имею ввиду моя ответственность.

— А я тебе напому, мой старший сын, что ты находишься в этом статусе, не для того, чтобы махнуть рукой на свою семью. Мы — твоя первая обязанность, и так будет всегда.

Сердце Камала сжалось и стали появляться признаки надвигающейся головной боли.

— Но ты же понимаешь, что я не могу игнорировать желания большинства членов парламента, голосовавших, чтобы предоставить мне полномочия вести переговоры по поводу этого соглашения?

— Подойди к этому творчески, Камаль. Столько, сколько я потратил на твое образование в Америке, безусловно, ты можешь создать видимость переговоров по этому соглашению, при этом гарантируя, что оно никогда не будет принято.

Камаль выяснил за свои тридцать четыре года, что бороться с отцом, вернее спорить, было бессмысленно. Либо делаешь, как он говорил, либо нет, но ваша жизнь становилась намного лучше, если сделать то, что он просил.

— Как скажете, сэр, — почтительно произнес он. — Моя верность — моей семье всегда будет моей первой обязанностью.

— Хорошо, — угрюмо буркнул его отец. Мужчина даже не мог выразить свое великодушие от победы. Он был деспотом в очень дорогих костюмах и лимузинах за сотни тысяч долларов. — Я продолжу следить, как будут разворачиваться события. И передам сестрам, что ты спрашивал о них.

Дерьмо. Он не разговаривал с сестрами уже несколько недель. С ними он оказался также «не на высоте» как сегодня в роли сына со своим отцом.

— Да. Пожалуйста, передай им, что я скоро позвоню.

Его отец крикнул что-то типа «пока», и Камаль стукнул по кнопке на телефоне, чтобы отключиться.

Он потер подбородок, встал и зашагал к двери. Поколебавшись, дернул за ручку, его личная охрана стояла в ожидании, в темных костюмах и наушниках, сразу выдавая их статус. Военизированная и вооруженная охрана в лице египетских солдат окружало здание со всех сторон, пока высшего уровня разведчики ненавязчиво поселились в египетской диаспоре, готовые предоставить разведданные и оказать, если потребуется, помощь при каких-либо политических волнениях со стороны США или Египета. К сожалению, ни от того, или от другого пользы было мало, кроме нескольких угроз о заложенных бомбах, которые дестабилизировало работу посольства на несколько месяцев.

— Пожалуйста, вызовите машину, — попросил Камаль своего телохранителя.

— Господин посол, встреча в Белом доме будет через два часа, — произнес охранник.

— Мне наплевать, — огрызнулся Камаль. — Я хочу уехать. — Если он не выберется из давящих на него обязанностей и обязательств, он сам готов будет заложить бомбу и подорвать все к чертям собачьим. И если он сам попадет под огонь, ну что ж так и быть. По крайней мере, он, наконец, будет свободным.

Джессика не поняла, почему захотела организовать их встречу на открытом воздухе в патио, был прекрасный осенний день, и ей захотелось немного погреться на солнышке на свежем воздухе. Днем ей предстояла встреча только с послом Масри, которого она не могла представить себе в такой неформальной обстановке. Хотя посол был очень самонадеян в своих комментариях по поводу ее руководства персоналом, он также был очень хорошо воспитан, рассудительным, особенно в обсуждении предстоящего соглашения. Он был блестящим аналитиком, коммуникабельным, когда скрывал свою властность.

— Госпожа президент, — позвала Ванесса из французских дверей Овального кабинета, выходящего на террасу. — Прибыл посол.

— Спасибо, пожалуйста, проводите его.

Мгновение спустя посол вошел в патио, Джессика была потрясена, ее сердце заколотилось и в груди, вернее чуть ниже, запорхали бабочки.

На нем был прекрасно сшитый костюм, классический английский костюм, но загар, выделял его, несмотря на всех мужчин Вашингтона, носивших темные костюмы. Контраст с его густыми, темными волосами был настолько разительным, что Джессика не могла не обратить внимание на его широкие плечи, на которых костюм сидел идеально. Портной этого мужчины однозначно заслуживал похвалы.

— Госпожа президент, — сказал он, подходя и протягивая руку. Она пожалала и старалась не обращать внимания на электрические искры, которые заскользили у нее по коже, как только она прикоснулась к нему.

— Пожалуйста, присаживайтесь, господин посол. Я надеюсь, вы не возражаете, что мы проведем нашу встречу на свежем воздухе. Иногда мне кажется, что я не была уже на улице целыми неделями.

— Как и я. Прекрасно, — он улыбнулся, и она была ослеплена блеском его белозубой улыбки. Она снова перевела взгляд на золотую сережку, и мысли об *опасном пирате* закружились у нее в голове.

— Я решила вас опередить и заказала лимонад и сэндвичи с чаем. Но если вы против, я могу позвонить и персонал встанет рядом, чтобы разлить нам лимонад или чай, — сказала она, улыбаясь и дерзко ему подмигнув. Наверное, это было не вполне уместно для президента подмигивать послу, но Джессика чувствовала себя сегодня более оживленной, чем обычно.

Посол опустил голову, как бы раскаиваясь и поглядывая на нее из-под ресниц.

— Я переступил черту, госпожа президент. Прошу прощения. Если вы простите меня, в знак раскаяния я сам буду наливать вам лимонад.

Она заметила искры смеха у него в глазах, несмотря на то, что он старался выглядеть огорченным.

— Думаю, что все хорошо, господин посол, — ответила она, наконец, смеясь. Он смотрел на нее, и она готова была поклясться, что увидела жар в его глазах, но он очень быстро его унял, передвинувшись, чтобы наполнить каждому из них бокал ледяным лимонадом.

— Вам следует называть меня Камаль, госпожа президент.

— Буду, если вы будете называть меня Джессикой, когда мы наедине. А-то я стала забывать свое имя, так мало людей называют меня по имени.

Он серьезно кивнул, словно понял, что она имела в виду.

Она достала пачку бумаг, поставила стакан с лимонадом на стеклянный столик.

— Теперь, Камаль, итак, что мы собираемся сделать, после того, как проставим тарифы на производство экспорта после 2019 года?

Камаль рассматривал Джессику Хэмптон, пока она целенаправленно обсуждала ряд положений предложенного соглашения. Он знал, что она на несколько лет старше его, но она не выглядела на свой возраст, скорее выглядела даже моложе. У нее была гладкая кожа, голубые светлые и ясные глаза, в медных волосах не было проседи. И хотя это было совершенно неуместно, он ничего не мог с собой поделать, поскольку его мужской мозг, воспринимал ее ниже шеи, как женщину, причем одаренную формами. Да, президент Соединенных Штатов был «деткой», и ему было тяжело сосредоточиться на сложностях переговоров.

— Извините, вы не могли бы повторить последнее положение? — спросил он, немного встряхнувшись, пытаясь перезагрузить другие части своего сознания.

Она одарила его нежной улыбкой, отчего его член дернулся в дорогих брюках. О, черт.

— Почему бы нам не сделать небольшой перерыв, — произнесла она, даже не взглянув на свой сотовый телефон, который лежал перед ней на столе. — У нас есть час до моей следующей встречи. Не хотите прогуляться по Саду роз, чтобы прочистить голову? Иногда движение помогает мне думать.

— Отличная идея, — произнес он, вставая и протягивая ей руку. Она нерешительно взяла его за руку, но он сделал то, что хотел, а не то, что предписывал протокол, положил ее руку в сгиб своей руки и повел ее в знаменитый Сад роз Белого дома.

— Так вы давно уже в Штатах, насколько я понимаю? — спросила она, когда они шли по дорожке между кустами роз.

— С восемнадцати лет, я приехал учиться в институте, — ответил он. — Я был в школе-интернат в Англии десять лет, пока не приехал сюда.

— О боже, — воскликнула она. — Так вы не были в Египте с тех пор, как были еще маленьким мальчиком?

— Не совсем. Я часто езжу домой, конечно, но мое образование было исключительно западным.

Она нахмурилась, и он подавил желание разгладить пальцем крошечную морщинку, которая появилась у нее между бровями.

— Ну, это объясняет британский акцент, — сказала она с улыбкой.

— У меня он был бы все равно, независимо от школы-интерната. Помните, Египет был Британской колонией в течение достаточно долгого времени. Большинство моих сограждан ни говорят на английском с британским акцентом.

Она кивнула, они шли молча несколько минут, ее рука по-прежнему оставалась на его. Он чувствовал запах роз, а также еле уловимый запах миндаля, которым пахли ее волосы. Солнце немного грело, он прикрыл глаза на мгновение, представляя, что вот такая была бы его жизнь — красивое место, прекрасная женщина рядом и никаких других обязательств.

— Это трудно? — спросила она, нарушая установившуюся тишину. — Представлять страну, в которой вы никогда не жили? Я признаюсь, что мне иногда сложно представлять свою страну, хотя я прожила в ней всю жизнь. Мне кажется это тяжело, отстаивать права и добиваться успеха для страны, которая в некоторой степени для вас как иностранное государство.

Он вздохнул, подбирая слова, чтобы попытаться объяснить американке его концепцию семьи, страны и культуры. Многие с Ближнего Востока поняли бы его, но большинство американцев не смогут.

— Мой отец очень известный человек в Египте, у нас также очень большая семья, включая всех родственников. Двоюродные братья и мой брат учились в школе-интернате вместе со мной, у меня есть племянницы и племянники, которые работают у меня в посольстве, мой отец ездил в Англию почти раз в месяц, чтобы проверять мои успехи в обучении, а все свои каникулы я проводил в доме недалеко от Каира.

Она кивнула, и выражение ее лица придало ему оптимизм.

— Для меня Египет не только место, где я родился, это целый комплекс убеждений, мировоззрений, семейных связей и культурных традиций. Мой Египет не привязан конкретно к земле, в большей степени к людям, египтянам, разбросанным по всему миру. Я представляю их всех, что они являются частью меня независимо от того, где мы находимся в любой момент времени.

Она, наконец, вытащила свою руку, и он чуть не положил ее обратно, потому что ощутил настолько неожиданно холодным и одиноким стало это место.

— Да, это прекрасно, — сказала она. — Может из-за того, что мы столько не путешествуем по миру, как другие страны, американцы более привязаны к определенной местности. Хотя мне кажется, что эмигранты стали намного глубже понимать некоторые вещи, которые не отделяют их по существу от американцев. Проведя юность за границей, я поняла это, поскольку была очарована, что некоторые вещи настолько глубоко вжились в меня, заставляя чувствовать себя американкой, несмотря на то, что я глубоко погрузилась в

марокканскую культуру.

Он улыбнулся, поскольку они молча одновременно развернулись и направились в обратную сторону. Он в очередной раз проигнорировал протокол и все же положил ее руку на сгиб своей руки.

— И каковы же были эти вещи? — спросил он, внимательно вслушиваясь в каждое ее слово, которое она произносила, ее голос напоминал ему теплый мед на кончике языка, а стоило ее губам задвигаться, так это был зов сирены для его нижних отделов тела.

— Одежда — это очевидно, конечно, мне пришлось адаптироваться к этому, пока я была в Марокко, и это вызывало у меня желание освободиться, получить ту свободу в одежде, которую я могла позволить себе дома. Меня никогда никто не ограничивал, кроме тех обязанностей, которые сейчас возложены на меня. Мне был двадцать один и я не осознавала всю ту свободу, которую имела.

— Да. Американцы говорят о своей свободе, словно выступают с речью на выборах, но я всегда думал, что самые невероятные свободы в этой стране не были столь очевидными. Например, носить одежду ту, которую хочешь, устроиться на работу, которая тебе нравится, жить там, где хочется — это все нельзя сделать в египетской культуре, и как только ты пробуешь эти свободы здесь, трудно вернуться к тем ограничениям.

Он сразу же почувствовал чувство вины, появившееся у него в груди. Он старался не думать о таких вещах, даже про себя, а не то, что произнести их вслух, да еще лидеру иностранного государства.

— Сожалею, — тут же ответила она, прокашлявшись. — Это было неуместно. Наши страны разные, и равноценны в своих собственных правах.

Она слегка коснулась его руки, когда они подошли к выходу из сада.

— Камаль? Это нормально. Вы глубоко любите свою страну. По крайней мере, из вашего рассказа, я поняла все именно так.

— Спасибо, — он повернул голову в ее сторону.

Она не убрала руку, и он пожелал, чтобы она никогда ее не убирала. Он внимательно разглядывал ее, поскольку она была достаточно близко, и увидел ее черные ресницы, как они порхали над ее ярко-голубыми глазами, открывая и закрывая ее душу.

— Я думаю, — негромко произнесла она, удерживая его взгляд, — что пока мы — Камаль и Джессика, то можем дискуссировать на разные темы. Посол и президент ведут несколько другие беседы, но мы можем их оставить для Овального кабинета, да?

Она смотрела на него почти с надеждой. И его одинокая часть потянулась к надежде в ее глазах, и прицепилась к этой надежде с такой силой, что он понял, сопротивление было бесполезно. Он взял ее маленькую, мягкую ручку, и ее глаза резко переметнулись на их сцепленные руки, как будто она забыла, что касалась его. Медленно он поднял ее руку к губам и поцеловал кончики ее пальцев долгим поцелуем. Она тихо ахнула, но руку не убрала.

— Я думаю, что это отличный вариант, Джессика, — его голос звучал низко, с хрипотцой, и она смотрела на него в оцепенении, а его собственные внутренности скрутились от жара и желания.

Но Джессика Хэмптон не была бы первой женщиной-президентом, если бы потворствовала своим желаниям, поэтому она быстро стряхнула с себя наваждение, озарив его улыбкой.

— Ну, у нас осталось еще сорок минут. Мы закончим с тарифами?

— Да, госпожа президент. Вне всякого сомнения, — он подмигнул ей, и она

покраснела, прежде чем они вернулись к столу и к важному соглашению, которому Камаль был очень благодарен в данную минуту.

— Госпожа президент? — рано утром Ванесса постучала и тут же просунула голову в дверь Овального кабинета.

— Да? Заходи, — Джессика вынуждена была признать, что потребовав от сотрудников заявлять о себе и других, прежде чем войти в ее кабинет, сделали ее рабочие дни более терпимыми. Она не смогла себе объяснить, почему приняла замечание от иностранного дипломата, которое было настолько очевидным, ведь она, в конце концов, была, черт побери, президентом Соединенных Штатов, кроме того ей пришлось признать, что каждый сотрудник и посетитель, оказывающийся в ее кабинете, попадал сюда не ради развлечения.

— У меня плохие новости.

Джессика выпрямилась в кресле, готовая услышать плохие новости, хотя было всего лишь семь пятнадцать утра.

— WNN сообщает, что сенатора Мелвилла вчера застукали с проституткой.

— Что? — вскрикнула Джессика. — Он же выдвинул свою кандидатуру на пост президента!

Ванесса вздохнула и молча кивнула.

— Я знаю, мэм, но в данный момент, при сложившихся обстоятельствах, вы не можете оказывать ему должную поддержку.

— Черт. Он должен был стать лидером своей партии. Он собирался стать моим приемником, — прошипела она с трудом выдохнув, адреналин разливался у нее по венам, захлестывая горячей волной.

— Соедини меня с Дерекком Эмброузом, — начала она.

— Да, мэм. Думаю, что он сейчас по горло завален звонками, но я постараюсь дозвониться до него, как можно скорее.

— Спасибо. Может ты сможешь заказать мне еще кофе и пончик, если на кухне есть еще хоть один?

Ванесса улыбнулась в ответ, зная о склонности своего босса есть сладкое во время стресса.

— Да, госпожа президент. Я слышала, что была приготовлена свежая порция печенюшек, которые вам так нравятся.

— Слава Богу. Передай им мое огромное спасибо.

— Да, мэм.

Ванесса выскользнула из кабинета, а Джессика обмякла в своем кресле. Десять лет назад она стала женой нового, молодого сенатора США, и в ее будущее совершенно, абсолютно, никак не входило стать президентом Соединенных Штатов, кроме как быть женой президента. Джессика Хэмптон вышла замуж за наследника известной американской политической династии, понимая, что произнеся свадебные клятвы, она вошла в жизнь политических кампаний своего мужа, и что их отношения будут постоянно на виду общественности, а ей придется сохранять домашний очаг, пока политическая карьера Джона передвигалась по скалистой карте Америки. Но они были молоды, полны идеалов и настолько влюблены друг в друга, что выиграв выборы, они отпраздновали его победу в арендованном очаровательном особняке в Джорджтауне и разговаривали о том, что хотели бы создать семью.

Его первый срок в Сенате США она провела, обустроившись в округе Колумбия. Она посетила множество благотворительных акций, дипломатических приемов, мероприятий для жен известных политических деятелей. Она обустроивала и украшала дом, раздумывая о своей карьере. До переезда в Вашингтон Джессика практиковала корпоративные споры в средней фирме в Нью-Йорке, но с мужем, который теперь заседал в Сенате, корпоративное право слишком близко приближалось к конфликту интересов, поэтому Джессика уволилась, пытаясь выяснить в каком направлении ей хотелось бы развивать свою карьеру.

Ответ пришел совершенно неожиданно, на одной вечеринки она познакомилась с ректором Джорджтаунского университета. Он говорил о необходимости создания нового совета университета, и сердце Джессики затрепетало. Ей нравилось сфера образования — университеты, кампусы, студенты, существующая атмосфера диспута и свободы мысли. В течение недели она сделала все, чтобы занять должность юрисконсульта университета и частично преподавать договорное право на юридическом факультете. Джон также, как и она был в полном восторге. Ее должность предоставляла ей возможность в дальнейшем перейти на преподавание на полный рабочий день, когда у них появится ребенок, а главное не представляла никаких конфликтов интересов, учитывая его позицию в Сенате.

Раздался звонок телефона, прерывая ее путешествие по закоулкам воспоминаний, голос ее секретаря зазвучал по селектору.

— Госпожа Президент? Мистер Эмброуз на линии.

— Соедините с ним, пожалуйста, — ответила Джессика. Раздался щелчок, и Джессика нажала кнопку «ответить». — Дерек?

— Госпожа президент, доброе утро.

— Я слышала, что это не самое лучшее утро для вас и сенатора Мелвилла.

Дерек горько усмехнулся.

— Нет, мэм. На самом деле, полный бардак. Вы видели отчеты?

— Нет, но Ванесса кратко изложила суть.

— Мэм, мы планируем сегодня провести пресс-конференцию, на которой представим прессе женщину, о которой идет речь, на самом деле, она — моя подруга и находилась в отеле, чтобы исключительно увидеться со мной, а не с сенатором.

Джессика помолчала секунду, недоверчиво прокручивая в голове услышанное.

— Дерек...

— Все будет хорошо, госпожа президент. Я знаю, насколько важна для вас его кандидатура, а также для партии. У меня все под контролем, через неделю никто не вспомнит об этом событии.

Она вздохнула.

— Надеюсь, что ты прав, Дерек. Я очень верю в тебя, но в связи с этой шумихой, я не смогу одобрить кандидатуру сенатора Мелвилла... по крайней мере, пока.

Он сделал все, чтобы скрыть свое разочарование, по его вздоху она поняла, что он был разочарован.

— Конечно, я понимаю. Мы продолжим работать в этом направлении, урегулируем эту ситуацию и начнем кампанию, и тогда через несколько недель вы пересмотрите свое решение.

— Звучит неплохо. Пожалуйста, держи меня в курсе по развитию этой ситуации.

— Да, мэм.

Положив трубку, Джессика откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Вот черт.

Она была первый кандидатом, которому оказывалась всесторонняя поддержка, и ее партия предполагала, что она будет переизбрана. Но Джессика никогда не хотела быть президентом, и конечно, не хотела занимать эту должность следующие четыре года. Джейсон Мелвилл был ее преемником — молодой, привлекательный деятель лояльной партии, который мог получить ее согласие и прямиком попасть в Белый дом.

Теперь, план находился под угрозой срыва, и Джессика поняла, что партия может настать, чтобы она опять баллотировалась на второй срок.

— Черт тебя побери, Джон, — выругалась она себе под нос, чувствуя начинающуюся головную боль, которая давила на глаза. Джессика Хэмптон даже в своем кошмарном сне, не могла предположить, что шесть лет назад ее красивый, очаровательный тридцати двухлетний муж будет мертв, не достигнув даже тридцати четырех лет, и она будет вынуждена занять его место в Сенате, чтобы выполнить его политическое наследие — попасть в президенты.

У Джессики зазвонил мобильный телефон, она посмотрела на экран, звонила ее свекровь. Эта женщина всегда словно чувствовала, когда Джессика вспоминала о ее сыне.

— Привет, Марджори, — ответила она.

— Дорогая, — протянула Марджори своим густым южным акцентом. — У тебя есть минутка?

— Да, до следующей встречи еще тридцать минут.

— Хорошо. Как ты поживаешь?

— По утрам я чувствую себя полной силой, а так в целом — в порядке.

— Ты видела новость? Мелвилл, облажался в этот раз на самом деле. — Марджори была красавицей с Юга, но также и ветеран в политике с сорокалетним стажем, жесткая, как гвозди. Тесть Джессики служил в Сенате от штата Южная Каролина на протяжении уже более двух десятилетий.

Головная боль стала сильнее.

— Да, я общалась по телефону с Дерекком Эмброузом, скорее всего это недоразумение. Женщина, на самом деле, новая подружка Дерекка, они объяснят все на пресс-конференции, которая состоится во второй половине дня.

Марджори насмешливо фыркнула.

— Новая подружка, как моя задница, — пробормотала она. — Джессика, ты знаешь, как себя чувствует Джон-старший из-за этого бардака?

— Да, догадываюсь.

— Дорогая, почему ты не рассматриваешь возможность, чтобы баллотироваться на второй срок? Нация процветает. Ты просто делаешь сказочные успехи в переговорах с Ближним Востоком. Люди счастливы, потому что ты стоишь у руля, что случается крайне редко в президентстве.

Джессика уже столько раз обсуждала этот вопрос со своими родственниками, что ей казалось, она может запросто записать свой ответ на диктофон и всякий раз включать, когда они ее спрашивали об этом. Иногда она подумывала, может стоит сказать им правду, но потом она вспоминала их лица на похоронах Джона и понимала, что не сможет этого сделать.

— Я понимаю, как мне повезло, Марджори, что я была выбрана на такой высокий пост, но это одна из причин, почему я не хочу оставаться наверху. Чем дольше я остаюсь, тем больше шансов, что многие проблемы и вопросы могут выйти из-под контроля и уничтожить

наследие Джона. Мне удалось защитить репутацию Хэмптонов, и думаю, что своими действиями я заставила бы гордиться и Джона и Джона-старшего, но я не могу обещать, что тоже самое будет, если меня переизберут еще на четыре года. Ты же знаешь не хуже меня, что я разгребаю всю грязь, которую метают в правительство, появляются новые кризисы и развал экономики продолжается. Я хочу покинуть кабинет Белого дома с именем Хэмптон, которое олицетворяет собой все лучшее в американской политике.

— Ты превосходный президент, Джессика. Ты же знаешь, что мы любим тебя, несмотря ни на что, какой бы выбор ты не сделала?

Она услышала, как голос у свекрови надломился, и Джессика тут же вспомнила тот апрельский день, когда позвонила его родителям, сообщив, что Джон умер.

Она кивнула, хотя никто не мог видеть ее.

— Да, и я люблю тебя. Но мне следует вернуться к работе. Я обнаружила, что сидя в этом кабинете, не могу ни управлять, черт побери, этой страной.

— Конечно, — голос Марджори вернулся к обычному тону, нормальному, стальному. — Мы планируем приехать на ужин в ноябре в Белом доме, так что скоро увидимся.

Они попрощались, Джессика тупо пялилась несколько минут на телефон перед собой. Затем почти машинально, она потянулась ко второму ящику своего стола, ее руки дрожали, когда она открывала массивный деревянный ящик. Она опустила глаза на единственный предмет, лежащий на дне, в толстой серебряной рамке с завитушками. В центре была простенькая черно-белая фотография, когда неожиданно сфотографировали их.

Джон лежал на диване в доме своих родителей, приподнявшись на одном локте, обхватив Джессику за талию, лежащую на спине рядом с ним. Они смотрели футбольный воскресный матч, изучая в университете право. Он с такой любовью смотрел на нее сверху вниз, когда она смеялась над чем-то, что он сказал, любовь струилась из него. Его рука покоилась у нее на животе, его пальцы замерли, готовые пробраться ей под свитер, коснуться ее кожи. Он смотрел в ее лицо, пока она заливалась как школьница. Кстати, его голова склонилась к ней, как компас указывающий на север.

Она пробежала пальцем по лицу Джона на фотографии, навсегда запечатлевшегося на бумаге под стеклом, хранимой на дне ящика стола, и у нее защемило сердце. Боль не была такой ужасной и резкой, как тогда, но она до сих пор все равно была в шоке от того, что несмотря на столько лет, боль все равно была сильной и реальной. Она всегда предполагала, что лучше умереть от вяло прогрессирующей болезни, чем так. Но вместо этого, день ото дня, после его смерти ее боль усугублялась и прогрессировала, проявляясь, как какое-то хроническое заболевание. Видно сказывалось еще и напряжение, плохие новости, напряженные дебаты — разные моменты, которые напоминали о нем, вызывая ее боль и тоску.

Она закалилась в этой борьбе с его потерей, давая себе мимолетные передышки, чтобы побаловать себя, но сейчас опять засунула в ящик стола фотографию, так же как и заснула туда же свои воспоминания. Свои лучшие шесть лет Джессики Хэмптон, свою личную жизнь посвятила своему Джону, которого она очень любила, но сейчас она хотела быть собой, а не просто вдовой Джона Хэмптона. И ее надежды на то, что она сможет в ближайшее время жить своей собственной жизнью, разлетелись вдребезги, потому что Джейсон Мелвилл позволил своему члену контролировать взять контроль над ситуацией.

Раздался стук в дверь, и она захлопнула со всей силы ящик своего стола.

— Войдите, — произнесла она, пытаясь вернуть себе самообладание и прийти в себя.

— Госпожа Президент, генерал прибыл на встречу, и как сообщили есть еще одна угроза взрыва в посольстве Египта.

Сердце Джессики замерло, а потом забилось быстрее, вспомнив высокого, смуглого и интригующего посла.

— Пригласите, пожалуйста, генерала, и держите меня в курсе любых событий в посольстве Египта.

— Да, мэм, — сказала Ванесса, отступив в сторону и пропуская вперед главу вооруженных сил.

Так начался очередной рабочий день президента США.

Камаль стоял в холле посольства и ругался. Его секретарь, которая также была его племянницей, смотрела на него, восседая на стуле, ухмыляясь.

— Господин посол, — обратилась она к нему с блеском в глазах. *Невоспитанный ребенок.* Ему придется сказать своей сестре, что она вырастила негодницу.

— Да, Шамира?

— Вам нужно перестать хмуриться. Силовики почти закончили с зачисткой, и они тоже могли бы вас выдворить из здания на тротуар перед посольством. Все, действительно, не так уж плохо.

Камаль понимал, что, действительно, все не так уж плохо, но он не оценил вынужденный уход из своего собственного кабинета, и если силовикам не удастся выяснить в ближайшее время, кто стоял за всеми этими «бомбами» в его посольстве, он собирался самолично взорвать здание посольства, но докопаться до сути.

— Дядя Камаль, — тихим нежным голосом произнесла его племянница, очутившаяся рядом с ним. — Похоже, что у вас самый ужасный, страшный, нехороший, очень плохой день сегодня, да?

Она улыбалась ему, и он не мог больше злиться на нее. Он потянулся к ее голове, чтобы потрепать ее за волосы, зная, что для двадцатидвухлетней девушки это самое худшее оскорбление, что он позволил себе отнестись к ней как к ребенку.

— Твоя мать воспитала тебя дикаркой, — сказал он, когда она увернулась от его руки.

— Она воспитала меня распознавать настроение моего угрюмого дяди, поэтому я и работаю у вас секретарем. Никто, вне нашей семьи, не смог бы терпеть вас целый день.

Он развернулся, наблюдая за вереницей сотрудников подразделения саперов с собаками-ищейками, медленнодвигающимися через фойе посольства.

— Ты, безусловно, права, — сказал он ей.

Прозвучал короткий сигнал, и Камаль понял, что в здание было все чисто.

— Господин посол, — подходя произнес один из командиров саперов. — Вопрос закрыт.

— Конечно, закрыт. Это была не серьезная угроза.

Командир сурово посмотрел на него.

— Господин посол, мы не можем точно быть уверены, пока все не осмотрим. Эти угрозы обладают повышенной опасностью и имеют все признаки, что к ним имеет отношение серьезная группировка. Здесь присутствуют детали, которые говорят нам, что этот кто-то, кто бы он ни был, обладает большими знаниями о взрывчатых веществах и терроризме.

— И поэтому я призываю вас удалить моих сотрудников из здания, но нет никаких причин, выпроваживать меня отсюда.

Командир улыбнулся.

— Господин посол, это не корабль. Вы не обязаны покидать помещение.

Камаль открыл рот, чтобы выругаться, но его племянница схватила его за руку и начала обходить мужчин, направляясь с ним к лифтам.

— Господин посол, я отведу вас наверх, чтобы вы смогли подготовиться к вашей следующей встрече.

Он знал, что она, не стесняясь уводила его с «поля боя», но он позволил ей это сделать. Она была отличным секретарем. Он разрешил ей работать на полставки, когда она училась в колледже в Вирджинии, потом она попросилась к нему на постоянную работу, после окончания образования. Ему пришлось сделать некоторые перестановки своих сотрудников, чтобы предоставить ей должность, но он ни разу не пожалел об этом.

Он вернулся в свой кабинет, который представлял полную разруху. Он так и не понял, почему саперам у него в кабинете понадобилось открывать каждый ящик и снимать все с полок во время своей проверки. Зачем тогда эти ищейки-собаки, выдрессированные на взрывчатые вещества? Если уж собаки не могли учуять запах взрывчатки, значит ее здесь не было, верно ведь?

— Господин посол? — произнесла его племянница в дверях в тот момент, когда он закрывал ящики своего большого деревянного шкафа. Она подошла к нему, протягивая конверт.

— Это доставили во время всей этой неразберихи. Дайте мне знать, как только ответите, и я отправлю его с курьером в Белый дом.

Камаль кивнул и взял его в руки, потом опустился в кресло за столом, изучая незапечатанный кремовый конверт. Печать Белого дома красовалась вверху, он коснулся тиснения фольгой, вспоминая женщину, которая жила в этом известном здании.

Внутри было приглашение, но не напечатанное, как обычно, а написанное от руки, красивым каллиграфическим почерком старой школы, очень немногие люди имели такой красивый почерк в последнее время.

«Господин посол, я хотела бы пригласить Вас на небольшой прием в Белом доме, состоявшийся сегодня вечером в семь часов. Предполагаются легкие закуски, светский дресс-код приветствуется. Пожалуйста, не стесняйтесь и возьмите с собой гостя, если хотите. Я с нетерпением жду встречи с вами.

Джессика Хэмптон».

Камаль очень долго смотрел на приглашение. Приглашение от президента Соединенных Штатов, написанное от руки. И подписанное — Джессикп Хэмптон. Волнение заклокотало у него в груди. Это было смешно. Скорее всего, это было приглашение, написанное в последнюю минуту, на один из тех многочисленных приемов в Белом доме, которые происходят круглый год. Скорее всего президенту понадобился он, чтобы обсудить очередные цифры или баланс какого-нибудь международного соглашения, стоящего у нее на повестке дня. Он ничего не мог поделать, но у него по лицу расплылась улыбка. Он был вынужден признаться самому себе, что его еженедельные встречи с президентом стали кульминацией его делового расписания. Шанс поговорить с ней, встретиться с ней в другой обстановке волновали его, и несмотря на то, насколько это казалось бессмысленным, он все еще хотел ее.

Он достал бумагу из ящика стола и взял свою массивную перьевую ручку.

«Госпожа Президент, — написал он. — Для меня будет честью присутствовать на

этом вечернем приеме. Со мной не будет гостя. Я с нетерпением жду встречи с вами.

К Вашим услугам,

Камаль Масри».

Он подождал, когда высохнут чернила, потом сложил бумагу и вложил в конверт посольства. Он понял, что нет смысла его заклеивать, поскольку персонал Белого дома все равно откроет и прочтет, прежде чем его ответ дойдет до президента, так же и делали его собственные сотрудники в посольстве. Понятия конфиденциальности не существовало, когда вы были столь высокопоставленными людьми.

Камаль вошел в кабинет, после того, как передал письмо для отправки в Белый дом, и продолжил наводить порядок у себя в офисе. Он двигался по комнате, убирая все в ящики и переставляя книги. Закрывая последний ящик в своем столе, он подергал его, но что-то заклинило. Тогда он полностью вытащил все, заметив, что одна из папок приподнялась, поэтому не давала закрыться ящику. Он хорошо знал эту папку. В ней содержались все документы и его личные заметки по поводу тысячелетнего соглашения. Именно эту папку ему приходилось несколько раз в неделю доставать и класть обратно, вполне возможно, что в последний раз он криво бросил ее в ящик стола, но Камаль был не тем человеком, который делал что-то наполовину.

Он покачал головой и убрал файл, пролистывая содержимое. Все выглядело точно также, каким он его и оставил. Он убрал его обратно в ящик и подумал, что скорее всего утренняя угроза взрыва сделала его немного параноиком. Хорошо, что прибывшие саперы были египтянами. Сюда никто не мог войти, по крайней мере, никто не поднимался в кабинеты высшего руководства посольства, даже египетские дипломаты и военнослужащие могли попасть сюда с высочайшего разрешения. Последнее, чего ему еще не хватало — *перестать доверять своим собственным людям, египтянам, со всеми этими угрозами взрывов.* Если он не способен довериться своему собственному народу, половина из которых была связана с ним чуть ли не родством, то он не заслуживает быть послом.

Он закончил уборку своего кабинета и вернулся к работе, по крайней мере, его мысли приятно отвлеклись от бомб и секретной папки в сторону предстоящей встречи сегодня вечером с Джессикой Хэмптон. Да, встречи с Джессикой Хэмптон становились одним из лучших бонусов в его работе.

— Я никогда не видела тебя в такой нерешительности перед выбором, что тебе надеть, — произнесла Фиона, прислонившись к двери гардеробной Джессики.

Джессика опустила еще одно черное платье на маленький диванчик, гора из черных платьев достигала уже два фута.

— Почему у меня ничего нет, кроме черного? — жалобно спросила она. — Полный шкаф дизайнерских платьев и ни одного цветного?

Фиона покачала головой и улыбнулась.

— Потому что ты была в трауре на протяжении шести лет.

Джессика выстрелила в нее взглядом, который бы убил на повал любую другую женщину.

— Мы не в Викторианской Англия. Мы не должны носить столько времени черное, оплакивая кончину мужа.

— Правда? — спросила Фиона, входя в гардеробную, в просторную комнату, заставленную с трех сторон вешалками с одеждой. — Поэтому, как ты точно заметила, у тебя имеется примерно четыреста платьев черного цвета, и ни одного цветного?

— У меня имеются цветные платья, но только нет ни одного цветного коктейльного платья.

Фиона изящно опустилась на небольшое пространство на диванчике, которое не было завалено черными платьями.

— Правильно, потому что на работе тебя должны замечать, а на светских мероприятиях ты предпочитаешь сливаться с мебелью, чтобы ни один мужчина даже не пытался с тобой познакомиться и тем самым неправильно тебя понять.

Джессика взглянула на свою давнюю лучшую подругу.

— Фиона, как только ты разгадаешь, когда президент США — женщина-президент Соединенных Штатов, занятая целый день в офисе, должна еще успевать ходить на свидания, дай мне знать. Пока я буду управлять страной, то буду делать это не только в платье черного цвета.

— Отлично, — Фиона поднялась и потянулась к своей молнии, расстегивая ее.

— Что ты делаешь? — скептически поинтересовалась Джессика.

— Даю тебе цветное платье, заметь, не черное. Я готова получить призы за свой поступок, куда мне обратиться.

Она спустила вниз рукава сапфирово-синего шелкового платья, выпорхнув из него и протягивая его Джессике.

Джессика уставилась на сенатора штата Техас, стоящую перед ней в трусиках и лифчике без бретелек, в высоких шпильках.

— Нет предела твоей экстравагантности, да? — спросила она, забирая платье Фионы.

Фиона стала рыться в стопке черных платьев, прикладывая какое-нибудь из них к своей груди, как бы примеряя, прежде чем отбросить его в сторону.

— Давай, — пробурчала она. — Надень его. Ты же знаешь, что в этом цвете ты будешь выглядеть потрясающе. Намного лучше, по правде сказать, чем я.

Джессика развязала пояс своего шелкового халата и скинула с плеч, потом надела платье Фионы. Застегнув молнию, она повернулась к зеркалу и оглядела себя с ног до

головы. Ее рыжие волосы, убранные в высокую прическу, и платье цвета сапфиров, делали ее глаза намного выразительнее и ярче.

— Великолепно, — тихо произнесла Фиона, глядя в зеркало из-за плеча Джессики. — Как говорят? Ты специально зарываешь свою красоту. Ты, наконец, сделала это, Джесс. Я знаю, что тебя все время сдерживает работа, и то, что ты чувствуешь себя обязанной воплощать наследие Джона, но ты не должна забывать и себя.

Она нежно убрала локон, который выбился из прически и никак не хотел возвращаться назад, и с любовью сжала плечо Джессики.

— Я понимаю, что бесконечно твержу тебе об этом и тебя это раздражает, но я всего лишь хочу, чтобы у тебя было все хорошо. Я понимаю, что на твоих плечах лежит тяжесть всей страны, но мне очень хотелось бы, чтобы рядом с тобой был кто-то или что-то, с кем или с чем ты могла бы отдохнуть от своей ноши.

Джессика еле улыбнулась ей в ответ в зеркало.

— Знаю, Фи. Я знаю, что ты всегда хочешь, чтобы у меня все было отлично, и ты также знаешь, что я противостою усиливающемуся давлению баллотироваться на второй срок, так как хочу вернуть свою жизнь обратно. Я устала. Я получила то, что полагалось Джону, я готова двигаться дальше, но пока я нахожусь в этом кабинете, я не могу.

Фиона потянула за плечико шифоновое платье беби-долл Перри Эллис из разбросанной кучи, и стала натягивать его через голову, потом она разгладила ткань по своим бедрам.

— Может, тебе стоит начать нанимать мужской пол на должность шефа по персоналу — ростом шесть и два, бывших хоккеистов, хорошо использующих свой рот для чего-то другого, нежели слова... — мечтательно выдохнула Фиона.

Джессика вытащила с полки серебряные туфли и просунула ноги, еще раз оглядев себя в зеркало — сочетание ярко-синего платья и серебряных шпилек. Она обдумывала, стоило ли ей говорить или нет. Фиона была ее лучшей подругой в течение двадцати лет, она понимала, что может полностью ей доверять, но она также знала, что Фиона будет вдохновлять ее на надежду, хотя надежды, как раз и не было. Потому что этого просто не случится, прошли те времена, когда ее свидания могли привести к отношениям, прошли, но внизу живота у нее порхали бабочки, когда она думала об этом.

— Я могу тебе кое-в-чем признаться? — спросила она, поворачиваясь лицом к подруге. Фиона кивнула. — Я кое-кого пригласила на сегодняшний прием.

— Мне кажется, ты довольно много пригласила народу сегодня, — пошутила Фиона. — Этот прием в честь годовщины договора Дэвидсона-Роджерса, поэтому народу будет предостаточно.

— Я пригласила кое-кого, кто не должен находится на этом приеме. — Джессика задержала дыхание и подалась всем телом вперед, к необоснованным надеждам и ожиданиям Фионы. — Я пригласила кое-кого, потому что мне захотелось его увидеть.

— И?! — поторопила ее Фиона, поскольку Джессика замолчала. — Ну, скажи мне, наконец, иначе я сейчас сойду с ума.

— Посла Египта. Камалю Масри.

Глаза Фионы расширились, а рот образовал небольшую «О» от шока.

— Высокий, темноволосый, смуглый и задумчивый?

Джессика кивнула.

— Я встречалась с ним на мероприятии в посольстве в прошлом месяце для членов палаты и сотрудников.

— Я работаю с ним над тысячелетним соглашением. Мы встречаемся каждую неделю. — Она прочистила горло, не зная, что еще сказать. Собственно, они ничего не делали, кроме как обсуждали, прогуливались по саду и опять разговаривали, в большей степени они разговаривали. Но она не сказала, насколько твердой чувствовала его руку, когда положила свою, или взгляд, когда он смотрел на нее через стол. У нее у самой перехватило дыхание, когда она впервые услышала его голос. Нет, кроме разговоров и прогулок между ними ничего не было, но ощущалось так, словно было и гораздо больше, чем обычные встречи.

— Почему-то, госпожа президент, — протянула Фиона своим густым тexasским акцентом. — Мне кажется, что ты запала на уважаемого посла.

Лицо Джессики обдало жаром.

— Так. Достаточно. Просто остановись. Я больше тебе ничего не скажу. — Она выхватила браслет из шкапулки и вышла из гардеробной в спальню. — Я пригласила его, потому что он мне кажется хорошим человеком, и мне нравится с ним вести беседы. Я не запала. Господи, мне почти сорок лет. Женщины моего возраста не западают.

Фиона усмехнулась.

— Черт, это еще не известно. Каждый раз, когда я прохожу мимо комнаты, где сидят стажеры в здании Капитолия, я вздрагиваю, потому что запала на одного. Некоторые из этих студентов такие красивые.

Джессика приподняла бровь.

— Не волнуйся, я никогда не сделаю ничего подобного, хотя и запала. Но это не значит, что ты не можешь предпринять соответствующие действия.

— Фиона. Я понимаю, что нет никаких законов, касающихся непосредственно свиданий, особенно, если учесть, что я единственная президент в истории США — женщина, но даже тебе придется признать, что неформальное общение с послом привлечет внимание общественности по каждому принятому решению США с Египтом и Ближнем Востоком в целом. Обвинения могут быть ужасающими. Скорее всего меня обвинят в измене государству, что я лоббирую интересы чужой страны, нежели Америки.

Фиона, казалось, размышляла над ее словами всего пару секунд.

— Ты права, поэтому тебе придется держать свои отношения в строжайшем секрете.

— Что?

— Ни слова. Прятаться, моя дорогая. И никому ничего не рассказывать.

Глаза Джессики расширились, а потом она рассмеялась.

— Фи, оглянись вокруг! — Джессика взмахнула рукой в сторону. — Я живу в самом большом аквариуме на планете. Я не могу ничего сделать без охраны, единственное сходить в туалет, чтобы меня никто не видел. Я нахожусь под круглосуточным наблюдением. Я уже три года сама не водила машину. Я не помню, как внутри выглядят супермаркеты. Я понятия не имею, какой сейчас самый популярный фильм, и я не летала на коммерческих авиалиниях с тех пор, как умер Джон. Каким образом ты предполагаешь, я смогу тайно встретиться с послом Египта, который, могу тебе сказать, также, как и я, окружен со всех сторон своими охранниками.

— Да очень легко. Один доверенный агент секретной службы и черный вход для гостей, приезжающих в частном порядке.

— Хорошо, Господи. Ты серьезно думаешь, что я должна подружиться с одним из моих секретных агентов, которые будут проводить посла через служебный вход?

Фиона пожала плечами.

— Поверь мне, ты будешь не первым президентом, кто так делает.

Джессика вынуждена была признать, что, скорее всего, это правда.

— Да, но скорее всего, они не встречались тайком с высокопоставленным чиновником иностранного государства. Если бы их засекли, они бы может и выкрутились, но я буду казаться в глазах общественности преступницей.

— О, не верь этому ни на секунду. Некоторые из бывших президентов встречались и с криминальными личностями и были причастны к некоторым нелегальным делишкам. Но насколько я знаю, это совершенно никак не навредило их карьере.

Выражение лица Джессики стало более спокойным, она подошла к темному окну, поглядывая на виднеющуюся в сумраках лужайку перед Белым домом.

— У них видно не было наследия семьи, которое они были обязаны защищать. Я же бросила все, чтобы защитить фамилию Хэмптон и мечты Джона. Что за человек я была бы, если бы рисковала всем, чтобы поваляться в президентской кровати с египетским послом?

— Таким же человеком, как и всегда, который всегда думает о всех, кроме себя. — Фиона подошла к ней, обхватив ее руками за талию и уткнувшись подбородком в ее плечо.

— Ты делала все, о чем тебе просили Хэмптоны более чем в течение десяти лет, Джесс. Я знаю, что ты любила Джона, и знаю, что Наследие династии Хэмптонов — вещь жесткая ей невозможно противостоять. Но ты молодая, энергичная женщина. Свои годы за тридцать ты посвятила Хэмптонам и Америки. Не сдавайся, не соглашайся больше с ними. Ты уже почти вышла из этого кабинета. Пора начинать жить своей жизнью. Влюбиться. Завести семью. Я хочу, чтобы ты получила все то, о чем мечтала, когда выходила замуж за Джона.

Желудок Джессики сжался при упоминании о семье, но она повернулась и крепко обняла подругу.

— Я не уверена, что все это может со мной произойти, — сказала она на ухо Фионе. — Но спасибо, что ты желаешь это мне. — Она закусила губу, чтобы удержать слезы и отстранилась. — Сейчас мы идем на прием, чтобы встретиться... с послом и, возможно, влюбиться.

Фиона улыбнулась.

— Как пожелаете, госпожа президент. Я слышала, что сегодня будут подавать те спринг-роллы с креветками, которые были на новогодней вечеринке в прошлом году, и если ты помнишь, я съела целую тарелку, так что ты знаешь, где меня найти.

Они открыли дверь в резиденцию, Джессика заметила агентов секретной службы, которые дежурили ночью. И на одно короткое мгновение, она задалась вопросом, может действительно возможно, жить своей жизнью, а не другой. Не за того, кто умер шесть лет назад.

Камаль понял, когда президент Соединенных Штатов вошла в комнату, даже если бы не объявили о ее прибытии, он все равно бы это почувствовал. Она была самой красивой женщиной в этом зале, в ней был своеобразный магнетизм, который притягивал любого из нескольких десятков бизнесменов и уважаемых людей страны, собравшихся на прием в Белом доме. Он в полуха прислушивался к разговору с послом из Камеруна, наблюдая за Джессикой Хэмптон, которая двигалась через комнату, ласково улыбаясь сначала одному гостю, потом другому. С ней рядом была сенатор Аронсон, и обе женщины работали, как единая команда, передвигаясь по комнате, как очень опытные профессионалы.

Когда президент о чем-то разговаривала с государственным секретарем и замом

министра из Германии или еще с кем-то, сенатор Аронсон волшебным образом появилась рядом с Камалем, дотронувшись до его локтя.

— Сенатор. Как приятно вас видеть, — улыбаясь, произнес Камаль.

— Господа послы. — Она обворожительно улыбнулась послу из Камеруна и Камалю. — Могу я похитить у вас посла Масри на несколько минут? Обещаю вернуть его в таком же состоянии.

Посол Камеруна тепло улыбнулся и кивнул, раскланиваясь, Фиона повела Камалю в тихий уголок комнаты, болтая о всякой ерунде по дороге. Он поглядывал на нее и задавался вопросом, что она от него хотела. В конце концов, решил, что сторонники президента были «за» тысячелетнее соглашение, но все было возможно, поскольку сенатор Аронсон высказывала сомнения и видно хотела его расспросить более подробно.

— Господин посол, — произнесла Фиона, в одно мгновение выражение ее лица стало серьезным, как только они оказались в темном уголке комнаты, скрытые от посторонних взглядов листьями большого растения. — То, что я собираюсь вам сейчас сообщить, является секретной информацией, и если вы не сможете дать мне слово, не как посол, а как джентльмен, что будете держать эту информацию в секрете, тогда я вынуждена буду вас оставить и будем надеется, что этого разговора не было.

Камаль ту же ошетинился от малейшего предположения, что сенатор поставила под сомнение его надежность.

— Сенатор, вы же понимаете, что я веду секретные переговоры и защищаю конфиденциальную информацию, касающуюся двух стран?

Она кивнула и пару секунд критически смотрела на него. Он почувствовал, что она пыталась залезть ему чуть ли не в самое нутро, отчего у него зачесалась кожа.

Наконец, он поднял руку, словно принимал присягу.

— Обещаю не рассказывать.

Фиона улыбнулась и кивнула.

— Хорошо. Я тут слышала, что вы часто проводите время с моей давней и любимой подругой.

Камаль наморщил лоб и прищурился.

— Президентом, — закатила глаза Фиона.

— Мы совместно работаем над тысячелетним соглашением. Для этого требуются еженедельные встречи.

Фиона передвинулась к нему поближе, убрав свою руку с его локтя.

— И о чем вы говорите во время встреч?

Камаль почувствовал всплеск в груди, готовый защитить президента, его слова прозвучали более резко, чем хотелось бы.

— Все, что мы обсуждаем, является конфиденциальной информацией между президентом и мной. Что именно вас интересует, сенатор, если вы не возражаете, что я вас спрашиваю об этом?

Выражение лица Фиона стало, Камаль мог охарактеризовать его, только как триумф.

— Прекрасный ответ, посол, — загадочно произнесла она. — Сейчас, позвольте я расскажу вам историю. Наверное, вы читали о ней в прессе, но средства массовой информации не знают всю суть так, как я. Надеюсь, вы сохраните ее в тайне, неважно, о чем вы будете говорить с президентом в дальнейшем?

— Конечно, — пробормотал Камаль. Он был вынужден признать, что Фиона смогла его

заинтриговать, вызвав его интерес. Но, на самом деле, ничто, кроме интереса к Джессики Хэмптон, не могло возбудить его интерес в эти дни.

— Восемь лет назад моя лучшая подруга вошла в потрясающую сказочную жизнь. Она вышла замуж за прекрасного человека, которого очень любила, у нее была работа, напряженная, но с гибким графиком, она планировала создать семью. Она и Джон Хэмптон были богатыми, красивыми, молодыми и успешными.

Камаль грустно кивнул. Весь мир знал историю Джона Хэмптона и его прекрасной невесты.

— Когда чертов самолет разбился, не только Америка потеряла своего любимого молодого сенатора, я также потеряла коллегу, которого очень уважала и любила, но я в большей степени потеряла свою самую лучшую подругу.

Камаль с трудом сдерживался от боли, звучавшей в ее голосе, которая доходила до самого его сердца.

— Последние шесть лет Джессика пожертвовала всем, что хотела, махнув рукой на все свои надежды и мечты, чтобы осуществить то, что больше всего желал Джон — выполнить семейные традиции. Она это сделала за него. В тот день, когда самолет разбился, она стала его двойником, именно это медленно убивает ее, посол.

Камаль за свою жизнь провел достаточно переговоров, зная, когда стоит что-то отвечать или лучше промолчать, поэтому он всего лишь ободряюще кивнул сенатору, ожидая продолжения:

— Джессика никогда не хотела быть политиком. Она хотела заниматься юриспруденцией и родить ребенка. Она хотела наблюдать за своим красивым молодым мужем, который направлял политику всей страны. Она хотела преподавать адвокатам нового поколения, учить их соблюдать этику, учить ответственности, а также воспитывать сына или дочку, чтобы они выросли хорошими людьми. Она никогда не хотела командовать армией и жить, когда каждый ее шаг находится под контролем. Она никогда не хотела каждую ночь после пятнадцатичасового рабочего дня, ложиться в большую холодную постель, одна.

Камаль сглотнул образовавшийся комок от эмоций. Он взглянул на женщину поверх плеча Фионы, которую она описывала. И почувствовал гнев. Его злило, что целый народ, а тем более семья Хэмптонов, были готовы принести эту прекрасную женщину в жертву, чтобы услужить всем им.

— Америка славится своим эгоизмом и пренебрежением к личностям, которые стоят у верхушки власти. Боюсь, я не удивлен, что власть решила пожертвовать Джессикой Хэмптон.

Фиона была потрясена его словами.

— Вы не согласны? Ни один кандидат не выиграет президентскую гонку у вас в стране, если скажет, что просто собирается служить своему народу. Ваш народ не доверяет своим представителям власти, которые предлагают новые решения, на каждом шагу требуя от них, что они предлагали еще больше и в тоже время критикуя их, что слишком много предлагают. По мнению американцев, работа не соответствует требованиям, а штат правительства слишком огромен. Законы против личности в социуме недостаточно жесткие, а законы против беспредела личности слишком ограничены. Америка — самая непостоянная и неблагодарная страна в мире.

— Господин посол, это совершенно недипломатичное мнению о моей стране.

— Мы же говорим не официально? — поднял бровь Камаль, она утвердительно

кивнула.

— Не могу сказать, что я с вами не согласна. Но есть много и хороших вещей, которые уравнивают политику, но не могу утверждать, что управлять такой крутой страной не легко.

Камаль сделал последний глоток вина, покручивая между пальцами ножку бокала.

— Итак, моя лучшая подруга Джессика, потратила столько лет своей жизни на столь переменчивую страну, и теперь она, наконец, вышла на финишную прямую. Совершенно неважно, чем закончится кампания Мелвилла, я не намерена позволять ей баллотироваться на второй срок. Сейчас пришло ее время, чтобы начать жить своей жизнью.

Камаль нахмурился при упоминании Мелвилла. «Силовые игроки» клуба потратили большую часть своего времени, пытаясь исправить нанесенный ущерб репутации Дерека и кампании Мелвилла. Камаль испытывал к Мелвиллу отвращение, но его больше заботила профессиональная репутация Дерека.

— И я думаю, что вы можете помочь мне с этим, — закончила сенатор.

Камаль моргнул.

— Простите?

— Я думаю, что вы можете помочь президенту начать новую жизнь.

— Каким образом, я смогу это сделать?

Фиона оглянулась через плечо, словно шестым чувством поняла, что их время истекает.

— Стать ей другом. Стать тем, с кем она могла бы поговорить, не просто как с коллегой, а как с человеком. Помогать ей, поощрять ее, чтобы она заботилась и о себе, а не только о династии Хэмптонов и стране.

— Сенатор, — настороженно произнес Камаль. — Почему вы выбрали именно меня для этого задания?

Стоило ему произнести эти слова, он заметил Джессику, направляющуюся к ним. Его глаза метались между Фионой и приближающейся Джессикой.

— Потому что вы ей нравитесь, — прошипела Фиона. — А ей никто не нравился с тех пор, как она встретила Джона Хэмптона пятнадцать лет назад.

Камаль оторопело пялился на приблизившегося президента, которая пожурила сенатора, что они прячутся в углу, интересуясь, о чем они только что говорили.

— Я говорила послу о распоряжении Парламента, комитета по внешней политики, по поводу ланчей, которые теперь у нас протекают по переменному графику каждую неделю. Он не мог поверить, что в столовую парламента не доставляются ланчи, и мы вынуждены приносить с собой сэндвичи из «Сабвэя».

Джессика улыбнулась Камалю, очевидно, ожидая, что он как-то прокомментирует это заявление. Но у него в голове по-прежнему крутились слова Фионы; «*Потому что вы ей нравитесь*», поэтому он собрался с силами и слегка улыбнулся обеим женщинам.

— Президент уже знает мое мнение по поводу обслуживания ваших должностных лиц. — В этот момент он взглянул на Джессику и заметил, как небольшой румянец распространился по ее щекам. *Вы нравитесь ей.*

— Ой! — моментально воскликнула Фиона. — Я заметила одного козла из Госдепа. Неважно сколько раз я просила его добавить в список рассылки материалов четвертого уровня секретности, он так этого и не сделал. Я надрывала свою задницу за принятие документов министерства внутренних дел, и я не собираюсь оставлять это просто так, проявляя свою интеллигентность. — Она махнула рукой и исчезла в море коктейльных

платьях и темных костюмах.

— Вам нравится вечер, посол? — вежливо спросила Джессика, не глядя ему в глаза.

Камаль передвинулся, встав перед ней. Она взглянула на него настороженно.

— Сейчас он мне нравится гораздо больше, — ответил он.

— Сенатор Аронсон слишком много говорит, — пробормотала Джессика.

Камаль улыбнулся, через него волнами струилась радость.

— Она очень сильно за вас переживает.

— Да, но она не хочет до конца понять то положение, в котором я оказалась.

Камаль пожал плечами.

— Возможно. Но, так же возможно, что даже жизнь президента не должна быть отказом от всего. Может, как и все мы, президенты должны познавать и узнавать тех, кто их окружает и радоваться жизни, которая существует вокруг.

Джессика задумчиво на него посмотрела, а затем улыбнулась своими рубиновыми губами.

— Возможно.... не хотите пройти в патио, господин посол? Оттуда прекрасно видны огни Вашингтона.

Сердце Камала взлетело ввысь, и он предложил ей свою согнутую руку.

— С удовольствием.

Джессика улыбнулась и кивнула, пока они пробирались к дверям. Никто, казалось, даже не обратил внимание, что ее сопровождал посол на выход. Охранники у дверей посторонились, пробормотав: «Госпожа Президент», и широко распахнули двери.

Они вышли на широкое полукруглое пространство, выложенное кирпичной кладкой с нависающей крышей, в конце которого в полумраке была небольшая беседка. Один из охранников тут же вышел следом за ними из помещения и встал у дверей, откуда мог наблюдать за президентом. Джессика знала, что достаточное количество охранников курируют по внутреннему дворику, но они так хорошо были скрыты сумраками, что увидеть их она не могла. Из-за тепловых датчиков и камер видеонаблюдения территория Белого дома считалась одним из самых безопасных мест на земле. Также самым худшим местом для свидания с иностранным послом.

— Не хотите присесть на минутку? — Она указала на кресла и стол, стоящие в тени.

— Да, но не сюда, — Камаль указал на старомодные качели на террасе, которые висели в дальнем конце.

Она улыбнулась, чувствуя себя немного легкомысленной девчонкой-подростком, пока он вел ее в ту сторону.

— Вы сегодня прекрасно выглядите, госпожа президент, — тихо произнес он, как только они сели на качели плечо к плечу, стараясь не смотреть друг на друга.

— Я нервничала сегодня, — вдруг ляпнула она.

Он, наконец, повернулся к ней лицом, и почти проглотил ее дыхание, жар и желание вспыхнули в его глазах. Она попыталась сосредоточиться на его ответе, а не на его губах.

— Почему?

— Из-за угрозы взрыва в посольстве. Я беспокоилась о вашей безопасности. — Она сглотнула, понимая, что именно сейчас находилась к нему в опасной близости, поэтому быстро добавила: — Нам предстоит еще много проделать работы по соглашению.

Его рука нашла ее в темноте, и его прикосновение было легким, как движение перышка, всего лишь кончиками пальцев.

— Для меня большая честь, что вы беспокоились обо мне, Джессика. — Его голос был низким и глубоким, подогревая ее кровь.

— Мне не следовало... я имею в виду, это обычное беспокойство за коллегу.

Он наклонился вперед, его дыхание омывало ее кожу, вызывая в ней жар, вызывая в ней такие ощущения, которые как пузырьки бурлили на поверхности, просыпая ее к жизни. Ощущения, которые слишком долго находились в спячке, из-за чего на глазах Джессики чуть ли не появились слезы. Она хотела упасть на колени и поблагодарить этого мужчину, поблагодарить ни за что иное, хотя бы за то, что сейчас она могла сидеть рядом с ним, потому что, по-видимому, она была ему нужна.

— Я посчитал бы за пределами разумного, если вы беспокоились обо мне больше, чем просто о коллеге, — пробормотал он, протягивая руку и убирая локон с ее шеи.

— Господин посол? — Голос Джессики стал как шепот.

— Да, госпожа президент? — его рука двинулась от локона к задней части ее шеи. Его рука была теплой, надежной, нежной.

Сердце Джессики выдавало барабанную дробь, она попыталась вернуть себе хоть какое-то дыхание, потому что легкие уже кричали, требую воздуха.

— Мне кажется...

Его губы приближались к ней, искры летали между ними, как летние грозы.

Затем раздался оглушающий грохот, и Джессика почувствовала, как ее тело падает на кирпич патио, грохот и треск раскололи воздух вокруг них.

— Стрелок! — кто-то закричал.

Тело Камалья тяжело придавило ее к земле, но его голос успокаивал ее на ухо:

— Не двигайся. Молчи, — шептал он. Она лежала под ним неподвижно, как статуя, слушая его дыхание на ухо, а мир вокруг нее, словно взорвался — крики, топот ног по тротуару, сирены разрывали воздух. В секунду Камаль грубо был сдернут с нее и грубые руки подняли ее в вертикальное положение, окружив плотным кольцом, потащили ее в дом.

— Всем к стене! — кричали агенты секретной службы, пока Джессики жмурилась от света в комнате. Гости жались к стенам в дальнем углу комнаты с выражением ужаса и страха, поскольку их попросили выстроиться в две шеренги.

— Мадам президент, — спросил один из охранников, приведший ее внутрь. — Вам нужен врач?

— Нет, — ответила она дрожащим голосом. — Я в порядке. — Затем она повернулась и взглянула назад, где должен быть Камаль, спецслужбы прижали его к стене, заставив поднять руки над головой, продолжая обыскивать и задавать вопросы.

— Он спас меня! — крикнула она, направляясь к нему. Охранник рядом с ней схватил ее за руку.

— Простите, мэ, вы должны оставаться здесь. — Именно сейчас она заметила, что ее плотным кольцом окружали агенты службы безопасности. Четверо агентов стояли перед ней спиной, кроме одного, который стоял рядом. Она стояла недалеко от дверей комнаты, глядя на гостей, как будто они были преступниками и убийцами.

— Посол спас меня, — повторила она. Ее сердце так колотилось, и она заметила, как сильно у нее дрожали руки, словно листья на сильном ветру. — Он бросил меня на землю и прикрыл своим телом.

Охранник произнес в рацию одному из мужчин, которые по-прежнему блокировал и допрашивал Камалья в темноте у стены.

— Код сорок-девятнадцать, — сказал он, прежде чем кивнуть другому человеку.

Камалья немедленно освободили, агенты сопроводили его к Джессике.

Она хотела броситься ему на шею, поцеловать, ощутить, как бьется его сердце напротив нее, и понять, что с ним все в порядке, может тогда у нее пройдет внутренняя дрожь, которая не переставая колотила ее.

Но вместо этого, она сжала его руку в своей.

— Господин посол, с вами все в порядке?

Он держал ее руку и пристально разглядывал ее.

— Как вы, госпожа президент? Со мной все нормально.

— Хорошо. Со мной будет все в порядке, как только я перестану трястись. — Ее передернуло, у нее еще не восстановилось зрение, затуманивалось по краям.

— Это адреналин, — сказал Камаль, его голос странным образом успокаивал ее, как и его рука, она чувствовала себя более спокойной.

— Президенту нужно присесть и что-нибудь выпить. Желательно с сахаром, — сказал он охранникам. — Чай с сахаром хорошо поможет. Или содовая, если ее будет легче достать.

Охранники провели ее и Камалья на соседний диван, он сел рядом, продолжая держать ее за руку. И она вскользь подумала, что, возможно, ей не стоит держаться за него, но она чувствовала себя несколько странно, словно не в своей тарелке, и просто не могла себя заставить отпустить его руку.

Появился чайник, Камаль налил ей чашку, добавив сахара и немного молока.

— Британские чайные традиции пригодились, — сказала она, когда он поставил перед ней чашку.

Он улыбнулся.

— Это также традиция египетских военных, — заметил он, взяв обе ее руки и оборачивая их вокруг чашки, чтобы она не выплеснула на себя. — Теперь выпейте это, вам станет намного лучше.

Она отхлебнула теплую жидкость, постепенно дрожь стала утихать, в голове прояснялось. Гости снова стали переговариваться, хотя и вполголоса, пытаясь разглядеть ее сквозь живую стену из агентов секретной службы.

— Все гости уже проверены, мэм, но мы все еще продолжаем искать. Как только все закончим, им будет разрешено покинуть помещение небольшими группами, — сказал агент, подошедший к ним.

— Мне следует что-то сказать гостям.

— Мы сопроводим вас к ним, но позднее, мэм.

Камаль посмотрел на нее и сказал низким голосом:

— Вы должны. Если гости увидят, что вы целы и не ранены, вы же знаете, новости быстро распространяются. Вы же не хотите, чтобы СМИ и страна впала в панику. Необходимо показать им их президента здорового и полного сил, и они успокоятся.

Джессика быстро кивнула и поднялась, взглянув на агента.

— Я пройду в глубь комнаты, чтобы сделать заявление. Вы можете держать свою охрану рядом, но им придется встать у меня за спиной, когда я буду обращаться к гостям, чтобы они смогли меня увидеть.

Агент кивнул, выражение его лица ничего не выражало. Джессика бодро прошла в середину комнаты и схватила первый попавшийся бокал с вином, поставив его на ладонь.

В комнате воцарилась тишина, все глаза были устремлены на президента, на жизнь

которого только что покушались.

— Большое спасибо всем. Спасибо за ваше терпение и за то, что вы пришли на сегодняшний прием. Мы обычно не подвергаем наших гостей такой тщательной проверки со стороны службы безопасности, но если вы не слышали выстрелы, кое-что случилось вне стен этого дома.

Послышался гул голосов, а госсекретарь крикнул:

— Мы очень рады видеть Вас, мадам президент. — Гости поддержали его возгласами.

— Спасибо. Я в полном порядке. Огромное спасибо хочу выразить послу Масри которому я хотела показать и похвастаться нашим новым патио, в этот момент. — Все захихикали на ее слова. — В следующий раз, я лишней раз подумаю, прежде чем хвастаться ландшафтным дизайном и архитектурой Белого дома. Но, пожалуйста, будьте уверены, что спецслужбы и наши военные делают все необходимое, чтобы поймать того, кто устроил это покушение, здесь по-прежнему будет безопасно и надежно, прежде чем вы выйдете отсюда. Спасибо за ваше терпение, дамы и господа.

Она пожелала всем хорошего вечера, и гости опять разбились на группки, слоняясь из конца в конец, ожидая разрешения уйти.

— Превосходно, — сказал ей Камаль, когда она вернулась к нему, где агенты секретной службы сразу же окружили ее.

— Спасибо. Я надеюсь, вы не возражаете, что я упомянула вас. Я думаю, что это только вопрос времени, прежде чем кто-то вспомнит, что вы выходили со мной в патио, я просто решила пресечь все последующие вопросы.

Камаль кивнул.

— Конечно.

— Госпожа президент, — госсекретарь прервал их. — Глава кабинета и пресс-секретарь здесь, и они хотели бы поговорить с вами, прежде чем мы проведем пресс-конференцию.

Джессика посмотрела на Камалья, у нее в голове крутилось страстное желание остаться с ним, которое присутствовало с самого начала вечера. Она бы скорее согласилась остаться с ним наедине в данную минуту, чем стоять перед всем миром на пресс-конференции. Но все ее желания воши на нет много лет назад, когда небольшой самолет упал в Атлантический океан с Джоном Хэмптоном и тремя сенаторами Соединенных Штатов.

— Конечно, — ответила она секретарю. — Дайте мне одну минутку, пожалуйста.

Она повернулась к Камалю.

— Вы подождете меня, господин посол? — Она смотрела в его глубокие карие глаза и увидела все, что она чувствовала на самом деле — разочарование, сожаление и тоску.

— Для меня будет честью, госпожа президент.

— Хорошо. — Она кивнула агенту, чтобы подошел ближе. — Пожалуйста, сопроводите посла в гостиную моей резиденции. Попросите персонал на кухне, чтобы доставили любую еду, которую он захочет. Я встречу с ним, когда закончу пресс-конференцию.

— Да, мэм.

Камаль в сопровождении охраны вышел из комнаты, Джессика ничего не могла с собой поделаться, но у нее было такое чувство, что сегодняшний день оказался слишком тяжелым, всего сегодня было слишком, и чувствуя тяжесть своей ноши, она подумала, что, наверное, никогда не сможет от нее освободиться, чтобы опять зажить той жизнью, которую она хотела. Она подумала, что, возможно, уже никогда не сможет стать той свободной

Джессикой.

Камаль мерил шагами толстый ковер гостиной резиденции президента. Гостиная была официальной — антикварная мебель, идеально подобранные произведения искусств, безделушки, чисто символические, но ничего личного. Конечно, комната была спокойной и элегантной также, как и ее владелица, но здесь не было ее личности. Он подозревал, что президент мало проводила времени в этой гостиной.

— Господин посол? — агент просунул голову в дверь. — Президент уже находится на пути сюда.

— Да, спасибо, — ответил Камаль, глядя на свой экран телефона, на очередную, уже десятую по счету смс-ку за последние два часа от его охраны, ожидающей его за пределами Белого дома. Процедура секретной службы Белого дома не разрешала им входить внутрь, поэтому его водитель и охранник ждали в машине, как и всегда, но как только произошло покушение на президента, они занервничали, поскольку посол был не в их поле зрения. Неважно, сколько раз он писал им, что находится в полной безопасности, они продолжали бомбить его смс-ками, проверяя все ли с ним в порядке.

Он отправил короткий ответ, подтверждая, что с ним все в порядке, а потом опять стал расхаживать взад-вперед. Камаль удивлялся сам себе, так как он нервничал. Находится в экстремальной ситуации, было для него привычным (несколько часов назад он находился в самом эпицентре), да он переживал, но не за свою жизнь, скорее он был в ярости, что кто-то посмел выстрелить *в нее*. Ему потребовалось все его самообладание, чтобы не рвануть в темную ночь на поиски ублюдков, которые пытались убить президента. Он был горяч в гневе, поэтому представлял, как сожмет свои руки вокруг шеи какого-то террориста-мудака, который решил, что может нанести ущерб этой стране, застрелив женщину-президента.

Он пару раз качнул головой, пытаясь развеять свои эмоции. Несмотря на то, что он увидел, что она пришла в себя и разговаривал с ней, увидел, как она по-прежнему очаровывает гостей на своем приеме, но он все равно испытывал физиологическую потребность прикоснуться к ней, чтобы успокоиться, что она не ранена и не впала в посттравматический синдром.

Дверь распахнулась, и Джессика шагнула внутрь, закрывая за собой дверь. Он остановился и посмотрел на нее, она замерла, поймав его взгляд. Ее глаза были уставшими, и в уголках губ залегли складки от напряжения. Во время суматохи со стрельбой ее красивое темно-синее платье порвалось внизу. Видно, в какой-то момент она сняла свои высокие шпильки, неся их в руке, словно девушка, идущая домой с ночной вечеринки.

Он шагнул к ней, ему необходимо было дотронуться до нее, омыть своим дыханием. Она настороженно смотрела на него, но при этом казалась такой уязвимой.

— Ты нормально себя чувствуешь? — тихо спросил он.

Она кивнула, и тут он проиграл свою битву, протянув руку и захватив ее в свои объятия, с силой прижав к груди. Она вздохнула и обмякла в его руках, они стояли и дышали в унисон, завершая вместе этот длинный день.

Джессика первая подняла на него глаза, сделав глубокий вдох и выпрямив спину. Он тут же отпустил ее.

— Тебе предоставили все, что ты хотел? Хочешь чего-нибудь выпить или съесть?

Он взял ее за руку и подвел к дивану.

— Все нормально, ты все закончила? Не стоит больше беспокоиться об остальных. Позволь мне позаботиться о тебе. Как ты?

— Я в порядке. Но я расстроена. Кто бы это ни был, он сбежал. Как такое могло произойти? Никто не выходил из Белого дома после того, как было совершено нападение. Черт побери, почти никому никогда не удавалось проникнуть на территорию с целью совершения нападения, начнем с этого. Такое было несколько раз в истории президентства, и им никогда не удавалось так далеко продвинуться, чтобы добраться до президента или любого из сотрудников Белого дома.

Камаль наблюдал за ее тонкими напряженными чертами лица и боролся с желанием разгладить ее морщинку, появившуюся у нее между бровей. Ее щеки и кремовый цвет лица побледнели, она выглядела усталой, но ее голубые глаза горели от волнения.

— И никто никогда не бомбил самолетами здание одиннадцатого сентября. Террористы будут придумывать новые способы атаки, новые угрозы. А вы продолжите изобретать новые способы защиты и обороны, чтобы остановить их. Этот танец стар, как сама человеческая раса.

— Полагаю, что вы правы, — согласилась она. — Мне не по себе от того, что они свободно передвигаются по Штатам. Не потому что я боюсь за себя, а потому что не хочу иметь врага невидимку в стране, который предполагает, что он неуязвим. И это придает ему силы.

Камаль положил руки на колени, стараясь не дотрагиваться до нее. Видно, ее первоначальные обнимашки были ответной реакцией на шокирующие события сегодняшнего вечера. Он точно не мог сказать, помнила ли она вообще то, что произошло с ними перед началом ее пресс-конференции.

— Конечно, тебе не по себе, и ты волнуешься, — ответил он. — Но у тебя лучшие аналитики и следователи по антитерроризму в мире, а также лучшие военные и контрразведывательные подразделения. Думаю, они быстро вычислят, кто стоит за всем этим. Я готов предложить любого из своей личной охраны для оказания помощи. У нас имеется информация по определенным группировкам и недовольству с Ближнего Востока, твои люди не могут так легко получить доступ к этой информации.

Она улыбнулась, и лицо стало разгладилось, став немного нежным.

— Огромное спасибо... Камаль. Я передам Департаменту внутренней безопасности, что твои люди готовы с ними сотрудничать, расследование же может вестись параллельно. Двумя подразделениями, и мы найдем того, кто все это устроил. — Она залилась краской, и у него сердце перевернулось в груди.

— Египет в этом вопросе всегда будет для вас хорошим союзником.

Больше он не мог терпеть, поэтому прикоснулся к ней, заскользив своими пальцами по ее коже, по ее подбородку.

— Мне очень бы хотелось, чтобы продолжилась дружба Египта с вами... и в дальнейшем, — пробормотал он.

Она опустила глаза на свои колени, и его надежды рухнули, потому что, глядя на эту женщину, он уже знал ответ, как будто он был знаком с ней долгие годы, а не недели.

— Посол... господин...

— Камаль, — поправил он.

— Камаль, думаю, вы понимаете насколько это тяжело для меня. — Она снова пристально посмотрела на него, ее глаза были яркими от волнения и сожаления, он

физически ощутил ее боль.

— Вы замечательный человек, но я — президент Соединенных Штатов. Это невозможно... совершенно невозможно... я не всегда могу пойти на определенные дружеские отношения, тем более с высокопоставленным послом иностранного государства. Меня могут обвинить в измене. И хотя я не собираюсь занимать никакой политической пост по истечении моего срока президентства... я просто обязана защищать наследие моей семьи. — Она остановилась, устремив куда-то вдаль свой задумчивый взгляд. — Семья — это и есть «наследие моего покойного мужа».

Камаль был мастером переговоров, поэтому прекрасно понимал, время — это все. Он тут же вспомнил, что говорила ему сенатор Аронсон, о жертвах, которые в течение десятилетия приносила Джессика Хэмптон, и что он стал первым мужчиной, после ее мужа, которым она заинтересовалась, он тут же вспомнил о своей собственной жизни, своих обязательствах и жертвах. Он лучше, чем кто-либо знал, что такое жить жизнью, соответствующей ожиданиям родных, а также он понимал, что невозможно оставить такую жизнь, несмотря на то, что он провел несколько часов с кем-то столь очаровательным и почти поцеловал эту женщину в темноте патио.

— Госпожа президент, я понимаю обязательства, с которыми вы постоянно сталкиваетесь со стороны вашей семьи и вашей страны. Думаю, однозначно, я могу понять то давление, которое вы испытываете, лучше, чем кто-либо. У нас с вами много общего. Я — старший сын самого богатого человека Египта, поэтому испытываю постоянное давление.

— Я знаю о вашем отце. Он оправдал ожидания, очень достойный человек.

Камаль хмыкнул.

— Если бы все было так просто, я имею ввиду быть таким же уважаемым и достойным. На меня возлагают надежды, что я должен взять наследие семьи и повести его в будущее, сделать больше и большего достичь. — Он резко потряс головой. — Но мы здесь не для того, чтобы говорить обо мне. Как я уже сказал, я упомянул об этом только потому, что прекрасно понимаю ваши чувства. Я не хотел бы ничего больше, чем упрочить нашу дружбу, и прекрасно понимаю, почему вы говорите, что другое невозможно.

— Спасибо, господин посол. Надеюсь, это не станет препятствовать нашему прогрессу в подписании соглашения, над которым мы работаем?

Он улыбнулся.

— Конечно, нет. Но у меня есть к вам просьба.

Она кивнула в знак согласия.

— Позвольте мне быть для вас другом, госпожа президент. Не тем другом, который будет создавать проблемы для вашей профессиональной репутации, а верным другом. Позвольте мне взять на себя часть ваших тягот, если вы не против, конечно. Который сможет выслушать президента после напряженного трудового дня, для обычных рабочих вещей у вас есть ваш штат и помощники, которые проконсультируют? Позвольте быть тем, с кем вы сможете быть полностью открытой и честной, не опасаясь политических последствий. Позвольте мне быть этим человеком. Всем нужен друг, существующий исключительно для него, даже президенту.

— О боже, — выдохнула она, приложив руку к сердцу. — Я даже не знаю, что и сказать. — Она улыбнулась, излучая теплую улыбку и благодарность светилась в ее глазах.

— Скажите, что мы друзья.

— Мы. Как это ни странно звучит друзья, и мне дорого ваше предложение.

Он улыбнулся, его сердце взлетело. Он не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя таким радостным и свободным от забот и обязательств. Он понимал, что заботы и ответственность никуда не делась, но почему-то в этот момент они показались ему менее тягостными, когда он смотрел ей в глаза.

— Сейчас, как друг, я вынужден вас оставить, чтобы отправиться спать. У вас был утомительный день и завтра будет не легче.

Они поднялись с диванчика, и она направилась с ним к дверям. Все в нем кричало остановиться, схватить ее в свои объятия и держать, пока они оба не заснут, но сегодня был не тот момент. В этих переговорах ему было необходимо оставаться очень деликатным, иначе он рисковал никогда не достичь согласия.

— Камаль? — тихо позвала его Джессика, когда они остановились перед закрытой дверью.

— Да, госпожа президент?

— Это кажется совершенно самонадеянно с моей стороны спросить вас еще кое-о-чем, прежде чем вы уйдете?

— Я к вашим услугам.

— До... покушения. — Она густо покраснела, а он изо всех сил старался не улыбаться, как пацан. — Я понимаю, что наши отношения не могут продвигаться в этом русле, но ничего не могу с собой поделать... мне просто интересно... что это было?

Он наклонился, его губы были так близко к ее уху, что он почувствовал запах лаванды, исходивший от ее волос и тепло от ее шеи.

— Это было захватывающе, Джессика. Чрезвычайно впечатляюще.

И затем посол Египта покинул президента Соединенных Штатов, изнывающей от страстного желания, стоящую с раскрытым ртом, выйдя из дверей Белого дома.

Имя Камалья, а также его фотографии были всюду. Каждая крупная газета и кабельный новостной канал во всем мире передавали новость вот уже несколько дней подряд — покушение на президента. Посольство Египта сделало краткое заявление, подтверждающее, что посол отреагировал также, как любой человек, имеющий за плечами военную подготовку, поскольку вопрос стоял о безопасности президента, а также о сборе информации, касающейся этой новой угрозы для Америки.

Америка была в ярости. Народ безумствовал, поскольку их любимая вдова трагически чуть не погибла от рук какого-то психопата. Египет стал новой любимой страной Америки, Камаль символом древнего народа, который пришел на помощь и спас молодую нацию.

Но в самый разгар обретенной славы, отец Камалья был словно бельмом в глазу своего сына, поскольку разбудил его в четыре часа утра на следующий день после обстрела, а потом позднее продолжил заседать по скайпу.

— Уже понятно, что с этим соглашением будет больше проблем, чем оно того стоит, Камаль. Тебе необходимо найти способ свести его на нет, — заметил мистер Масри, смотря на своего сына, который отображался в большом экране на стене офиса Камалья.

Камаль всеми способами старался не показать своего раздражения. Он в течение целой недели слышал от отца одно и то же.

— Как я уже ранее сказал, я всего лишь посол нашего государства. Парламент постановил, что это соглашение должно быть заключено. Я не могу единолично решать, когда закончить переговоры по международному соглашению, которое мне поручили. Если только США введет какое-то жесткое ограничение по поводу Египта, тогда и только тогда, я

смогу завершить переговоры, выразив свое несогласие.

— Ха, парламент, — издевательски произнес мистер Масри. — Я говорил с президентом Аббасом, и он согласен со мной. Ты все же обязан ему своей должностью, и он не рад твоим усилиям. Ты знаешь, он не может поговорить с тобой об этом напрямую. Он будет выглядеть не достойно перед парламентом нашей страны, поэтому попросил меня поговорить с тобой об этом. Ему необходимо точно знать, что ты хорошо его понял и найдешь способ свести на нет переговоры, — потребовал отец в свойственной ему авторитарной манере.

Камаль закатил глаза к потолку.

— Вы же понимаете, я не могу вам точно этого обещать.

— Он твой президент. Ты обязан ему своей карьерой, и именно он будет способствовать тому, будет ли твоя карьера продвигаться дальше. И если для тебя это недостаточная мотивация то, в конце концов, я твой отец, Камаль. Ты обязан быть верен своей семье, а не всем остальным.

У Камалю сжался желудок. Он понимал, что ему следует согласиться. Все, что Камаль имел в этой жизни, он имел от отца — деньги были отца, руководство отца и влияние тоже отца. Но где-то глубоко в душе оставалась небольшая протестующая часть, живая часть Камалю, которая отвергала все, что говорил, прессингуя и требуя, отец, чтобы он, как старший сын, поставил семью превыше всего, в глубине души он чувствовал, что сам по себе не столь важен для своего отца, представляя лишь инструмент для развития империи Масри.

— Ты сам хотел меня поднять до ранга посла. Я каждый день доказываю свою верность семье на этой должности. Если ты, на самом деле, хочешь, чтобы я продолжил свою политическую карьеру и в будущем, если ты лелеешь мечту, что я когда-нибудь приму на себя высший пост в нашей стране, тогда мне следует хорошо выполнять свою работу на настоящем посту, и ты сам понимаешь, что это не подразумевает срыв переговоров без основательных причин.

Его отец нахмурился, зависнув пальцем над клавиатурой своего ноутбука.

— Мы поговорим об этом позже. Сейчас у меня имеются другие дела.

Отец демонстративно нажал на кнопку отключения, прежде чем Камаль смог что-либо ответить, поэтому он зарычал с расстройства. Завтра будет еще один разговор? С какой целью? Камаль не хотел, чтобы его заставляли уваливать от своих обязанностей, особенно когда эти обязанности предполагали проводить как можно больше времени с очень красивым, элегантным президентом Соединенных Штатов.

Его селектор издал гудок, и Камаль нажал кнопку, принимая вызов от Шамиры.

— Господин посол, начальник службы безопасности хочет вас видеть.

— Пусть войдет.

Дверь открылась, и вошел Тарик, в двое больше, чем Камаль, по внешнему виду сверх устрашающий начальник службы безопасности посольства.

— Господин посол, — произнес он, делая шаг вперед, чтобы пожать руку Камалю.

— Пожалуйста, присаживайся. Хочешь кофе или воды?

— Нет, спасибо, сэр, — сказал огромный мужчина, устраиваясь в одном из кресел, стоящих перед рабочим столом Камалю. Камаль опустил в свое кресло и стал ждать, положив руки на хорошо отполированную поверхность антикварного стола.

— У меня имеется информация по поводу покушения в Белом доме, — сказал Тарик своим глубоким, сильным голосом. Камаль кивнул, чтобы Тарик продолжил. — У нас есть

основания полагать, что это дело рук русской Братвы.

— Что? — Камаль откинулся на спинку кресла, брови нахмурились от замешательства.

— Да, сэр, я знаю, что предполагается, что это одна из террористических группировок исламской армии — «Рай Джихад». Но это не их стиль. Они не совершают одиночных убийств, они предпочитают убивать десятками, калечить и редко нападают на видных политических деятелей. Их гораздо больше интересует — свергнуть народ в хаос.

— Ты предполагаешь, что это событие не свергло Америку чуть ли не в хаос? Я бы сказал, что они смогли многих выбить из колеи.

Тарик сцепил свои огромные пальцы вместе, его лысая голова опускалась и поднималась, когда он говорил:

— Да, но не соглашусь с вами, их больше прельщает выступить открыто в общественном месте или запустить самолет прямиком в здание. На самом деле, сэр, можете за последние тридцать лет хотя бы вспомнить один террористический акт, предназначенный для одного человека, даже если учесть, что этот человек самый могущественный политик на планете?

Камалю пришлось признать, что Тарик был прав.

— Но почему Братва? Пожалуйста, не говори мне, что президент Хэмптон имеет отношение к крупной иностранной мафии. — Идея была настолько абсурдной, что Камаль чуть не подавился своими словами.

— Конечно, нет, сэр, мы не можем пока все части сложить воедино. Единственное, что нам известно, что этот тип пуль используется повсеместно в Братве наемных убийств. Они используют определенный тип пушек и соответствующие пули, именно такие.

Камаль сжал зубы и закрипел.

— Братва также известна своими способностями — проникать в охраняемые места и выбираться оттуда невредимыми. Добавьте к этой достопримечательности известных ассасинов Братвы, снующих вокруг двенадцать часов до покушения на жизнь президента, и мы считаем, что это достаточно веский довод для дальнейшего расследования.

Камалю пришлось согласиться, что это действительно похоже на правду.

— И вы поделились своими данными с агентами, ведущими расследование?

— Конечно, нет, — прорычал Тарик, распаясь от такого предложения. — Пока вы не дадите свое одобрение, мы не будем ни с кем делиться информацией, сэр.

— Да, спасибо, — прошептал Камаль, продумывая весь сценарий. — И я не хочу, чтобы вы делились хоть с кем-то. Нам нужно больше информации, больше деталей, особенно выяснить мотив. Не обсуждай это ни с кем, кроме меня, я не хочу, чтобы кто-то, кроме тебя собрал все кусочки воедино. Пусть каждый агент расследует свою часть, и не позволяй им обсуждать все детали друг с другом.

— Как пожелаете, господин посол. Я прослежу за этим лично, привлеку самых надежных своих людей, и как только у меня появятся новые данные, я сообщу вам.

— Спасибо. — Камаль поднялся и пожал руку Тарику, и этот большой человек, зашкаливавший в своем весе за две сотни фунтов, пошел к двери как балерина, фактически паря над полом.

После того как он ушел, Камаль долгое время пустым взглядом смотрел на свой блокнот на столе. Всю свою жизнь он слышал слухи, что семья Масри была связана с Братвой, но непосредственно дома эта тема никогда не затрагивалась, несмотря на то, что мистер Масри, отец, обоих своих сыновей вовлек в семейный бизнес, когда они были еще подростками, по крайней мере, с Камалем никогда не обсуждались вопросы, кроме как

связанные непосредственно с бизнесом или какими-то крупными вливаниями. Он был брошен в политику, в то время как его младший брат вел более активную роль в корпорации отца.

Сейчас же, как бы случайное стечение обстоятельств — его отец настолько рьяно выступал против заключения договора и покушение на президента, который непосредственно принимал участие в заключении тысячелетнего соглашения, идея с причастностью Братвы показалась Камалю очень даже реальной. Он почувствовал, как медленно закипает в нем гнев. Лично для себя Камаль уже давно понял, что его отец не всегда соблюдал этические принципы, ведя бизнес. И по существу, сам Камаль не гнушался обойти закон, если это давало ему преимущества в информации или контроле. Но сейчас выглядело все по-другому. Камаль никогда не отмывал деньги, с этим у него было все чисто, и он никогда не смог бы рисковать человеческой жизнью для своей наживы.

Он задавал себя простой вопрос — были ли эти пули предназначены для президента или они, на самом деле, были направлены на него? Но Камаль надеялся, что независимо от того, насколько глубоко его отец погряз в связях с Братвой, он бы никогда не подверг такой опасности жизнь своего старшего сына. Если бы не существовала другая причина, несмотря на то, что Камаль был его билетом на пост президента Египта, в какой-то момент старший Масри захотел аннулировать это билет.

И Камаль решил, что если эти пули были направлены на него, то отец точно не знал об этом. Но он чувствовал всеми фибрами души, что его отец каким-то образом имел отношение к этому покушению. И от этого сжался его живот от токсичных смешанных чувств. Сможет ли он скрывать эту информацию от американцев, сможет ли он скрыть информацию о Братве от них? Он обещал Джессике, что поможет ей выследить того, кто рискнул устроить покушение. И он намеревался выполнить свое обещание. Но он хотел сохранить имя своего отца незапятнанным, насколько мог. Ему оставалось только надеяться, что американцы более медленнее докопаются до этого, а еще Камаль очень надеялся, что ошибался, что это всего лишь было простое совпадение.

Он выдохнул, откинувшись на спинку кресла. Все в нем кричало, что это не так, и поэтому Камаль сделал то, что всегда делал: он доверял только своему клубу, поэтому взял сотовый и нажал кнопку быстрого набора — два.

— Нам нужно встретиться, — сказал он. — Сегодня вечером. Я буду в семь.

— Вы думаете, это связано с русскими? — с сомнением спросила Джессика директора национальной безопасности.

— Да, мэм. Криминалистическая экспертиза исследовала пулю и пришла к выводу, что таким оружием часто пользуются российские киллеры.

Джессика прошла от дивана к столу в Овальном кабинете.

— Это же не террористический акт? — Она упала в свое кресло, нуждаясь хотя бы в нескольких минутах, отделяющих ее от директора национальной безопасности. Она так устала от проблем и нескончаемо возникающих осложнений. Учитывая покушение, которое было столь не типичным, именно в эту минуту она была бы больше рада новости, что попытку покушения совершила очередная группировка джихада. Но видно ей не попадались простые вопросы.

— Такое, конечно, возможно. Мы не исключаем сценарий, когда русская мафия заключила договор с террористической организацией, чтобы проделать за них всю грязную работу. Но этот сценарий очень мало вероятен.

— Вот и скажи мне, Эрик, что на самом деле не мало вероятно?

Директор почувствовал себя явно неудобно.

— Давай, выкладывай, — настояла она.

— Ну, мэм, мы считаем, что русская мафия, проще говоря братва, взялась за это только потому, что вы не нравитесь ей по каким-то причинам.

Она устала на своего директора национальной безопасности.

— Ты, наверное, шутишь?

— Нет, мэм. И в свете последних событий, существует ли что-то такое, что вам следует нам рассказать?

Ее взгляд готов был застрелить его на месте, а голос казался холодным и горячим одновременно.

— Ты ведь не серьезно предполагаешь, что у меня могли быть когда-то отношения с русской братвой, не так ли? Позволь мне тебя успокоить. На основании известной мне информации, я никогда не встречалась ни с кем из этой организации. Я не играю в азартные игры, у меня нет никаких долгов перед кем-то, будь то русские или кто-то еще, я не могу, хоть убей, найти ни одной причины, почему русская братва хочет меня убить.

Ее возмущение вызвало у Эрика шквал извинений и заверений, что управление внутренней безопасности совсем не предполагает, что их президент занимался подобными делами, что оказался на радаре братвы.

Директор удалился, пообещав прийти с более подробной информацией завтра, а Джессика прислонила голову к спинке кресла и закрыла глаза.

— Боже, Джон, — пробормотала она себе под нос. — В какой ад ты втянул меня на этот раз?

Разговаривать с Джоном стало привычкой, которая появилась, когда делегаты от его партии по истечении двух часов, после того, как его самолет разбился, пришли к ней и попросили ее занять его место в Сенате. Вот уже шесть лет она задавалась вопросом, что побудило их в первую очередь обратиться к ней, но в тот момент она была настолько шокирована горем, настолько заторможена и беспомощна, что готова была согласиться на

что угодно.

На самом деле, она хотела занять его место, чтобы таким образом сохранить его для него. Прошло восемь долгих дней, прежде чем вытащили его бездыханное тело из глубин Атлантики, пока же этого не произошло, она была уверена, что он жив. Потому что в свои тридцать один год и находясь на шестой неделе беременности, Джессика не могла поверить, что ее прекрасный молодой муж погиб.

Ее рука автоматически потянулась к животу, вспомнив, как Джон опускал голову и нежно целовал ее живот, когда они лежали ночью в постели, и она узнала, что носит их ребенка.

— Я надеюсь, что это девочка, — сказал он в темноте их спальни.

— Предполагается, что ты должен сказать, что тебе безразлично кто, главное, чтобы был здоровым, — пожурила она его, улыбаясь.

— Знаю, что это будет выглядеть правильнее, так сказать, но я хочу, чтобы была маленькая девочка, которую я смог бы научить вести дебаты и предварительно обрабатывать избирателей, и воспитать ее так, чтобы она смогла стать первой женщиной-президентом США.

Она засмеялась над амбициями своего мужа. Он всегда поднимал ставки. Воспитать будущего президента для Джона казалось недостаточным, он хотел воспитать первую женщину-президента.

— Госпожа президент? — Голос секретаря по селектору вывел ее из задумчивости. Джессика провела рукой по лицу, обнаружив слезы.

— Да? — ответила она, судорожно вытирая свидетельства своей печали.

— У вас имеется один свободный час в расписании, ваша свекровь здесь.

Джессика вздохнула. Понедельник был ужасным днем.

— Хорошо, пожалуйста, попроси ее подождать пять минут, а потом проводи ко мне и закажи кофе, и мне нужны еще...

— ... печенье. Да, мэм, я уже заказала их.

— Спасибо.

— Ты выглядишь изнуренной, Джесс, — произнесла ее свекровь, даря воздушные поцелуи каждой щеке Джессики.

— Приятно видеть тебя, Марджори. Что привело тебя сегодня в округ Колумбия? — Джессика достаточно рано поняла, что легче было игнорировать удары матери Джона, чем пытаться их анализировать. Марджори хотела как лучше, она настолько погрязла в стародавней материнской заботе женщин Юга, что ты всегда перед ней выглядел слишком изнуренной.

— Я совершаю свой ежегодный осенний шопинг по магазинам и решила, что зайду к Julia Farr и Saks Jandel в этом году. Я устала от безжалостного черного и серого на показе мод в Нью-Йорке. Я хочу надеть что-то чертовски цветное.

Джессика попыталась скрыть улыбку, как только они уселись на двухместный диванчик в Овальном кабинете.

— Я слышала, что новые осенние вещи в коллекции Julia Farr красивые. Уверена, ты найдешь что-нибудь превосходное.

Марджори налила себе чашку кофе и улыбнулась пончикам.

— О, хорошо, съем два. Ты прямо оживилась. — Она взяла два глазированные пончика, лежащие на тарелки, и протянула их Джессики, которая была рада, что ее как бы обязывали

их съесть.

— Сейчас, поскольку я очень сильно люблю тебя, ты же знаешь, я пришла не просто так, только поздороваться.

Джессика вежливо улыбнулась, откусывая пончик.

— Уверена, ты помнишь, что сороковой день рождения Джона не за горами, — продолжила Марджори, ставя на блюде свою нетронутую чашку кофе.

Джессика проглотила кусок, вдруг засомневавшись, сможет ли помочь ее обычная сладкая терапия результатам этого разговора.

— Я поговорила со старшим Джоном, и мы подумали, что будет замечательно, если мы сможем отдать дань уважения и спланировать вечер здесь, в Белом доме. День памяти, возможно, выступят какие-то ораторы на южной лужайке, коллеги из Сената, кто служил с ним. Было бы замечательно, если бы сказал речь его бывший начальник администрации, и ты могла бы выступить и сказать, что произошло с некоторыми любимыми инициативами, за которые ратовал Джон. Мне кажется, это будет прекрасный способ напомнить стране ту надежду, которую предоставил им Джон, не так ли?

Сердце Джессики упало. Несмотря на то, что она сильно скучала по нему каждый день, и несмотря на то, насколько она его любила, ей не хотелось провести еще один из его дней рождения, барахтаясь в воспоминаниях о нем. Она и так была достаточно вовлечена в его прошлое. Хэмптоны каждый год на своей ферме в Южной Каролине праздновали день рождения Джона, это был ужин под строгую музыку и обязательно кто-то говорил какие-то импровизированные речи о Джоне и его жизни. Всегда присутствовала его сестра Лисанн, его родители и некоторые давние друзья из университета Джона, пара друзей с юрфак, с которыми он и Джессика проводили вместе время.

Но эти дни рождения были совершенно иными. У Джессики тоже было день рождения в этом же месяце, и в этот момент она поняла, что не хотела бы его делить со своим умершим мужем.

Она откашлялась, пытаясь придумать, как бы более мягко отказать своей свекрови, которая потеряла своего ребенка и никогда не переставала по нему тосковать. Джессика могла только вообразить, какую боль испытывает Марджори, просыпаясь каждое утро, вспоминая своего первенца, которого больше не было рядом с ней. Джессика прекрасно понимала, как больно потерять ребенка, даже не увидев его. Она даже не могла представить себе, что должен чувствовать человек, теряя кого-то, кого ты хорошо знал и вырастил до тридцати четырех лет.

— Марджори, — мягко произнесла она, — я думаю, что это прекрасная идея, но не думаю, что это вполне уместно.

Ее свекровь посмотрела на нее испуганно.

— Вместе с ним летели еще и другие люди, погибшие в том самолете, и у них не будет такого чествования, празднования дня рождения в Белом доме.

— Ну, мы можем тоже включить их в список... хотя это будет несколько странно, поскольку в этот день не будет их дня рождения, но мы можем, конечно, сказать пару слов и о них, пригласить их семьи. Джону бы это понравилось.

Джессика подумала, что Джону бы совсем не понравилась эта идея. Потому что Джон понимал, что если ты умер, то умер, а все остальные, кого ты оставил позади, будут потом и кровью делать потуги, чтобы помнить тебя, пытаясь сохранить о тебе память каждый день, стараясь не забыть, причем до такой степени, что у них даже начинало сводить животы.

— Даже это. Не думаю, что это мудро для меня использовать Белый дом в личных целях.

— Это не личное. — Голос Марджори поднялась на октаву. — Он был государственным деятелем. И он был в этом проклятом самолете по государственным делам. — Глаза ее наполнились слезами. — Целый народ потерял одного из своих молодых героев в тот день. Они обязаны в его день рождения, признать все его заслуги, все блага, которые он им предоставил, которыми теперь они могут пользоваться.

Благодаря своим южным манерам Марджори не могла допустить, чтобы слезы скатились из глаз, но Джессика видела скольких трудов стоит этой женщине взять себя в руки.

— Может, мы сможем сделать что-то более личное в Белом доме? Я могла бы попросить персонал, занимающийся садом сделать памятник. Мемориальную доску в розовом саду? Джону всегда нравился этот сад. — Она протянула руку и сжала руку пожилой женщины, ожидая, когда Марджори восстановит контроль над своими эмоциями.

Ее свекровь быстро кивнула, опустив свой взгляд в чашку кофе, Джессика вспомнила, что каждый раз происходило тоже самое. Горе Марджори было настолько сильным, что оно перекрывало почти все желания Джессики. Она стало такой, как только умер ее сын. Как только Джессика подумывала, что она готова двигаться дальше, Марджори снова возвращала ее на место — к памяти и воспоминаниям о Джоне. Наполняя ее горем, чувством вины и определенными обязательствами.

Марджори, наконец, посмотрела на Джессику.

— Знаю, ты права, — сказала она, ее голос был таким тихим, почти шепот. — И я сожалею, что пришла сюда со всем... это Джон-старший. — Она сделала паузу, откашливаясь. — Джесс, у него диагностировали рак простаты на прошлой неделе.

Сердце Джессики упало, как якорь в озере. Она обошла журнальный столик и села рядом со своей свекровью, обняв ее за плечи.

— Мне очень жаль. Каков прогноз?

Марджори сделала выдох и вдох, чтобы расслабиться, пока Джессика обнимала ее за плечи.

— Они будут оперировать, тогда лучше поймут есть ли метастазы. Они не могут точно сказать, сделав только сканирование, говорят, вроде бы есть, но не уверены точно, пока не заглянут внутрь.

Джессика вставила чашку кофе в руку Марджори, продолжая тереть ей спину, пока та делала глоток.

— Тогда это очень хороший прогноз. Врачи сделали удивительные успехи в лечение этой формы рака. Он должен пройти через терапию. И ты. Мы пройдем через это вместе.

— Как ты это делаешь? — спросила Марджори, глядя в глаза Джессики. — Как тебе это удастся? Каждый день просыпаться и жить дальше без мужа? Сама идея жить без Джона-старшего настолько ужасна, я не смогу с этим справиться.

— Это не так, ты удивительно сильная женщина, но ты не должна думать о плохом, потому что с ним все будет в порядке. — Она поцеловала пожилую женщину в лоб, прежде чем встать. — Я сверюсь со своим графиком и скажу, когда смогу приехать к вам на ферму на пару дней. Как только пройдет операция, я постараюсь приехать. Также скажи врачу-хирургу, что я позвоню в главное управление медицинской службы по поводу Джона-старшего, чтобы убедиться, что он получает и ему делают самые последние процедуры и

лечение идет по плану. Если существуют еще какие-то новые разработки, то управление медицинской службы предоставит ему такую возможность.

Марджори встала, взгляд ее стал более жестким, она явно пришла в чувство.

— Я не знаю, что бы мы без тебя делали, Джесс. — Она схватила президента и крепко обняла ее. — Мы благословили тот день, когда Джон привел тебя в нашу жизнь.

Джессика проглотила сожаление, которое пыталось вырваться наружу. Жалея, что она так часто обижалась на свою родню со стороны мужа, жалея, что, в конце концов, она не смогла им дать то, что они хотели больше всего на свете... их сына живого и здорового... и жалея об этом каждый раз, когда она пыталась сделать их жизнь лучше, при этом, казалось, свою собственную еще труднее.

— Также как и я, — сказала она, отрываясь от объятий Марджори и ведя ее к двери. — Прощу тебя, сообщи о предстоящей операции моей ассистентке, которая составляет мой график.

Марджори подарила ей очередные воздушные поцелуи и вышла из кабинета в водовороте лака для волос и духов «Шанель», но прежде чем Джессика вернулась к своему столу, селектор загудел, объявляя о приходе председателя Объединенного комитета начальников штабов. Это был еще один день в жизни президента Америки, и если уж она смогла пережить потерю мужа, то этот день она тоже сможет пережить.

Камаль уже больше десяти минут находился в апартаментах клуба «Силовых игроков», когда, наконец, прибыл Тиг.

— Хорошо же ты встречаешься со мной, — саркастически заметил Камаль, когда его друг рассеянно вошел в помещение и направился к бару.

— Это был адский день, — хмыкнул Тиг, наливая себе щедрый глоток джина.

— Расскажи кому-нибудь еще, — сказал Камаль, подняв свой стакан виски.

Тиг облокотился на бильярдный стол, откуда он мог открыто смотреть на Камалья, сидящего в кожаном кресле. — Ты чертовски сильно высказываешь свои осуждения Дереку, — сказал он без предисловий.

Камаль закатил глаза к потолку.

— Он собирается загубить свою *баную карьеру из-за проститутки. Я что должен игнорировать его поведение, чтобы облегчить ему крах?

Тиг задумчиво потягивал джин.

— Думаю, ты должен поддерживать его, потому что он твой лучший друг и с тобой уже восемнадцать лет.

— Ну, если ты имеешь в виду, поддерживать его, значит поощрять вести себя как полнейший идиот, то на меня не рассчитывай.

Тиг покачал головой и сделал еще один большой глоток.

— Итак, зачем вызывал? Мне кажется, это не касается обсуждения выбора Дерекки женщин и его карьеры.

— Нет, для обсуждения покушения на жизнь президента.

Тиг свистнул длинно и низко.

— Ты не трагишь зря слов, парень. Ты видел что-нибудь той ночью? Может получил подсказку, кто это может быть?

Камаль встал и подошел к камину, прислонившись к полке.

— Я сказал президенту, что мои сотрудники безопасности тоже будут разбираться с этим инцидентом, поэтому она дала нам доступ к доказательствам, и я поручил своим

людям провести расследование в параллели с госбезопасностью США.

Тиг поднял свою темную бровь над янтарными глазами.

— Президент способна предоставить египетскому правительству доказательства своего покушения?

— Не египетскому правительству, а моей службе безопасности, пока они работают в посольстве, они верны мне и только мне. Президент знает, что вся информация останется полностью конфиденциальной. Она также знает, что у меня есть доступ к информации о ближневосточных группировках, у США такой возможности нет.

Тиг кивнул, задумавшись на мгновение.

— И ты собираешься мне сообщить, что обнаружил?

— Русскую братву, — объявил он.

Теперь обе брови Тига поднялись над его глазами.

— Черт возьми...?

— Ты читаешь мои мысли. Но существует еще кое-что, и я боюсь, что эти две вещи могут быть связаны. Если это так, то я приперт к стене.

— Ладно...

— Мой отец до абсурдности желает, чтобы я вышел из этого соглашения, над которым работаю с президентом. Он звонит мне каждый день, прессингуя, давая понять, что я должен как можно скорее закончить это начинание.

— Он сказал тебе причину?

Камаль поднял стакан в направлении Тига, прежде чем сделать последний глоток и поставить его на полку.

— Он говорит что-то неопределенное о деловых партнерах и торговых вопросах. Он также говорит, что президент Аббас думает так же, но, конечно же, не может выразить свое мнение открыто. Тем не менее, я чувствую, что происходит что-то более значительное.

— Он когда-нибудь делал это раньше? Указывал тебе, пытаюсь управлять работой посольства?

Камаль горько рассмеялся.

— Мой отец как бы вскользь вставляет замечания. Раньше он особо не проявлял большого интереса к моим проектам и не подталкивал меня, но для него это совсем ненормально, конечно, поскольку он и раньше контролировал меня, мою жизнь, хотя на самом деле она его совершенно не касается.

— И ты думаешь, что эти деловые партнеры, которых он подразумевает — братва? — Тиг недоверчиво посмотрел на него.

Вздыхнув, Камаль стал ходить по комнате.

— Не секрет, что мой отец имеет обширные связи, и некоторые из этих людей не являются достойными гражданами страны, причем не только нашей. Мне хотелось бы думать, что он не поставил меня в положение, рискуя моей карьерой..., карьерой, которую он же и хотел для меня, с тех пор, как я был подростком... чтобы я потворствовал желаниям русских бандитов. Думаю, что мой отец вряд ли настолько безнадобен. Но мне кажется, что он пытается противостоять определенному давлению со стороны русской мафии. Но факт остается фактом, я не могу с полной уверенностью это сказать.

— Так чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты мне сказал, как вывести свои счета таким образом, чтобы мой отец не смог ничего заподозрить и узнать, пока не будет все сделано.

Камаль видел, как на лице Тига сначала отобразился шок. Его друзья были не в курсе всех тонкостей, но они знали, что доходы его семьи были огромными, но он никогда не обсуждал их, а теперь он готов был предоставить Тигу все «грязные детали».

Тиг моргнул один раз, потом второй, а потом на его губах медленно расплзлась улыбка, озарив лицо. Камаль знал, что его друг очень любит сложные юридические маневры, особенно, если они связаны с деньгами. Он был один из лучших корпоративных юристов в стране, Тиг замораживал, переводил и перевязывал миллиарды долларов в аккуратные международные бантики не один раз.

— И мы делаем это, почему...? — спросил Тиг.

Камаль глубоко вздохнул.

— Потому что мое чутье подсказывает мне, что грядет что-то нехорошее и что для меня давно уже настало время, чтобы я смог выжить независимо от того, что мой отец будет предпринимать или не будет.

— Хорошо, — ответил Тиг, отставив свой стакан в сторону, достав смартфон и яростно что-то набирая пальцами. — Скажи мне, где находится каждый цент и какова структура. Если мы собираемся сделать это без лишнего шума, нужно все подготовить, прежде, чем мы нажмем на единственную кнопку.

Камаль хмыкнул. Он позвонил нужному человеку для такой задачи. Если он сможет отделить свои деньги от денег отца, тогда, по крайней мере, есть шанс, что он сможет избежать ужасных последствий. Камаль всегда доверял своему чутью, а оно говорило, что соглашение, стрельба братвы и его отец были связаны каким-то образом, и когда это подтвердилось, Камаль был полон решимости находиться как можно дальше от всего этого бардака, насколько это было возможно.

Это был самый любимый день недели Джессики, и хотя она знала, что не должна, но все равно затратила больше времени одеваясь и делая макияж сегодня утром. Когда она появлялась на камеру, она позволяла штатному стилисту Белого дома укладывать ей волосы и делать макияж, но среда была свободным днем от прессы, за то в ее расписании значились еженедельные встречи с египетским послом, поэтому она выбрала более удобную одежду, попытавшись казаться в ней обыкновенной женщиной, проводящей обычный день в офисе, не перед журналистами и несколькими миллионами человек у телеэкранов.

За десять минут до появления Камалья, раздался стук в дверь ее кабинета.

— Да? — окликнула она, с очками, сидевшими на носу, пока она зарылась в совершенно непонятное для нее предложение, которое предлагали внести в законопроект, о снижении нормы выброса углерода.

— Госпожа Президент? — заглянула Ванесса, сунув голову в маленькую дверную щель, как курица. — Я понимаю, что еще рано, но я хотела вам сообщить, что посол уже здесь.

Сердце Джессики подпрыгнуло, и она едва поборола желание пригладить волосы.

— Это прекрасно, можешь его пригласить. С ним я проведу гораздо лучше время, чем читая предложение к законопроекту о выбросе углерода, который Фиона настойчиво просила меня прочитать.

Ванесса засмеялась и исчезла, вернувшись через несколько минут с Камалем, следовавшего за ней.

— Не желаете что-нибудь съесть или выпить? — спросила она.

Джессика взглянула на Камалья, тайно надеясь, что он не голоден и не испытывает жажду, она не хотела, чтобы их прерывали.

— Нет, спасибо, — сказал он, улыбнувшись Джессике, от чего вся кровь прихлынула к ее голове, как сумасшедшая.

— Я тоже. Спасибо, Ванесса.

Глава секретариата вышла, закрыв за собой дверь, Камаль и Джессика так и остались стоять на месте, глядя друг на друга, застыв в своего роде похоти с затуманенным взглядом. Джессика чувствовала теплоту в его взгляде, которая вызывала покалывание в ее естестве и в груди. Она знала, что это было опасно и глупо, и, скорее всего, могло разрушить все, чем она жертвовала последние шесть лет.

— Мы..., — она прочистила горло, но необходимо было прочистить голову. — Нам стоит начать. Я думаю, мы остановились на том, как обслуживать шахты для запуска ракет?

Он кивнул, подойдя ближе к массивному столу, который отделял их друг от друга.

— С тобой все в порядке? — мягко поинтересовался он. — Я беспокоился о тебе... после нападения.

Ее сердце ухнуло в живот, и она поняла, что он заметил это, потому что стоял у края стола, наклонившись вперед, поставив на него руки и внимательно окидывая ее взглядом.

— Госпожа Президент?

Она подалась ему навстречу, моргнув, погрузившись в его жаркий взгляд. А потом она испытала сильное желание все ему объяснить. Она хотела, чтобы он понял, как она очутилась в этом кабинете, и почему она не имеет права делать некоторые вещи, которые ей так хочется, но она никогда не сможет их получить.

— Прошло всего несколько часов, как самолет Джона пропал с радаров, когда они пришли ко мне, — тихо произнесла она. — Они попросили меня занять его место в Сенате, и я согласилась. Но я согласилась, потому что думала, что он вернется. — Она прерывисто вздохнула. — Следующую неделю, я молилась, чтобы они нашли его живым. Я сохранила место для него. Но он так и не вернулся. И таким образом, я стала сенатором.

Камаль печально посмотрел на нее, и она глубже уселась в своем кресле, он остался стоять, не сводя с нее глаз, пока она говорила то, что не рассказывала никому, только Фионе и своему покойному отцу.

— Родители Джона были уничтожены. В стране был объявлен траур. И единственное, во всей этой кутерьме, я поняла, что все были рады, что я... заняла его место. И это хоть как-то отвлекало меня. Я так сильно горевала, что даже была не уверена готова ли просыпаться каждое утро, но с ожиданием всей страны на моих плечах... у меня не было выбора.

Джессика была так увлечена своими воспоминаниями, что не заметила, как Камаль обошел стол и встал на колени перед ней, положив руки ей на бедра, пока она сидела в своем кожаном кресле.

— И в какой-то момент ты вдруг просыпаешься и понимаешь, что не хочешь этого. Но уже слишком поздно что-либо менять. — Его голос звучал мягко, руки были нежными, он взял в ладони ее лицо. Ее сердце заколотилось, и она не могла себе ответить, от того ли, что она так сильно хотела его или от того ли, что ей не следует ему этого позволять.

— Однажды утром я проснулась и поняла, что не хочу этого, — эхом повторила она. Его пальцы проšliсь по ее скулам, а потом он спокойно притянул ее к себе. Она не сопротивлялась, хотя каждая клеточка в ней кричала, что она должна остановиться.

— Я думаю, госпожа президент, — выдохнул он, зарываясь в ее густые волосы на затылке, — что для вас наступило время сделать то, что вы хотите.

— Я думала, мы договорились, что будем друзьями, — шепнула она в ответ, как только его губы оказались напротив ее.

— Так и есть, — пробормотал он, и его губы дотронулись до ее губ, словно серия маленьких взрывов, пронзающих ее внутри.

— Камаль...

— Шшш. Теперь твой черед, Джессика. — Его губы снова накрыли ее, и она поняла, что потерялась в нем. Потерялась в ощущениях, потерялась в чувствах, потерялась в полнейшем декадентском невероятно сексуальном мужчине, который целовал ее так, будто она была самой драгоценной вещью в мире.

Как только она приоткрыла губы, его язык вторгся в ее пространство, соблазнительно орудуя во рту, пока его рука тянула ее за волосы, чтобы ее голова находилась под правильным углом. Она ахнула, как только он прикусил ее нижнюю губу, тепло и электрический ток пронесся по всему ее телу, особенно вспыхнув в давно забытых и давно не востребованных местах, Джессика уже даже забыла, что такие места имеются у нее.

Камаль застонал, и она подалась к нему ближе... больше жажда контакта, больше ощущений, больше его тепла. Поцелуй Кейда Дженкинса был приятным, но поцелуй Камала Масри был просто неопишуемым. Она заерзала, он поднял ее в вертикальное положение, не теряя с ней контакта.

Они оказались вплотную прижаты друг к другу, она радовалась, чувствуя напротив большого высокого мужчину с отчетливо проявляющимся мужским достоинством. Боже мой, это было так давно, когда она сражалась в любовной дуэли, быстро срывать части

одежды. Сейчас всего было слишком много. Все и сразу, без предупреждения, без будущего.

Камаль медленно отстранился, с обожанием глядя на нее.

— Шшш, — успокаивал он ее, хотя она изо всех сил пыталась сохранить самообладание в его руках, под его взглядом и состраданием.

— Все хорошо, — прошептал он, притягивая ее к себе, положив ее голову себе на грудь, и делая легкие круги по ее спине. — Ничего не изменилось. Ты просто выглядела так, что мне захотелось тебя поцеловать. Сейчас все нормально.

— Шесть лет, — ответила она, как будто эти слова все объясняли. — Прошло шесть лет.

Но казалось Камаль хорошо ее понимал, словно он был ею самой и будто для него это было вполне серьезно.

— Сейчас, возможно, ты движешься к чему-то другому, не спеши, не нужно давить. Мы друзья, и иногда друзья целуются, это тоже нормально.

Она быстро кивнула, скорее от переизбытка чувств, как только он отошел от нее, обогнув стол и сев в кресло напротив.

— Сейчас я полностью уверен, что мы обсуждали шахты для запуска ракет на Ближнем Востоке, госпожа Президент.

И Джессика Хэмптон, первая женщина-президент Соединенных Штатов, сидела за своим столом и обсуждала ядерный потенциал основных игроков Ближнего Востока, напротив мужчины, который только что сделал существенный шаг в сторону, взяв ее президентское сердце в свои ладони иностранца.

* * *

Камаль терзался чувством вины. В течение трех недель он встречался с президентом еженедельно, но так и не рассказал ей, что его сотрудники службы безопасности узнали о попытке покушения. Он успокаивал себя тем, что если бы американцы узнали что-нибудь подобное, она бы с ним не поделилась, но она и не обязана. Именно он предложил ей помощь, разузнать по своим каналам о покушении. Он, на самом деле, хотел выяснить, кто это сделал. Да, сказать по правде, Камаль ничего больше так сильно не хотел, как въехать на пресловутом белом коне и спасти девицу, даже если эта девица была самым могущественным человеком на планете.

Но сложив воедино бесчисленные куски сложной головоломки, он боялся того, что обнаружит, если копнет еще глубже, боялся, что доказательства приведут к его отцу. Поэтому он сдерживал себя. Каждый день узнавая обрывочные сведения от своей спецгруппы охраны, и держал их при себе, отказываясь передавать информацию американцам, пока он точно не будет уверен, что никаких сюрпризов не последует.

Он предполагал, что когда отец не смог добиться от Камала сотрудничества в прекращении международного соглашения, братва сама взялась за дело. Нарастающее отчаяние отца, имея в виду его прессинг, как раз укладывалось в эту теорию, как и то, что его люди обнаружили — братва была связана со сбытом наркотиков в большую часть региона, которая входила в соглашение, и полиции доставляла массу проблем.

Камаль ненавидел, что ему приходилось скрывать эту информацию от Джессики. Он частенько хранил тайны; начиная с государственных, коммерческих и семейных. Иногда

казалось, что вся его жизнь была ничем иным, как одной большой тайной. Но сейчас он чувствовал себя виноватым и злился из-за этого. Если Джессика когда-нибудь узнает, что его отец связан с братвой, она, конечно, больше не будет целоваться с ним при закрытых дверях в Овальном кабинете.

Не то чтобы больше не будет никаких поцелуев, как в первый раз. Он почувствовал, что ей необходима некоторая дистанция, возможно, чтобы она почувствовала, что держит ситуацию под контролем, ради своей собственной личной уязвимости и профессиональной этики. И он был вполне способен предоставить ей этот шанс, особенно в данный момент, особенно когда над его головой висел домоклов меч.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пока он не слышал ничего существенного, что обнаружили Штаты о стрельбе, но Камаль был не настолько наивен, полагая, что его сотрудники единственные способны собрать эти разведданные. Если египтяне нащупали определенный след братвы, то американцы явно тоже не отставали в этом вопросе.

— Господин посол? — Тарик заглянул в открытую дверь кабинета Камала.

— Да. Входи. — Камаль кивнул Тарику.

Тарик закрыл за собой дверь, предупреждая Камала, что разговор будет не о последних футбольных матчах английской Премьер-Лиги.

— У меня имеется информация по поводу покушения.

Камаль вздохнул, напряжение выстрелило в спину и шею от одной мысли, что высококвалифицированные агенты Тарика могли еще раскопать.

— Похоже, что братва уже начала перевозить наркотики в регион, как они планировали. Но они делают это по официальным каналам, доставка идет через египетскую компанию... — голос Тарика заглох, он приподнял одну бровь. Бл*дь.

— Полагаю, что компания принадлежит предприятиям Масри? — спросил Камаль чисто риторически.

Тарику было явно неудобно отвечать, но он смотрел Камалю прямо в глаза.

— Нет, сэр.

Камаль был удивлен, поэтому подался вперед, направив на Тарика тяжелый взгляд.

— Тогда чья?

— Компания президента Аббаса, сэр.

Камаль издал длинный, низкий свист.

— Ну, это, безусловно, накладывает новый отпечаток на всю ситуацию.

— Это ставит Египет в непростое положение, — торжественно сказал Тарик. Камаль мог только кивнуть в знак согласия.

— И каким образом они доставляют наркотики в регион?

— Есть определенные лазейки в действующем законодательстве, господин посол, — продолжал объяснять Тарик тонкости торгового законодательства, и Камаль сразу же понял, почему мировое соглашение не отвечает интересам банды. Оно бы заставило пересмотреть все нормативные акты, которые позволяли братве доставлять наркотики, маскируя под помощь населению разоренной войной стран Ближнего Востока, делая это совершенно открыто, прямо под носом у американцев и ООН.

— Это ставит вас в неловкое положение, господин посол, — произнес Тарик, хотя это было и так очевидно.

— Да, ставит. Президент Аббас может меня отозвать, отправить домой, или, что еще

хуже, назначать на пост в другом месте, например, в Казахстане.

— Если вас это утешит, мы не можем найти никаких признаков, что президент Аббас лично принимал участие в данном договоре. Его компания огромна, вполне возможно, что это был обычный договор на поставку товаров, включая грузоперевозки, который кто-то ниже по рангу подписал за него.

Камаль взглянул на Тарика, приподняв одну бровь. Мужчина не всерьез же так думал, не так ли?

Тарик пожал плечами.

— Все возможно...

— Нет, такое не может быть, — поправил его Камаль. — Но я благодарен за твою попытку.

Он встал и подошел к длинным окнам, которые украшали его большой, комфортный офис.

— Мне нужно, чтобы ты придержал эту информацию, пока я не решу, как с ней поступить.

— Конечно, сэр, — сказал Тарик, вставая и направляясь к двери.

— Если ты найдешь доказательства прямой причастности Президента Аббаса ко всему этому, ты скажешь мне? — спросил Камаль.

— Как я уже говорил, сэр, я работаю на вас и только на вас, — ответил Тарик. — Кроме вас никто не узнает об этом.

— Спасибо, — произнес Камаль, посмотрев мужчине в глаза.

После того, как Тарик ушел, Камаль набрал Тига.

— Нам стоит ускориться, — сказал он своему другу, как только тот ответил. — Мой отец и босс не собираются, в конечном итоге, посещать Гуантанамо и подписывать международное соглашение. Я бы очень хотел оказаться от них обоих, как можно дальше, когда это произойдет.

— Ладно, — ответил Тиг. — Думаю, мы сможем получить необходимые детали в оставшиеся сорок восемь часов. — Он сделал паузу, но Камаль даже и не заметил, поскольку все его внимание было приковано к новостной ленте, бегущей строки внизу экрана компьютера.

— Ты смотришь новости? — спросил он Тига, и сам удивился насколько безжизненно звучал его голос.

— Черт побери..., — ахнул Тиг в ответ.

— Ты видишь это?

— Да.

— Я не могу поверить! — взревел Камаль. Пресса проткнула мыльный пузырь, разоблачив хорошо сфабрикованное прикрытие Дерека, что проститутка направлялась к нему, теперь все знали, что сенатор Мелвилл нанял эту проститутку. На его предвыборной кампании можно было поставить крест. Это также означало, что у Джессики не было приемника. Отчего у Камала заболело сердце, как только он осознал последствия происходящего кошмара.

— Послушай, почему бы мне не поговорить с Дерексом и не попытаться выяснить, как его вывести из всего этого максимально безболезненным способом? — спокойно спросил Тиг, а Камаль задался вопросом, не таким ли тоном он говорил со своими клиентами, когда переговоры заходили в тупик.

— Он опростоволохился с этой кампанией с первого же дня, — пожаловался Камаль. — Ему никогда не приходило в голову, что эта кампания затрагивает слишком многих людей, кроме него и Мелвилла?

Тиг просто продолжил говорить таким же спокойным тоном:

— Я все же поговорю с ним. У тебя итак достаточно своих проблем. Я разыщу Дерека и составлю план действий. Ты же занимайся пока своим штормовым дерьмом, Я же побеспокоюсь о своем.

Камаль ему не сказал, что дерьмо Дерека слишком близком затрагивало его собственное дерьмо, поэтому он согласился, закончив телефонный разговор, бросив с громким стуком трубку на стол.

Затем недолго думая, он взял телефон и просмотрел его специально закодированный список контактов, пока не достиг контакта тысяча шестьсот. Он нажал на кнопку вызова и стал ждать, чтобы услышать ее голос. Через несколько минут и через несколько секретарей, она ответила:

— Господин посол?

— Да, госпожа Президент. Спасибо, что ответили на мой звонок.

— Конечно, — вежливо сказала она, они оба понимали, что линия прослушивается и все ее разговоры ежедневно записываются. Они не могли говорить свободно, но у него не было другого способа связаться с ней.

— Я хотел выразить свое сожаление по поводу утренних новостей. Я понимаю, что открывшиеся обстоятельства ставят ваши собственные планы на будущее под угрозу.

Джессика вздохнула, ее голос стал мягче.

— Да, для меня все становится несколько туманным, но вам не стоит беспокоиться об этом.

— Я все же беспокоюсь, — деловито сказал он. — Я уже сделал выбор — ваше беспокойство — мое беспокойство, госпожа Президент. И я хочу, чтобы вы знали, что пока все еще думают о репутации партии и прессе, как бы лучше спасти свою шкуру, я думаю о вас.

На другом конце линии воцарилась тишина, Камаль стал переживать, что сказал слишком много, выразил слишком далеко идущие планы, хотя, судя по всему, она еще не была готова.

— Я даже не могу вам выразить словами, как сильно меня порадовали ваши слова, господин посол. Думаю, что... — она прочистила горло. — Думаю, вы один из очень немногих людей, который понимает, насколько сильно я хочу изменить кое-что в своем будущем.

— Я понимаю, — нежно утешил он ее.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Затем он услышал, как к ней подошла глава секретариата и объявила о ее следующей встрече, и через несколько секунд телефон в руке Камала замолчал. Он положил его на стол и поклялся сам себе, что сделает все от него зависящее, чтобы Джессика Хэмптон стала счастливой. Потому что он не мог вспомнить ни одного человека, который бы заслуживал счастья больше, чем она.

— Дамы и господа, — сказал пресс-секретарь, наклонившись к микрофону. — Президент будет здесь через несколько минут, но сначала я проведу с вами брифинг. Пожалуйста, помните, что президент абсолютно не заинтересована в вопросах, связанных с сенатором Мелвиллом, а также предстоящих президентских выборах.

Конференц-зал главного этажа Белого дома был заполнен известными журналистами, наряду с кучкой политических блоггеров и консервативными журналистами печатных СМИ. Камеры были наготове, микрофоны торчали в руках, все подались вперед, решительно стараясь не пропустить ни единого слова, падающего из уст диктора.

Джессика стояла в дверном проеме, окруженная охранниками, в соседней комнате. Стилист Белого дома суетился с ее волосами и пудрил нос, рядом стояла Фиона тихо говоря:

— Я понимаю, что они хотят создать впечатление о достижении прогресса, но факт состоит в том, что они не узнают ничего нового, или, по крайней мере, ничего, чем бы хотели поделиться с читателями. Не дать им никакой информации — это как посыпать ягненка на заклятие. Твой рейтинг опустится, как полет ястреба за кроликом.

— Тебе стоит остановиться и не использовать метафоры западного Техаса, — ответила Джессика, поправляя губную помаду, потом проведя руками по черной юбке, которую она надела с изумрудной шелковой блузкой и черным кардиганом. — И ты должна перестать беспокоиться о моем рейтинге. Я больше не участвую в выборах, поэтому это неважно.

Фионы сжала губы в твердую линию.

— За исключением того, что совершил Мелвилл, теперь его песенка спета, следовательно, у партии нет замены, это означает, что они в любой день обратятся к тебе.

— Я не собираюсь их слушать, — настаивала Джессика. — Они могут умолять до посинения... и это не каламбур... я не передумаю. Это мой последний срок. Мой единственный и последний срок на этом посту.

— А если Хэмптоны попросят тебя баллотироваться еще раз? — тихо поинтересовалась Фиона.

Джессика вздохнула. Как дело доходило до ее свекрови, она была не в состоянии принять твердое решение. Видно срабатывал фактор, который всегда заставлял ее приносить жертву, к которой она не была готова, делала то, что не хотела. Но она любила их, и что еще более важно, они очень любили Джона и, находясь рядом с ними, она чувствовала себя немного ближе к нему после того, как он умер.

Но теперь, когда ей осталось всего лишь пятнадцать месяцев, она понимала, что если она хочет быть свободной, ей придется противостоять не только своей партии, но и свекрови. И каким-то, наверное, шестым чувством, она понимала, что если сейчас дрогнет и сдастся, то никогда уже не освободится. Еще один срок еще дальше отодвинет ее нормальную жизнь, которую, вряд ли, потом она сможет вернуть.

— Они готовы, мэ, — сказал агент, стоящий перед ней, повернувшись и коснувшись пальцем наушника.

Она глубоко вздохнула и вошла в комнату, все мужчины и женщины, находящиеся в конференц-зале встали, ее пресс-секретарь произнес:

— Дамы и господа, Президент Соединенных Штатов Америки.

Она подошла к трибуне и минуту регулировала из прозрачного стекла телесуфлер,

чтобы оно было перед ее глазами.

— Спасибо. — Она посмотрела на Маркуса Амброуза из WNN с мрачной улыбкой, надеясь, что он поймет насколько кандидат в президенты его брата испортил ее планы.

— Думаю, что мистер Рид довольно подробно объяснил вам по поводу нашего расследования, но я рада ответить на любые ваши вопросы, которые у вас имеются.

Послышались выкрики: «Госпожа Президент», камеры ожили, комната взорвалась безумно оголодавшей прессой, жаждущей получить больше информации.

— Да, Маркус? — произнесла Джессика, указывая на красивого молодого человека, который быстро становился новым любимцем политической прессы, благодаря, в немалой степени, посредничеству его брата Дерека.

— Спасибо, госпожа Президент. Правдивы ли слухи, что найденные пули каким-то образом связаны с особым типом огнестрельного оружия, используемого русскими киллерами мафии?

Джессика шесть лет тренировалась выслушивать такие вопросы, а не вздрагивать всякий раз, показывая, что она готова взорваться от тревоги и давления. Но ее сердце стучало, как угорелое, и она почувствовала выступивший пот сзади на шею.

Она прекрасно знала, лучшее, что можно сделать в подобной общественной или политической ситуации — дать как можно меньше информации. Сотрудники, отвечающие за средства массовой информации, Джона обучили ее в те первые дни, когда она училась работе сенатора, спотыкаясь каждый день в тумане горя и шока. Она любила беседовать с людьми — прессой, другими сенаторами, избирателями — как будто они были обычными людьми, которые повстречались в супермаркете или фитнес-клубе.

— Ты не должна говорить, что Джон не любил хот-доги, — сказал ей его главный помощник, когда она остановилась в коридорах офиса Сената.

— Почему? — спросила она.

— Потому что, если эту историю кто-то повторит, сказав, не пройдет и сорока восьми часов и на нас обрушится ассоциация производителей свинины, нам придется защищать память Джона.

Это был сигнал к пробуждению и первая реальная путеводная нить, Джессика поняла, что она не может быть самой собой, если собирается сохранить память Джона.

— У меня нет никаких доказательств, что пуля каким-то образом связана с Россией, — ответила она Маркусу, указывая тут же на следующего репортера.

— Вы боитесь за свою безопасность, госпожа Президент? — спросил тот.

— Нисколько. — Она улыбнулась. — Я имею самую лучшую защиту в мире, в виде моей охраны все двадцать четыре часа в сутки. Мужчины и женщины спецслужб Соединенных Штатов исключительны в своей работе.

Она указала на брюнетку в красной куртке в глубине комнаты.

— Тогда как убийце удалось выстрелить в вас? Разве спецслужб не было с вами рядом?

— Как уже сказал мой секретарь, мы думаем, что киллер попал на территорию с санкционированной группой, после чего спрятался за прудом на детской площадке. Вода маскирует любой запах, который способна учуять собака, сопровождающая патруль по периметру всего Белого дома.

— Госпожа Президент. — Известный репортер британских телевизионных новостей поднялся и произнес, перехитрив всех, не позволив президенту выбрать очередного спикера. — Члены иностранной пресс-службы обеспокоены тем, что США подвергается

нападению со стороны какого-то лица, который находится внутри Белого дома. Как данную версию трактует департамент внутренней безопасности?

Джессика задержала вздох, готовый испариться с ее губ.

— Я уже сказала, что пока мы не поймали тех, кто устроил покушение, я верю и доверяю всему своему штату, который работает со мной в Белом доме и в моем кабинете. Тот, кто стрелял в меня исхитрился и если, честно, то ему повезло, но он не инсайдер.

Журналисты снова взорвались, закричав, не слыша друг друга, ее пресс-секретарь направился к трибуне, демонстративно наклонившись к уху Джессики.

— Хочу напомнить, что все уже собрались на трехчасовое заседание, мэм, — сказал он, Джессика хорошо знала, что у нее нет никакого трехчасового заседания.

— Я отвечу еще на три вопроса, и на этом закончим, — сказал пресс-секретарь. — Президент должна присутствовать на назначенной встрече в данный момент.

Джессика тотчас же выскользнула из конференц-зала и направилась к своему кабинету, сопровождаемая агентами секретной службы и секретарем, которая зачитывала ее расписание на ближайшее время.

— Больше у меня ничего не будет до восьми вечера? — спросила Джессика, быстро двигаясь по коридору.

— Да, мэм, но у нас чепэ.

— Продолжай, — скомандовала Джессика, предполагая, что это может быть пожар на кухне Белого дома или запуск ядерной ракеты, направленной в их сторону.

— Стреляли в сенатора Мелвилла.

Джессика остановилась, замерла на месте, прежде чем повернуться и внимательно посмотреть на своего секретаря. — Он...?

— Его доставили к Уолтеру Риду, на данный момент у нас нет никакой информации о состоянии его здоровья, но агенты секретной службы уже поставили охрану к нему и его семье.

— Хорошо. — Джессика резко вздохнула. — Я хочу ежечасно получать пресс-релиз о его состоянии здоровья. Скажите Ванессе, чтобы она позвонила Анжеле Мелвилл. Эта бедная женщина столько пережила за неделю, больше, чем за всю жизнь. Я хочу выразить ей свою поддержку, причем как можно скорее.

— Да, мэм. И еще кое-что.

— Что?

— Прибыл посол, и он желает с вами встретиться.

— Посол? Какой посол? — спросила нехотя Джессика, входя в Овальный кабинет и снимая по дороге свой черный кардиган.

— Этот посол, — ответил Камаль, своим бархатистым голосом, с британским акцентом, стоя у камина, соединив руки за спиной, и смотря на картину Джорджа Вашингтона, висевшую над каминной полкой.

— О! — вскрикнула Джессика. — Господин посол. Вы меня напугали. — Она прижала руку к груди, с трудом сдерживая свое дыхание, встретившись с его темными и опасными глазами, когда его взгляд ощупывал все ее тело.

— Посол Египта, — робко добавила ее секретарь.

— Да, я вижу, — резко ответила Джессика, пытаясь взять себя в руки и поубавить жар ее щек, подходя к столу и начиная перекладывать бумажки.

— Вам что-нибудь еще нужно, мэм?

Джессика подняла разгневанный взгляд на молодую женщину.

— Возможно, стоит предупредить в следующий раз. И, пожалуйста, попросите...

— ...печенье, да, мэм?

Джессика вздохнула, пытаясь снять напряжение, вызванное пресс-конференцией и сообщением о покушении на Мелвила, а также связанное с неожиданным визитом Камала.

— Простите, мэм. Мне не стоит вмешиваться, но... — произнес он, подходя к ее столу.

— Думаю, вы были правы. Моим сотрудникам стоит кое-чему научиться. Безусловно, оставлять иностранного посла в Овальном кабинете — не самый лучший момент, по крайней мере, для меня.

— Джессика? — голос Камала звучал мягко.

Она подняла на него глаза.

— Вы согласны со мной?

— Агенты вашей службы безопасности были здесь и дверь была открыта. — Он жестом указал на двери, которые только что закрыла его личный помощник, когда выходила.

Джессика кивнула.

— Простите. Это был длинный день.

— Да, согласен, могу предположить, что вам только что сообщили о Мелвилле?

— Да. Это ужасно. Независимо от того, какой бардак он создал для меня, я не хотела бы, чтобы все так закончилось.

— Конечно, нет, я только что прибыл из больницы, поэтому могу вас уверить, что его прооперировали, его семья и спецслужбы находятся там. По крайней мере, его и их усиленно охраняют.

— Ну, слава Богу. Как вы узнали об этом?

— Я был рядом с Дерекком, когда ему сообщили.

Она кивнула.

— У вас имеется время поговорить? — спросил он, указывая на ее диванчик.

Она, наконец-то вспомнила, что стоит дышать, поскольку ее адреналин возрос за последний час, уступая место чему-то более гораздо теплomu и нежному. Она не могла понять, но внутри ее окутало чем-то теплым и отказывалось отпустить.

— Конечно.

Вместо того, чтобы занять свое обычное место через журнальный столик, напротив нее, Камаль сел на двухместный диванчик рядом с ней, скрестив элегантно свои прекрасные сильные ноги. Джессика повернулась к нему, нервно сложив руки на колени.

— Что я могу сделать для вас, господин посол?

В глазах Камала плескалась нежность, и Джессика почувствовала, как потянулась к нему, словно магнит к металлу.

— Не могли бы вы называть меня Камалем с сегодняшнего дня? — спросил он.

В дверь постучали и прежде чем она ответила, вошел официант с чаем и печеньем. Когда он сервировал маленький кофейный столик, и они остались одни, Камаль продолжил:

— Ты выглядишь усталой. — Он положил третье печенье на тарелку, которую она держала в руке.

— Думаешь третье печенье поможет мне?

Он пожал плечами.

— Тебе всегда становится лучше после сладкого.

Она ничего не могла поделать со своим сильным желанием, ощущая его близость. Это

желание вызывало в ней воспоминания о том, что значит иметь рядом человека, который любит тебя и заботится о тебе.

Она откусила печенье, он усмехнулся, как только услышал ее восторженный стон.

— Ты прав, — сказала она, с набитым ртом шоколадом и пеканом. — Мне уже лучше.

— Хорошо. Потому что я пришел с не лучшими новостями.

Джессика напряглась, зная по своему опыту, что его слова не предвещали ничего хорошего.

— Я обещал вам, что моя служба безопасности будет расследовать покушение, и я это сделал. Я не сообщил все раньше, поскольку мне необходимо было время, чтобы осмыслить полученную информацию.

— Хорошо...

— Госпожа Президент. *Джессика*. — Он с нежностью взглянул на нее, и она ухватилась за край дивана, останавливая себя, чтобы не прильнуть к нему. Она жаждала почувствовать, что почувствовала тогда, в тот день, когда он поцеловал ее, его горячее тело, прижимающееся к ней, его накаченные мышцы, обхватывающие ее, его дразнящее дыхание.

— Мы предполагаем, что человек, пытавшийся застрелить вас той ночью, является членом русской мафии...

— Братвы, — закончила она за него.

— Ты уже знаешь?!

— По тем пулям, которые были найдены, смогли определить, что ими часто пользуются киллеры братвы. Мы не видим в этом мотива. До конца не понятно, как братва может быть связана с одной из группировок джихада, которых мы подозреваем, в совершении этого террористического акта.

— В данном случае, речь не идет о терроризме или джихаде, — предупредил Камаль. — По крайней мере, не напрямую.

— Объясни, пожалуйста.

Он подвинулся, проведя рукой по своим волосам, и она была поражена, насколько сильно этот мужчина интересовал ее. Насколько он тщательно все анализировал, выдавал вдумчивые комментарии, и то, как он, готов был указать на ее ошибки по поводу ее подчиненных, несмотря на то, что все время оставался с ней вежлив и почтителен.

— Мы обнаружили, что братва планирует переправлять на Ближний Восток огромные партии наркотиков. Но, делают они это вполне законно.

Глаза Джессики расширились.

— В действующем торговом законодательстве есть кое-какие лазейки. Ваши помощники могут более подробно все объяснить, но суть заключается в том, что как только мировое соглашение вступит в силу эти лазейки, а, следовательно, и планы братвы, приносящие огромный доход, будут уничтожены.

Джессики показалось, пока она переваривала его информацию, даже приглушенный свет от ламп стал более ярким.

— Оооо. — Только и смогла произнести она.

— Да, — выдохнул Камаль.

— Похоже они решили, что если меня ликвидировать, то мировое соглашение не будет ратифицировано?

— Госпожа Президент, боюсь говорить об этом, но, возможно, их попытка была нацелена на кого-то из нас двоих, хотя, конечно, убийство президента оттянуло бы на долго

приданию юридической силы этому соглашению. Убийство же меня задержало бы его, но не настолько, нового бы посла прислали в течение следующего месяца.

Насколько странно это не звучало, но Джессика совершенно не чувствовала испуга, что на ее жизнь кто-то покушался. Как президент, и особенно первая женщина-президент, она всегда понимала, что некоторые группировки, а также некоторые личности предпочли бы увидеть ее скорее мертвой, чем в Белом доме. Положа руку на сердце, она скорее была удивлена, что за столько времени была совершена всего лишь одна попытка покушения, считайте, за два с половиной года, пока она возглавляла этот пост. Возможность была всегда, и она привыкла к этому давным-давно.

Однако мысль, что кто-то может попытаться убить Камалю, вызывала страх. Она ненавидела саму мысль, что пуля могла пройти через его крепкое, сильное тело, пока она сидела рядом с ним той жаркой ночью в саду Белого дома. Точно так же, как сегодня кто-то выстрелил в молодого, красивого сенатора Мелвила. Представив кровь Камалю на своих руках, она тут же почувствовала дрожь по всему телу.

— Госпожа Президент? Вы в порядке?

Она моргнула, глядя на него, видя его перед собой целым и невредимым. И вдруг ей стало все равно, кто стрелял в нее и почему, ей стало наплевать на братву и террористов, и на свою должность — президента Штатов. Единственное, что имело для нее значение — она провела шесть долгих лет, пытаясь жить жизнью Джона, и ей надоело это до смерти. Она устала страдать и мучиться ради человека, которого уже давно не было в живых, и который даже не оценит ее жертву. Президент Джессика Хэмптон устала, ей было одиноко, и сейчас она сидела перед добрым, хорошим мужчиной, к которому ее очень сильно влекло, и ей хотелось глотнуть своей жизни... пожить для себя.

— Камаль? — тихо позвала она, глядя на мужчину, испытывая в нем сильную потребность, несущуюся по ее венам, словно она вколола себе неразбавленный экстази.

— Да, — ответил он, будто зная, что она скажет.

— Я хотела бы пригласить вас на ужин сегодня вечером. В резиденцию. — Она задержала дыхание, надеясь, что он поймет, о чем она говорит.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Вы уверены?

— Да. — Ее голос не дрогнул. — Уверена.

— Могу я спросить, почему?

— Потому что мы еще живы, — просто ответила она.

Улыбка осветила его лицо, появились ямочки в пятичасовой щетине, смягчив его мужские черты и заставив заблестеть его темные глаза.

— Я даже не могу себе представить любое другое место, где я бы предпочел быть сегодня вечером, нежели с вами.

Она встала и протянула ему руку. Он наклонился и оставил нежный поцелуй на внутренней стороне запястья, и тело Джессики тут же превратилось в желе, прозрачное и податливое.

— Итак поздний ужин. Я пришлю инструкции для вашего водителя и скажу одному из моих охранников встретить вас у дверей, — тихо произнесла она, надеясь, что он прочтает в ее глазах то, что ему стоит узнать.

— Конечно. Всю договоренность я оставлю на ваше усмотрение.

С этими словами посол Египта покинул Овальный кабинет, а президент Соединенных

Штатов отправилась на встречу с министром образования, в течение которой она все время задавалась вопросом — действительно, ли она готова избавиться от шести лет одиночества за одну знойную ночь.

Камаль ненавидел признаваться даже самому себе, что он нервничал. У него был большой опыт с женщинами. Если не учитывать женщин на одну ночь просто для удовольствия, он также встречался с дочерьми египетской элиты и даже пытался выстроить серьезные отношения. Во время учебы в институте, он флиртовал с американками, зная, что его отец никогда не позволит ему даже задумать о женитьбе на американке, но он, на самом деле, предпочитал именно таких женщин. Но он никогда не желал женщину, которая была настолько значимой и занимала такой пост, как Джессика Хэмптон.

Она была не просто самым могущественным президентом. По правде говоря, он скорее смаковал саму идею, заполучить всю эту власть к себе в постель. Образ, как он положит президента США на спину и заставит выкрикивать свое имя, несказанно заводил его еще больше. Но Джессика была не просто сильной, она была умной, красивой, интересной и изысканной. И она была цельной, самодостаточной, и своей политической карьерой она доказала, что ей не нужен мужчина. Камаль не знал, что с этим делать. Он точно знал, что за всю свою жизнь еще ни разу не встречался с женщиной, которая совсем не нуждалась в мужчине рядом с собой. Что, если она решит после сегодняшнего вечера, что он ей больше будет не нужен?

— Как долго вы там будете, господин посол? — спросил его водитель, как только они подъехали к частной парковке Белого дома.

— Не могу сказать, — ответил Камаль. Надеюсь, долго. — Не стесняйся, посмотри какой-нибудь фильм или вздремни. Я бы отправил тебя домой, но, когда придет время уйти, я хотел бы быстро уехать отсюда.

— Да, сэр. Без проблем. Прошу вас, дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится.

Камаль вышел из машины, его тут же встретил агент из личной охраны президента, с аккуратно постриженными темно-русскими волосами и пистолетом в кобуре у бедра.

— Господин посол? — произнес агент. — Президент попросила меня сопроводить вас наверх.

Они вошли через боковую дверь, а не через ту, которая обычно предназначалась для официальных посетителей. Оказавшись внутри, они прошли через небольшую комнату к лестнице, которой, скорее всего, пользовался обслуживающий персонал, не к той, грандиозной лестнице, которой обычно пользовались гости в резиденции Белого дома.

Поднявшись на площадку, агент указал Камалю на небольшую гостиную с креслом и боковым столом.

— Президент будет с минуту на минуту, сэр. — Агент кинул на Камалю жесткий взгляд. — И я буду поблизости, если вам что-нибудь понадобится. — Сообщение было довольно-таки ясным — этот человек охранял своего президента, Камаль уважал его службу.

— Спасибо, — ответил он. Агент отошел в противоположный угол комнаты, а Камаль опустился в кресло и стал ждать.

Но только он успел сесть, как появилась сама президент, и он без сомнения понял одну вещь — нервничал он или нет, но с другой женщиной на такое он бы не пошел. Ни с одной. Только с ней. Она была той женщиной, о которой он мог только мечтать, и он больше всего хотел ей доказать, что он может воплотить любую ее мечту.

— Привет, — пробормотала она.

— Джессика. — Камаль поднес ее руку к своим губам, как он сделал в ее кабинете, на этот раз оставив сладкий поцелуй на ладони, на мгновение задержав ее у своей щеки. Он упивался ощущением ее мягкой, прохладной кожи.

— Ты голоден? — поинтересовалась она.

— Умираю от голода. — И он понимал, что в его глазах она увидела его истинный голод. Вежливый и терпеливый Камаль готов был вылететь в окно, а ему на замену пришел другой, готовый сожрать всю эту женщину, если она предоставила бы ему хотя бы половину шанса.

Джессика привела его в отдельную столовую с окнами вдоль одной стены. Стол уже был накрыт на двоих, блюда сверху прикрыты крышками, чтобы сохранить еду горячей.

— Я хотела приготовить тебе ужин, — сокрушенно произнесла она.

Камаль поднял одну бровь.

— Ты готовишь?

— Я люблю готовить. По крайней мере, любила. Прежде..., — она махнула рукой. — Пока не появилось всего этого. Но у меня весь день были встречи, а затем нужно было записать радио-шоу к юбилею станции национального радио, поэтому я была вынуждена попросить нашу кухню что-нибудь приготовить.

Он предложил ей стул, а затем сел сам.

— Меня это мало заботит, приготовлена ли еда первоклассным шеф-поваром или же легионом работников фаст-фуда. Я рад находится здесь с тобой.

Они принялись за еду, но разговор шел напряженно, и Джессика чувствовала себя все менее и менее комфортно.

Он отодвинул тарелку и заметил, что она почти ничего не ела, Камалю пришлось задать вопрос, которого он боялся больше всего:

— Ты передумала?

— Прости?

— Насчет этого вечера. Ты передумала? Я могу уйти, если тебе неудобно со мной здесь находится.

— Нет! — Ее голос поднялся на октаву. — Нет, совсем нет. Пожалуйста, не уходи.

Камалю достаточно было получить ее ответ, и он решил, что время для раздумий и самоанализа закончилось. Он долго ждал, он был терпелив, но он знал, что ей нужно. Он знал, что под ее долгом, обязанностями и всем, что не было сказано, скрывалась яркая, красивая женщина, пытающаяся вырваться на свободу. Она напоминала ему раненную птицу, дрейфующую по течению, она одна находилась в этом потрясающем, но совершенно другом мире, нежели реальный который она для себя планировала, и в течение всех этих лет она одна барахталась среди проблем, пытаясь найти свой путь назад к той, кем была когда-то. Но он находился здесь рядом с ней и собирался ей помочь. Показав ей, что она не погибла, а просто похоронила себя в обязательствах и рутине, показать, что она может вырваться на свободу и изменить все.

Он в один шаг подскочил к ней и поднял ее со стула.

— Ох! — Вздохнула она, когда он прижал ее в свои объятия. Но он проглотил ее звук своими губами, его обжигающая потребность, словно ошпарила их двоих. Он обхватил ее руками за талию, притягивая ближе к себе, дотронувшись до ее кожи.

Ее губы тут же открылись ему на встречу, заставив его кровь закипеть и предоставив ему более глубокой доступ к ее сладости, какой была вся Джессика Хэмптон. Его губы

поглаживали и ласкали, грабили, язык дотрагивался до шелковистой мягкой кожи. Он стал покрывать поцелуями ее подбородок и шею, слыша ее небольшие вздохи, и застонал, обхватив ее за задницу, приподнимая.

Она обхватила его своими длинными в дизайнерских джинсах ногами за талию, продолжая целовать его. Он подошел к дверям столовой, оторвавшись от ее рта, спросил:

— В какую сторону?

Она указала, и он поцеловал ее снова, пройдя через огромный зал и еще пару широких двойных дверей. Внутри спальня была тускло освещена, огромная кровать стояла у дальней стены, французские двери были справа, а ванная комната слева.

Он посадил ее на кровать, отстранившись, чтобы оглядеться по сторонам.

— Я не думал, что могу оказаться в спальне президента, — задумчиво произнес он.

— Думаю, и я не думала, — ответила она, улыбаясь.

— Я никогда раньше не целовался с президентом, — пробормотал он, пробежав губами по ее тонкой шеи.

— Надеюсь... что не... — ахнула она в ответ, извиваясь под его натиском.

Он продолжал свою атаку, скользя рукой по блузке, которая была на ней, его грубые руки поглаживали атласную кожу ее живота, потом он добрался до дорогого шелка и французского кружева. И обнял ее сочные груди, все в нем просто плакало от желания. Ее мягкая грудь заполнила его ладони, она застонала, как только он стал мять ее соски между пальцами.

Он зарылся лицом в ее шею, покусывая, потом вылизывая, успокаивая, а его руки продолжали мять и массировать ее грудь, пока она не стала извиваться. Ее бедра прижимались к его эрекции, она урывками дышала, тихо мурлыча, пока он возбуждал ее с головы до ног.

Он отодвинулся и внимательно посмотрел ей в глаза. Ее щеки пылали, губы приоткрылись от возбуждения.

— Ты такая красивая, — прошептал он, поглаживая ее пышные волосы рукой. Затем он потянулся и разорвал крошечные пуговицы на блузке, от чего ее горячую кожу обдало прохладным воздухом и его взору предстали ее удивительные груди, которые он тут же накрыл своими ладонями.

— О! — закричала она. — Я думаю, эта блузка войдет в историю.

— Я куплю тебе новые, — прорычал он, поглаживая ей спину, пока она не упала на кровать. Но он не стал раздевать ее. Он поднялся и стал снимать пиджак, затем расстегнул манжеты на рубашке, специально медленно.

— Снимай все, — приказал он.

Она моргнула, глядя на него, и опустила порванную блузку на пол.

Он стал расстегивать пуговицы на рубашке, ни на секунду, не отводя от нее взгляда.

— Все, — снова приказал он, его голос звучал хрипло от желания.

Его рубашка упала на пол, она стала расстегивать свои джинсы. Она сняла туфли, потом спустила джинсы, перешагнув через них. Медленно он стал расстегивать ремень на поясе брюк, она стояла перед ним фактически голой, только в бюстгальтере и трусиках из белого шелка, отделанные черным кружевом.

Теперь ее щеки были ярко-розовыми, волосы спутались от его пальцев. Она практически светилась в приглушенном освещении комнаты. Он смотрел на нее и задавался вопросом, догадывается ли она, что ей необходимо в данную минуту. Но это не имело

значения, он мог ей гарантировать, что она получит все, что захочет. Он понятия не имел, чем может закончиться эта ночь, но он был убежден в одном, что, когда он покинет ее кровать, президент Соединенных Штатов будет свободна, по крайней мере, от части своего бремени.

Он осторожно положил ремень на кровать, затем спустил брюки, которые заскользили на пол вместе с его боксерками.

— Сейчас, наступило для тебя время делать то, что тебе говорят, госпожа президент.

Джессика стояла почти голой, не в состоянии отвести взгляд от самого удивительного образца мужчины, которого она никогда не видела. Он был высокий и широкий в плечах, его загорелая кожа напоминала натянутый шелк на мощной груди и прессе. Его бицепсы бугрились мышцами, как только он делал движение рукой. Ее взгляд спустился на его грудь, покрытую темными волосами, вниз к мягкой дорожке волос, ведущей к эрекции, способной испугать даже порнозвезд. Член был длинным, толстым и стоял как мачта, указывая на север и выглядел так, словно мог удовлетворить целый легион женщин.

Боже, кто же мог предположить, что за этими сшитыми на заказ костюмчиками скрывалось такое? Сердце Джессики два раза ухнуло, и у нее даже возникла секундная паника. Его темный взгляд обещал нечто непристойное и опасное, она не была уверена, была ли она, на самом деле, готова к этому.

— Джессика. — Он поднял пальцем ее подбородок, чтобы она посмотрела ему в глаза. — Ты меня слышишь? Сними все.

Она судорожно сглотнула, потом кивнула, и трясущимися руками сняла бюстгальтер и трусики, наконец, представ перед ним полностью обнаженной без защиты и барьеров.

Он с благоговением смотрел на нее, дотронувшись до ее плеч.

— Ты поразительно прекрасна. — Он наклонился и нежно поцеловал ее в плечо. — Тебе нужно поклоняться. — Его губы прошли по ключице. — Тебе должны доставлять удовольствие, — прошептал он ей на ухо.

Она застонала и откинула голову назад, дыхание сбилось. Его рука обвилась вокруг ее горла, и он прошептал:

— Ложись на кровать, руки на изголовье.

Глаза Джессики открылись, и ее сердце ушло в пятки, возвращая ее в сознание. На самом деле, если ей что-то не понравится, то всего лишь ей нужно будет громко закричать, и в мгновение ока здесь будет полно агентов из службы безопасности с оружием наготове, но вовлекать свою личную охрану, когда она будет голой с иностранным послом, не казалось ее хорошей идеей. Но, с другой стороны, никогда в спальне у нее не было босса. С Джоном они больше играли, так как были лучшими друзьями по жизни, конечно, которые любили заниматься сексом, но... Она не знала, как ей отреагировать на требования Камалья.

Он смотрел на нее, наблюдая и выжидая, что она будет делать. А она раздумывала, ее сердце мчалось вскачь, она испытывала странное сочетание страха и возбуждения, если быть с собой честной.

— Ты мне доверяешь? — наконец спросил он.

Она как раз думала об этом.

— Не знаю, доверяю ли я полностью кому-нибудь. Это не часть моего мира. — Потом она качнула головой, придя к решению. — Но ты никогда не давал мне повода не доверять тебе. Ты даже спас мне жизнь. Полагаю, если бы я кому-то стала доверять, то это был бы ты. Но это... трудно.

Он провел руками по ее бедрам, потом обнял ее за талию. Его руки были теплыми и успокаивали ее, поэтому ее беспокойство немного отступило.

— Ты управляешь целым народом, Джессика, — сказал он. — Тебе поручено принимать решения за всех нас. Ты несешь на своих плечах всю тяжесть мира. — Он усмехнулся. — На таких красивых плечах вся тяжесть мира.

Она не могла не улыбнуться ему в ответ. Он снова заставлял ее почувствовать себя молодой. Он был очаровательным, галантным и ему было трудно сопротивляться.

— Позволь мне взять эту ношу на себя, — прошептал он, поднимая руки с талии к ее груди, мягко поглаживая пальцами. — Все, что тебе нужно сделать, это расслабиться и наслаждаться. Обещаю, это будет стоить твоего затраченного времени.

И он поцеловал ее, его язык поглаживал, и он глотал ее стоны, она почувствовала пульсацию у себя между ног, покалывание в груди, потребность и желание, которое она испытывала к этому мужчине уже в течение нескольких недель.

— На кровать. Руки на изголовье, — прошептал он опять, и Джессика подчинилась, легла на спину и вытянула руки над головой.

Он, возвышаясь над ней, двигался по ее телу, целуя и облизывая, касаясь тех местечек, до которых за последние годы не дотронулся ни один мужчины, только она сама. Это оказалось намного больше, чем она могла выдержать, и когда он достиг ее лица, она дрожала всем телом от эмоций и ощущений, что даже не смогла открыть глаза. Она только почувствовала, как он что-то завязывает на планке большого дубового изголовья кровати, а затем поняла, что гладкая, прохладная полоска, обернутая вокруг ее запястий, была его кожаным ремнем. Он крепко закрепил ее запястья, но ей не было больно, она оказалась в ловушке. Под сильным мужчиной, который мог раздавить ее одной своей рукой.

— Можешь на меня посмотреть? — нежно попросил он.

Она открыла глаза, и то что увидела там, это ее испугало. Его глаза светились адским желанием, потребностью и, как ни странно, нежностью. Его пятиминутная щетина придавала выражению его лица, от которого она была готова скатиться с кровати, а упавший на глаза локон был мягким и блестящим. Ей хотелось протянуть руку и коснуться его.

— Я никогда не причиню тебе боль, Джессика, — сказал он. — Я не сделаю ничего, чего ты не захочешь. Доверься мне, и я сниму с тебя эту ношу. Поверь мне, я буду только поклоняться тебе так, как ты того заслуживаешь. Доверься мне, и я дам тебе все, что пожелаешь.

Единственное, на что она была способна, это просто кивнуть, несмотря на то, что она была напугана, она очень сильно хотела его, и она хотела получить все то, что он обещал, ей это было просто необходимо, наверное, больше чем что-либо в ее жизни.

Он опустил голову и накрыл своими полными губами ее набухший сосок, всасывая его в рот, кружа языком. Руки его постоянно скользили по ней, поглаживая, сжимая ее бедра, массируя грудь, но их движения были такими умиротворенными и спокойными, словно они хотели найти свое идеальное место на ее теле и остановиться. Джессика выгнула спину, застонав от экстаза, подталкивая свою грудь поглубже в его рот, послышался рокот, донесшийся откуда из глубин его горла, который прямоком вызвал вспышку боли у нее между ног.

Когда он начал двигаться вниз, оставляя короткие поцелуи на ее теле, к ее ногам, она не вытерпела и воскликнула:

— О! Боже, пожалуйста, Камаль.

Он посмотрел на нее, приложив палец к ее губам.

— Тише, дорогая. Мы же не хотим, чтобы твоя охрана прервала нас. Ты должна быть более терпеливой. Ты получишь все, что хочешь.

Она изгибалась и елозила под ним, тихо постанывая и мурлыча, прикусывая губу, чтобы не закричать так, как ей хотелось.

Когда он, наконец, остановился у ее бедер, разведя своими широкими плечами ее ноги, она открыла глаза и посмотрела вниз, он смотрел на нее, его глаза стали настолько темными и наполненными желанием, что она даже не могла вздохнуть. И когда его пальцы раскрыли ее складки, и он наклонил голову и деликатно коснулся кончиком языка ее клитора, она почувствовала слезы, выступившие на глазах. А потом он был везде, губы, язык, пальцы. Двигаясь, поглаживая, всасывая, чуть-чуть надавливая. Джессика была настолько потрясена, что готова была от удовольствия выпрыгнуть из кожи, но ее останавливали связанные запястья, и она чувствовала, как полоски ремня впиваются в ее нежную кожу. Именно это удерживало ее, помогая навести некоторый порядок в хаосе ощущений, которые накатывали один за другим.

— Такая вкусная, — прошептал Камаль, посасывая ее складки, пока его пальцы скользили внутри в определенном ритме.

— О-о, — вздохнула она. — Я уже близко...

Он щелкнул по клитору языком, массируя магическую точку внутри нее, она выгнулась, все ее тело напряглось, и она попала на гребень волны экстаза, а потом стала кончать жестко и долго. Камаль продолжал ее лизать и массировать пальцами до последнего момента, наконец, он накрыл ее своим телом, запустив пальцы в ее густые волосы, обхватив голову и заглянув в ее голубые глаза.

— Боже, — прошептала она.

— Нет, здесь только мы, — ответил он, ухмыляясь.

Она улыбнулась ему, чувствуя зарождающееся очередное желание, как только его жесткий член прижался к ее лобковой кости. Она поелозила под ним своими бедрами, и он застонал, на мгновение прикрыв глаза.

— Я хочу прикоснуться к тебе, — прошептала она. — Пожалуйста.

Он молча протянул руку и расстегнул ремень, который удерживал ее руки у изголовья. Устроившись между ее раскрытых бедер, он возвышался над ней на руках, согнутых в локтях, и наблюдал, выжидая, что она будет делать. Она двигалась под ним, наслаждаясь ощущением его горячей, гладкой кожи.

— Твои костюмы не оправдывают тебя, — проговорила она, проводя по мышцам его спины и рук. — Ты должен красоваться на билборде, рекламируя нижнее мужское белье.

Он дотронулся до кончика ее носа.

— Я рад, что ты одобряешь. Это стоит тех ударов, которые мне приходится отражать, чтобы выглядеть таким образом, раз тебе нравится.

Она отодвинулась и приподняла одну бровь.

— Ударов?

— Ммм. Я занимаюсь боксом в Spar. Это отличный тренажерный зал, куда приходят политики и дипломаты. Дерек Эмброуз — мой постоянный напарник.

— Ты дружишь с ним, не так ли?

— Да. Но я определенно не хочу говорить о нем, находясь в постели с красивой женщиной. — Он усмехнулся.

— О чем ты хочешь поговорить? — Кокетливо спросила она, пройдясь руками по его телу и остановившись на его кубиках пресса.

— Поговорить о... чееерт, — выругался он, обхватив рукой свою огромную эрекцию и немного сжав.

— Что это значит? — поддразнила она его, начиная двигать рукой вверх-вниз по его члену, испытывая настоящую гордость, когда его бедра качнулись ей навстречу.

— Хватит болтать, — выдохнул он, глубоко и долго целуя ее. Когда он, наконец, отстранился, Джессика уже кипела от желания, положив одну ногу ему на спину, оставляя горячие поцелуи у него на ключицы, а затем аккуратно взяла мочку с его серьгой в рот и стала сосать.

Она двигалась под ним, скользя по его члену своими мокрыми складками, чем вызывала у него дрожь и стоны. Когда она направила его головку в свое отверстие, его глаза открылись.

— Разве ты не хочешь, чтобы я надел презерватив? — спросил он.

Она мгновение смотрела на него, обдумывая его слова и решая должна ли сказать ему правду или нет. Ее сердце сжалось, а потом и живот.

— Я не была ни с кем с тех пор, как мой муж..., — призналась она, решив, что частично может сообщить ему правду. — И я защищена контрацепцией.

Он посмотрел на нее так, как будто пытался разгадать то, что она ему не договаривала. Наконец, он кивнул, нежно целуя ее в уголок рта.

— Мои связи всегда были с презервативом, — ответил он. — Я бы никогда не подверг тебя риску.

— Ты сказал, что я могу доверять тебе.

— Да. Я очень хочу, чтобы ты доверяла мне.

— Тогда, трахните меня, господин посол. Пожалуйста.

Камаль выполнил свой долг, двинувшись вперед, захваченный ее объятиями.

Шесть лет был чертовски долгий срок обходиться без секса, и Джессика решила, что идея убежденной «девственницы» не совсем прелестная и фантастическая. Так долго не занимаясь сексом, сейчас она чувствовала себя не совсем комфортно. Она задержала дыхание на мгновение, стиснув зубы, желая, чтобы ее тело расслабилось и получало удовольствие, она уже знала, что будет потрясающе приятно... в конце концов.

Камаль нежно поцеловал ее в щеки, в подбородок, в веки.

— Тише, дорогая. Расслабься. Позволь мне доставить тебе удовольствие, чтобы ты почувствовала себя снова хорошо.

Но она должна была отдать должное этому мужчине, который совершенно неподвижно возвышался над ней, давая ей возможность успокоиться и привыкнуть к ощущениям, которые появились от него внутри нее. И какие это были ощущения! Покалывание, жжение и боль. И толчки. При очередном своем толчке, он сказал, что ей нужно двигать бедрами ему навстречу, чтобы он мог глубже в нее войти, двигаться как на волне.

— Вот так, — прошептал он, начиная опять двигаться, постепенно входя все глубже. Каждый раз двигаясь ему навстречу, она отчаянно стараясь приблизиться, чтобы взять его еще больше. — Боже мой, так хорошо находится в тебе, — простонал он.

— Еще, Камаль. Еще.

С трудом сохраняя свой контроль, он совершал жесткие толчки, выходя и снова погружаясь раз за разом, снова и снова, его огромное сильное тело нависало над ней, и от

концентрации он хмурил брови.

Она цеплялась за его плечи, обернув свои длинные ноги вокруг его бедер. Она запрокинула голову, и стоны вырывались из самой глубины ее души.

Он ускорил свой темп, и она почувствовала свое собственное освобождение, которое уже было так близко, но еще вне досягаемости.

— Потрогай себя, — прорычал он, опуская голову и прикусив ее кожу на сгибе шеи.

Она просунула руку и потерла клитор. Раз, два, а потом она раскололась, ее оглушил слепящий свет, все засверкало и засияло, как миллионы крошечных алмазов. Кровь гулко стучала в ушах, звезды плясали у нее перед глазами, Камаль кончил, выкрикнув ее имя, потом рухнул на нее, с трудом дыша и даже фыркая, его шелковистые волосы щекотали ей щеку.

Он тут же перекатился на спину, потянув ее за собой, уложив ее голову к себе на грудь, она слышала стук его сильного сердца, бьющегося в одном с ней ритме. И что-то внутри нее встало на свое место. Что-то, что так долго не находило своего места, вдруг нашло свою нишу, и вот так весь мир Джессики изменился.

Камаль пропускал волосы Джессики сквозь пальцы, наслаждаясь ее нежным телом, лежащем на нем, ее шелковистой кожей и совершенной, мягкой грудью, распластавшейся на его груди. Его член уже был полу-жесткий, потому что ее бедра прижимались к нему, и его взгляд был настолько ярким, словно кто-то осветил его светом звезд.

— Ты в порядке? — с нежностью спросил он.

— Ммм.

Он усмехнулся, прежде чем перевернуть ее и взглянуть ей в глаза.

— Это самый лучший деловой день, который у меня когда-либо был.

Она засмеялась.

— Да? Тебе не повезло на первом свидании? У вас довольно милые производящие неизгладимое впечатление действия, господин посол.

— Джессика, — серьезно произнес он, хотя он понял, что рискует испугать ее, возможно слишком рано и слишком открыто. — Я никогда не был так счастлив, как сейчас. Первое свидание, десятое свидание, ничто, по сравнению с этим. Сейчас я действительно самый счастливый человек на планете.

Она замерла, ее глаза выискивали что-то у него на лице, он точно не мог сказать, что именно.

— Из-за меня? — спросила она тоненьким голосом.

— Да, из-за тебя... из-за Джессики, — утвердительно ответил он. — А не из-за того, что ты президент.

Она резко выдохнула и прикусила губу, чтобы остановить дрожь. Потом прочистила горло и ответила:

— Прошло очень много времени с тех пор, как кто-то еще, кроме Фионы, стал заботиться о Джессике.

Он погладил ее волосы, и у него в сердце расцвела нежность, которую он никогда не испытывал раньше.

— Я же говорил тебе, я здесь ради Джессики. У президента более чем достаточно людей, готовых присмотреть за ней. Позволь мне позаботиться о Джессике.

Она едва уловимо ему кивнула, и ее красивые голубые глаза засветились.

— Я хочу увидеть тебя снова, — произнес он, и глядя на ее реакцию, он почувствовал

ком в горле, поэтому пару раз кхекнул.

— Да, — сказала она без колебаний. — Но это будет непросто. Мы не можем никому ничего рассказать. Ты же не будешь никому рассказывать?

— Конечно, нет. — Он поцеловал ее в губы. — Я не хочу подвергать тебя риску.

— Агент, который тебя встретил, единственный в курсе. Охранникам у ворот просто дается список номеров автомобилей, которые следует пропустить. Они не знают деталей. Но чтобы попасть в здание, нам всегда придется придерживаться этой схемы, как сегодня.

Он сел, проводя рукой по своим взъерошенным волосам.

— Я понимаю, — добавила она. — Что тебе, наверное, не совсем понравится, когда с тобой обращаются как с грязным маленьким секретом. Если я могла бы придумать способ сделать это как-то по-другому, не навлекая на себя гнева половины страны...

— Все нормально.

И он именно это и имел в виду. Единственное, что он ненавидел, что она должна была скрываться, контролировать свою жизнь многими вещами и людьми, которые в действительности мало заботились о ней, за исключением того, что она связана с ними клятвой президента. Америка любила образ Джессики Хэмптон, а не настоящую женщину, и это заставляло его сердиться на них. Он повернулся и взял ее лицо в ладони.

— Конечно, нельзя встречаться с кем-то публично, особенно с иностранным послом. Я не против. Если бы я был против, то не пришел бы сюда сегодня вечером.

— Если ты уверен...

— Я однозначно уверен. — Он улыбнулся, очарованный ее беспокойством.

— Хорошо, тогда. — Она покраснела, и его сердце опять перевернулось. Он находился в большой беде, и он знал это, но ему было наплевать. Она заставила его душу летать, а прошло очень много времени с тех пор, когда он чувствовал такую легкость во всем теле, что мог взлететь.

— Это значит, — сказал он, обхватив ее попку руками и сжав, заставив ее восхищенно захихикать. — Думаю, нам понадобится немного больше времени, Джессика, прежде чем мне придется уйти в эту холодную ночь.

И посол медленно и сладко стал любить президента, пока Америка спала, уверенная, что их любимая дочь была заперта в своем замке, защищенном от иностранного вторжения.

Камаль занимался сексом. Скорее возмутительно флиртовал, перекидываясь двусмысленными смсками, абсолютно восхитительными, точно такими же, как и женщина, с которой он недавно занимался сексом.

Леди Либерти: Я включила вас в список на пресс-ужин в Белом доме завтра вечером. Я сообщила Ванессе, что это необходимо, чтобы у СМИ сложилось хорошее впечатление с вас, чтобы они положительно освещали соглашение.

Тутанхамон: Да, (так она назвала его в своем списке контактов, думая, что это было ужасно забавно). Я исключительно положительно «освещу» твоё соглашение.

Леди Либерти: Сэр, я полагаю, вы пытаетесь неприлично пошутить.

Тутанхамон: О, это будут те вещи, которые я буду шептать вам на ухо завтра ночью, мадам. Начиная, когда я буду сосать ваши более привлекательные части, и заканчивая тем, когда я буду вылизывать ваши более влажные части.

Леди Свобода: Я знаю, что здесь есть краснеющий смайлик, но не знаю, как его найти. Мои племянницы всегда показывают мне его.

Тутанхамон: Я обожаю, заставляя тебя краснеть, миледи.

Леди Либерти: Ну, ты можешь делать это столько раз, сколько захочешь после завтрашнего ужина.

Камаль улыбнулся, глядя в телефон.

— Ты чего такой веселый? — спросил Тиг, заходя в кабинет, как будто он был его собственным.

Камаль положил телефон лицом вниз на свой рабочий стол и принял соответствующее строгое выражение лица.

— Что бы там ни было, погаси улыбку на своем лице, ты вошел в мой кабинет без предупреждения моего секретаря. Ты опять принес ей конфеты, не так ли?

— Возможно, — ответил Тиг, садясь в одно из кожаных кресел, стоящих перед столом Камалья.

— Это говорит о том, что я совсем не имею власти над своими сотрудниками. — Притворно возмущаясь произнес Камаль.

— Нет, скорее это говорит о том влиянии, которое я оказываю на дам. — И Тиг ему подмигнул, широко усмехаясь.

Камаль откинулся в кресле и покрутил пальцами ручку.

— Что привело тебя сюда?

— У меня все готово. Единственное, что мне необходимо — твой ход, чтобы нажать на кнопку.

— Объясни мне, как все это устроено.

Тиг наклонился вперед, рисуя пальцем на столе из вишневого дерева Камалья, начиная объяснять:

— Я создал оффшорные счета — один для инвестиций, один для сбережений и один для каждодневных расходов. Поскольку у тебя дипломатический иммунитет мне особо не нужно беспокоиться о требованиях к гражданству, поэтому я могу открыть счета в соответствии с законодательными требованиями принимающей страны. Швейцарские налоги тебе не понравятся, но, по крайней мере, твои деньги будут не под эгидой Египта.

— И как это происходит в данный момент?

— Сейчас мы реализуем трехэтапный план. Первый шаг заключается в том, чтобы все, что находится в твоём целевом фонде, перевели, это твои деньги, они никак не связаны с отцом, это понятно. Следующим шагом — перемещение денег из совместных счетов, которые у тебя имеются с отцом. Поскольку ты являешься несовершеннолетним, нам не нужно получать его согласие на изъятие этих денег со счетов, но ему поступит уведомление, что ты изымаешь деньги. Я очень надеюсь, что он не обратит на это уведомление внимания, по крайней мере, в течение нескольких дней, когда их там уже не будет, и тут мы переходим к третьему шагу, который включает в себя твои инвестиции.

— Поскольку ты сказал, что в течение нескольких лет самолично делал инвестиции, и со стороны отца у тебя имеется юридическое разрешение, если ты заберешь полученные проценты, которые честно заработал, это будет означать, что ты забрал лишь то, что сам и заработал за эти годы. Если вдруг начнутся расследования по поводу финансовых делах твоего отца, в принципе эти счета могут быть изучены, но долю прибыли, которую ты получил, как обычный, назначенный им менеджер, по крайней мере, будет выглядеть чистой, если не совсем прозрачной.

Камаль кивнул, впервые с тех пор, как начал эту дискуссию с Тигом, он готово был осуществить полное безумие — полностью отделиться от отца.

— Старик придет в ярость, — задумчиво пробормотал он.

— Мне кажется, что ты поступаешь правильно... разумно... если мои слова тебя утешат, — добавил Тиг.

— Тогда почему мы так нервничаем, что ему станет известно о переводе денег?

— Потому что на перевод денег требуется три дня. Инвестиционные компании не так быстро переводят деньги, как банки. Поэтому, даже если мы сделаем транзакцию в тот же день, что и банковские переводы, их перевод займет больше времени, и если банк усомнится в передаче инвестиций, то, он сможет приостановить перевод еще до того, как он будет завершен.

— Разве мы не можем сначала перевести мои инвестиции, почему...?

— Если банки усомнятся в твоих переводах инвестиций, до того, как они попадут в банк, он имеет право остановить транзакцию и заморозить все твои счета.

Камаль кивнул, раздумывая о том, что впервые за всю свою жизнь, ему, возможно, если что-то пойдет ни так, придется задуматься о том, как оплачивать многие вещи и счета, а вернее, задуматься о том, сможет ли он себе их позволить или нет. Деньги, которые Тиг собирался перевести на его отдельные счета, были солидными, их вполне хватило бы ему для обеспечения соответствующего уровня жизни, но это была лишь небольшая часть того, что имел его отец и что всегда было под рукой у Камала. Его отец никогда не ограничивал его расходы, ограничения отца исключительно касались его поведения, профессии, дружбы и его будущего.

— Итак, подведем итог — нам стоит проделать все, как ты и сказал, и как можно быстрее, да?

— Одним словом, да.

— Хорошо, — ответил Камаль, глубоко вздохнув. — Тогда сделай это.

Тиг кивнул, вытащил свой телефон из кармана и набрал номер.

— Это я, — произнес он. — Начинать делать переводы. — Пару минут он слушал, а затем сказал: — Спасибо, — и отключился, убрав телефон в нагрудный карман.

— Трастовый фонд уже переводится. Мой человек завтра займется банковскими счетами и переориентирует их до завершения банковского дня, и завтра в шесть часов утра по восточному времени мы ударим по инвестициям, когда откроются серверы для совершения сделок.

— Спасибо, — сказал Камаль, внутри немного напрягшись.

Тиг мгновение внимательно смотрел на него.

— Что он сделает... твой отец? Ты так и не сказал... если узнает.

Камаль отклонился назад в кресле, посмотрев в потолок, на секунду закрыв глаза, прежде чем перевести взгляд на своего друга.

— Он откажется от меня, — спокойно сказал он. — Вычеркнет меня из завещания и никому из моей семьи не позволит видеться со мной, а также общаться.

— Господи, — выдохнул Тиг. — А твоя сестра? Твой брат Амир?

— Они продолжают со мной общаться, но тайно.

— Мне жаль.

— Как и мне, но, если честно, уже давно пора было это сделать. Возможно, он справится с этой ситуацией, хотя я сомневаюсь.

Тиг поднялся и направился к бару в углу кабинета, наполнив себе стакан содовой. Он также плеснул немного виски и вернулся к Камалю, молча вручив ему, не говоря ни слова.

— Если бы твоя мать была еще жива, что бы тогда было?

Камаль сделал большой глоток.

— Мой отец — египтянин. Он глава семьи, но все равно все было бы по-другому. Моя мать сделала бы все, чтобы она и мои сестры посещали меня два раза в год и общались со мной хотя бы раз в месяц, как и обычно, и моему бы отцу пришлось закрыть на это глаза, несмотря на то, что он, наверное, попытался бы заставить мою мать, соблюдать его наказ.

Тиг покачал головой.

— Я помню, когда твоя мать и сестры приезжали к тебе. Я никогда не видел такого урагана, который устраивали женщины Масри, восточные женщины высшего света, приезжая на шопинг два раза в год. — Он усмехнулся, вспоминая, и Камаль почувствовал, как у него сжимается сердце.

— Амир теперь станет наследником? Испытывая давление, с которым ты прожил все эти годы?

Камаль задумался о своем младшем брате, в данный момент главным финансовым инспекторе отцовских компаний.

— Он станет первым сыном, но не думаю, что это будет то же самое. Его специально учили управлять бизнесом. Мой отец был благословлен двумя сыновьями, и из-за этого он смог перевести свой взгляд с бизнеса, на политику. Но он мог обучить только одного сына ведению бизнеса, чтобы потом передать свои компания, сохранив их в семейных руках. Я был его ключом к мировому господству.

Тиг засмеялся, и Камаль вдруг осознал, что внутри у него появилось определенное чувство свободы, которое становилось все больше, как только он понял, что ему не нужно будет продолжать свою нынешнюю карьеру, если он не хочет. И ему не придется задумываться над тем, как в ближайшие десять лет стать президентом Египта, и не стоит рассматривать дочерей египетской элиты, на которых его отец хотел, чтобы он женился. И он вдруг вспомнил, что именно такое чувство, его посетило, когда он занимался любовью с Джессикой... когда его душа стала настолько яркой, когда он даже, как будто услышал звук

падающих окон с его рук и ног. И впервые за очень долгое время Камаль Масри задумался о будущем, которое теперь было широко для него открыто.

— Что-то с тобой произошло? — спросила Фиона, выскребая ложкой по стенкам баночки с йогуртом, вытянувшись на одном из диванов в Овальном кабинете.

— Ты же понимаешь, что ешь этот йогурт на антикварном шелковом небольшом диванчике, купленным еще во время администрации Рузвельта, так ведь? — поинтересовалась Джессика из-за своего рабочего стола, за которым подписывала новые законопроекты, переданные ей из Сената.

Фиона медленно облизала ложку, подмигнув Джессике.

— Учитывая, кто занимал эту должность до тебя, полагаю, мой йогурт является наименьшим из грехов, которые были совершены на этом диванчике.

Джессика тут же представила себя и Камалья на этом самом диванчике, с юбкой, задранной на бедрах, с ногами, обернутыми вокруг его узких бедер, когда он входил в нее, с его расстегнутой рубашкой, с его горячей кожей под своими ладонями. Да, если бы она была авантюристкой, этот диванчик увидел бы настоящий грех.

— Джесс? — Фиона смотрела на нее со странным выражением на лице. — Теперь ты куда-то уплыла. Так что, повторяю, что с тобой происходит?

Джессика покачала головой, чтобы очистить ее от страсти, которая, казалось, поселилась за последние несколько недель в ней навеки, как только она и Камаль стали встречаться.

— Как обычно. Слишком много документов для подписания, слишком много собраний для участия, слишком много требований ко мне в каждую минуту.

Фиона отрицательно покачала головой.

— Нет. Это не то. Я знаю Джессику, которая находится в стрессовой ситуации. Это, — она махнула ложкой, делая круг в воздухе, — не та Джессика. Ты почти как... — Она остановилась, прищурившись, внимательно наблюдая за Джессикой, словно та была для нее экспонатом для изучения. — Ты сейчас такая, как и тогда, когда начала встречаться с Джоном.

Джессика перестала дышать, замерла, даже рука, державшая ручку на несколько миллиметров над документом, на ее лице отразился шок.

— О. Мой. Бог! — закричала Фиона.

— Тсс! — прошептала Джессика. — Сюда сейчас же ворвется моя охрана.

— Ты сделала это! — шепотом прокричала Фиона, вскакивая с диванчика и стремительно усаживаясь в одно из кресел напротив стола Джессики. — Ты переспала с послом! Когда? Как? Как он в постели? Расскажи мне все.

Джессика боролась с желанием биться головой о стол, вместо этого она решила отложить ручку, отодвинув в сторону документы, и попыталась своим пристальным взглядом привести в замешательство свою лучшую подругу еще со времен университета. И за все двадцать лет дружбы Джессика никогда не могла смутить Фиону своим взглядом, поэтому было глупо даже пытаться.

— Ты никогда не вгонишь меня в краску, — предупредила Фиона, приподнимая бровь на президента.

— Хорошо, — усмехнулась Джессика. — Хорошо, возможно... — Она взглянула на двери во внутренние кабинеты, и ее голос упал почти до шепота. — Возможно, я переспала с послом.

Фиона прикрыла рот рукой и завизжала.

— Ты, наконец, сделала это? Как ты могла такое скрыть от меня? Как долго это продолжается?

Джессика вздохнула. Они договорились никому не рассказывать, но это была Фиона. Фиона, которая лучше отдаст свое место в Сенате, нежели предаст Джессику. Фиона, которая все это время оставалась рядом с Джессикой, после смерти Джона, никогда не отказывалась от Джессики, никогда не позволяла ей оставаться одной в своей печали, никогда не теряла терпения, когда Джессика работала и забывала и особенно, когда не работала и начинала вспоминать. Если бы во всем мире был человек, который заслуживал, чтобы ему рассказали о романе Джессики с Камалем, то, это однозначно была Фиона.

— Около трех недель назад. И мне очень жаль, но мы оба поклялись никому не говорить. Мы встречаемся раз или два в неделю. И он...

Коварная улыбка появилась на лице Фионы.

— Только взглянув на тебя, я могу сказать — он делает тебя счастливой.

У Джессики тут же покраснели щеки.

— Он знает. — Она вздохнула. — Он удивительный, Фи. Он такой внимательный и заботливый, но в других случаях, он... ну, ты понимаешь...

Фиона засмеялась.

— Вообще-то, не совсем понимаю, расскажи мне. — Она подалась всем телом вперед, поставив один локоть на стол и опустив подбородок на руку, ее глаза стали огромными от предвкушения.

— Он очаровательно властный, — прошептала Джессика. — Фи, клянусь, я никогда не думала, что такое возможно. Джон был замечательным, но Камаль... он *большой* мужчина. *Очень большой*.

Глаза Фиона еще больше загорелись, и она захихикала, прикрыв рот рукой.

— Как тебе удалось, госпожа Президент, найти себе настоящего тигра, а? — И тут же она стала серьезной, почти так же быстро, как и смешливой. — Я рада за тебя, Джесс. Ты заслужила это. Внимание, радость, счастье — все, что он может тебе дать, ты заслуживаешь это.

— Спасибо, — тихо ответила Джессика. — Мне не всегда легко приспособиться к нему, но я стараюсь, и я так счастлива, когда нахожусь с ним.

— Ты соблюдаешь осторожность? Как ты незаметно укладываешь его в постель? Боже мой, это звучит настолько неприлично.

Джессика тихо рассмеялась.

— Только Питер знает о наших отношениях. Он начинал еще с Джоном, когда мы только начали встречаться и когда Джон был в Сенате. Он был настолько предан Джону и мне все эти годы, что я безоговорочно доверяю ему.

— Хорошо. — Фиона взглянула на сотовый телефон Джессики на рабочем столе. — Ох, черт побери, комитет Вооруженных Сил начнется через десять минут. Мне нужно идти.

Она встала, Джессика тоже поднялась, ее сердце было переполнено любовью к женщине, которая все эти годы была настолько непоколебимой в отношении нее, поэтому она обошла стол и обняла свою подругу.

— Спасибо.

— Господи, за что? — спросила Фиона, похлопывая Джессику по спине.

— За то, что всегда была рядом со мной, за то, что всегда поддерживала меня

независимо от того, что я хотела сделать и каким образом я это делала.

Фиона схватила Джессику за руку.

— Двадцать лет назад я поселилась в общежитии в Стэнфорде, и встретила женщину, которая была мне как сестра, которой у меня никогда не было. Ты останешься со мной, пока один из нас не умрет?

Джессика моментально кивнула, понимая, что слезы президента, особенно в полдень, не стояли на повестке дня.

— Тогда, — произнесла Фиона, выбрасывая в мусорное ведро, стоявшее рядом со столом, пустую баночку от йогурта. — Я с нетерпением жду встречи с посланцем на приеме в ближайшие выходные. У меня к нему несколько вопросов.

— Каких? — спросила Джессика, выходя за дверь.

— О его властности, про которую ты упомянула. Возможно, я смогу у него кое-что выяснить и использовать на Денни, когда мы поедем в Аспен на Рождество.

Джессика закатила глаза и засмеялась, и со своей подругой вышла из кабинета. День всегда был более радостным, когда приходила Фиона. На самом деле, даже мир становился ярче от желания Джессики, что она способна сделать что-то исключительно для себя... пройтись по магазинам или просто посмотреть кино. Конечно, в данный момент она не могла себе этого позволить, но она утешала себя мыслью, что ей осталось всего пятнадцать месяцев, когда она сможет все это делать настолько часто, насколько будет желать, с тем, с кем захочет. И она задавалась вопросом, не будет ли Камаль «тем», кто присоединится к ней, проводя с ней теперь свободное время и столько всего делая, когда она больше не будет жить в Белом доме? И она ловила себя на мысли, что хотела бы, чтобы он был именно тем.

Камаль не разговаривал с Дерекком. И не собирался этого делать. Если быть абсолютно честным, он вообще сомневался, что в ближайшее время с ним заговорит. Дерек послал к черту всю свою карьеру и ставку, которую она сделали на Мелвила в качестве президента, Камаль очень переживал по данному поводу, злился, поэтому не собирался встречаться со своим лучшим другом, а тем более разговаривать с ним.

За пятнадцать лет, пока они вместе трудились, чтобы подняться по лестнице успеха в политике и правительстве, такое было впервые. Камаль финансировал консультационный бизнес Дерекка, когда он только его открыл, а некоторые клиенты Дерекка, обладающие определенным влиянием в правительственных кругах, лоббировали назначение Камалья послом, создавая определенное впечатление перед египетским парламентом, что Камаль якобы уже имел влиятельные американские связи, способные поддержать интересы Египта в США.

Но сейчас Камаль потерял все свое самообладание, о чем, не преминул заявить Дерекку, перестав с ним разговаривать. Из-за этого он избегал посещений апартаментов «Клуба силовых игроков», как адскую чуму. Но сегодня ему пришлось рискнуть, потому что требовалась помощь Джеффа. Или, точнее, опыт полковника Джефферсона Тибадеукса.

— Итак, нам известно, что братва предприняла попытку покушения, мы знаем почему, и мы подозреваем, что твой отец и президент Аббас, образно выражаясь, кувыркаются с братвой в одной постели. Что-нибудь еще?

Камаль лег на бильярдный стол, готовясь к своему следующему удару, стукнув кием в центр шара, плавно отправил его к шестерке, которая свернула к самому краю лузы и покачавшись, остановилась.

— Мать твою, — выругался он. — Что-то мне последнее время не везет. Откуда братва узнала, что мы рассматриваем конкретное торговое положение, которое сможет каким-то образом воспрепятствовать их деятельности? Само соглашение ни для кого не секрет, области, связанные с политикой государств тоже, но как из информации, которая просачивается в СМИ, они смогли сделать вывод, что мы определенными официальными положениями перекроем им путь?

— Может они догадались? — предположил Джефф, направив прямым три шара в угол лузы.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. Тогда давай сделаем предположения.

— О'кей. Кто-то из моего персонала. Кто-то из администрации президента.

— Откуда они смогли это узнать? Вы обсуждаете части этого соглашения с конкретными сотрудниками?

— Нет, — сказал Камаль, раздумывая, поставив кий на стол. — Я отдаю свои заметки секретарю, чтобы она смогла их напечатать и сохранить в компьютере.

Он ударил кием в восьмерку, которая быстро выстрелила в шар с шестеркой, отправив оба шара в лузу.

Джефф хихикнул, Камаль с отчаянием бросил кий на стол.

— Полагаю, ты не хочешь получить реванш? — спросил Джефф, приподняв одну бровь.

Камаль закатал глаза и подошел к дивану, махнув рукой на кий.

Джефф стал гонять шары в одиночку, продолжая разговор, его короткие волосы и военная форма были в идеальном порядке, пока он передвигался вокруг бильярдного стола, сгибаясь под разными углами.

— Как ты думаешь, президент также относится к своим заметкам?

— Наверное, да, — ответил Камаль. — Мы должны иметь, по крайней мере, дубликаты копий всего, так как у нас нет стенографисток на наших встречах, только наши личные записи — единственные записи, поэтому я предполагаю, что мы оба заинтересованы получить их в печатном виде, как можно быстрее.

— Может ли кто-то, кроме вас, иметь еще доступ к вашим напечатанным заметкам? Может хакер?

И вдруг у него что-то промелькнуло перед глазами, он вспомнил. Камаль подался вперед, сидя на диване, каждая мышца в его теле вдруг напряглась, ему стало все ясно. Как только Джефф произнес два слова «файлы» и «заметки».

— Угрозы взрыва, — ахнул он.

— Что? — Джефф перестал играть и подошел к Камалю.

— Угрозы взрыва, которые мы постоянно получали...

— Да, помню.

— Каждый раз, когда возникала такая угроза, я возвращался к себе в кабинет, мне приходилось все убирать назад в ящики, а также книги на полки.

— Черт, — прорычал Джефф, понимая, куда он клонит.

— Когда была последняя угроза взрыва, я стал закрывать ящик своего стола, и одна папка лежала неправильно, поэтому я не мог его закрыть. Она выбивалась из общей стопки.

— Дай угадаю — это была папка, содержащая твои заметки по соглашению?

Камаль кивнул, испытывая ужасный гнев и раздражение.

— Сукин сын! — Он ударил кулаком по столу перед собой. — Наряды службы безопасности, прочесывающие все помещения посольства при угрозе взрыва, состояли исключительно из египтян. И я даже догадываюсь, кто смог заполучить инсайдера в этой команде.

— Твой отец? — прошептал Джефф, сочувственно поглядывая на Камалю. — Ты сообщишь об этом президенту?

Камаль тяжело вздохнул.

— Не знаю. Если бы дело касалось только моего отца, я сказал бы сразу же. Он заслужил это, но дело касается и Аббаса тоже. Если я выдам о нем информацию американцам, то стану предателем своей страны. Я бы не хотел оказаться в египетской тюрьме. — В голове Камалю стучало, горло сжалось, он не мог больше произнести ни слова. Он полностью отдавал себе отчет, что разделение финансов с отцом, вернее вывести деньги из Египта, стало для него самой наименьшей проблемой.

Джефф наблюдал за ним, терпеливо ожидая, когда он разберется в своих мыслях. Сердце Камалю болело, на груди вот уже несколько недель лежала словно многотонная плита. В то время, когда он решил разорвать связь с отцом, он совершенно не собирался рвать связи с Египтом.

Его отношения с родиной были сложными, хотя раньше он этого не понимал. Он прожил в тени Египта всю свою жизнь. Для него Египет был везде, даже когда он был через океан, он был в зеркале, когда сам Камаль видел свое отражение, был в еде, которую делали в столовой посольства, был в общении с сотрудниками, когда они общались на родном языке

друг с другом. Египет был в его ДНК, и в каждой доле ответственности и опыта, который он отдавал и получал в течение жизни.

Но в то же время он провел очень мало времени в самом Египте. Фактически, в общей сложности не больше месяца, за последние десять лет. Два года в египетской армии были разделены между командованием в Египте и другим — за пределами страны. Да, Египет был в его крови, но он не был в его жизни. Не на регулярной основе. В возрасте тридцати четырех лет, он обнаружил, что Египет был скорее для него чужой страной, особенно в последний раз, когда он его посещал. Он вернулся туда, как возвращается пожилой родственник домой, который большую часть своей жизни провел в другой стране, но при этом всегда помня, что у него есть родной дом. Он не чувствовал себя в Египте, как дома.

— Что мне делать? — спросил он Джеффа, впервые в жизни, не видя выхода из тупика.

— По поводу этого? Может я предоставлю информацию председателю Объединенного комитета начальников штабов?

— Это разобьет меня в пух и прах, так как он доложит обо всем президенту, — пробормотал он.

— Тогда нам стоит выяснить, как добыть хоть какие-то доказательства, если мы не можем использовать тебя в качестве нашего источника.

— Боже мой, какой бардак! — Он прошелся пальцами по волосам. — Можешь подумать над тем, как это осуществить?

— Конечно. Могу я встретиться с твоим начальником службы безопасности? Я не хочу использовать своих людей. Это поставит их в очень неловкое положение, это же не официальное задание. Я не против рискнуть своей карьерой, но я не хочу рисковать своими людьми.

— Конечно, — быстро ответил Камаль, вставая и протянув руку Джеффу для рукопожатия. — Я скажу Тарику, чтобы он немедленно связался с тобой, и ты скажешь ему все, что тебе необходимо получить. Пожалуйста, не влезай в это сам. Не марай руки, Тарик найдет то, что нужно, и тогда ты сможешь сказать генералу, что у тебя есть источник в египетском посольстве. Я прослежу, чтобы расследование, проведенное с нашей стороны по инсайдеру, оставалось в секрете.

Джефф резко кивнул.

— Хорошо. Тем временем, вам нужно быть очень осторожными по поводу любой информации, касающейся соглашения. Положи ее в сейф, поставь свой личный код, поставь пароль на файлы в компьютере, чего бы это ни стоило. Возможно, у них уже есть то, что они хотели получить, но в случае, если это не так, по крайней мере, ты не дашь им других данных.

Камаль взял свой пиджак и направился к двери.

— И еще кое-что, — сказал Джефф.

Камаль обернулся у двери. Джефф прислонился к бару, засунув руки в передние карманы своих военных слаксов.

— Когда ты проводишь время с президентом, оберегай ее. Они, несомненно, захотят убрать одного из вас, а может даже двоих.

Камаль с трудом сглотнул, его подбородок напрягся, он был не уверен, говорил ли ему Джефф именно то, о чем подумал Камаль.

— Питер Эндрюс ведь из ее команды личной охраны?

Сердце Камала ухнуло, но он молча кивнул.

— Мы вместе служили в Афганистане. Мы очень давние друзья.

— Бл*дь, — прошипел Камаль.

Джефф откашлялся.

— Ты же заботишься о ней? — спросил Джефф, с суровым выражением лица, хотя слова его звучали мягче.

Камаль прочистил горло, в комнате чувствовалось напряжение, словно разгорался огонь из-за подачи кислорода.

— Очень, — признался он.

Джефф с облегчением выдохнул.

— Ничем хорошим это не закончится.

— Я надеюсь, что это еще не конец, — произнес Камаль.

Джефф покачал головой, и Камаль спросил:

— А кто еще знает, кроме Питера?

— Никто. Я между прочим как-то упомянул тебя, и он спросил, насколько хорошо я тебя знаю. Я сказал, что мы близкие друзья уже несколько лет, и тогда он ввел меня в курс дела. Он очень хороший человек. Он никогда не предаст президента, но он беспокоится, поэтому и попросил поговорить с тобой.

— Значит, ты меня предупреждаешь?

— Я говорю тебе, поскольку переживаю о тебе и своем президенте, я говорю, что не вижу положительного конца в этой истории.

Камаль кивнул в подтверждение, сжав челюсти.

— Спасибо за предупреждение. Я попрошу Тарика связаться с тобой сегодня же.

Джефф тоже кивнул в ответ, понимая, что тема о Камале и президенте закрыта.

Но когда Камаль добрался до лифта и прислонился к стене в пустой металлической коробке, спускавшейся вниз к гаражу, он подумал, что Джефф и Питер были правы — ничем хорошим история президента США и египетского посла не закончится.

Джон Хэмптон-старший прослужил четыре срока в сенате Соединенных Штатов — один в качестве губернатора Южной Каролины и два в Палате представителей штата. Перед ним, его отец был губернатором Южной Каролины. В своей партии он был политическим деятелем преклонного возраста, его уважали, а также патриархом одной из старейших и состоятельных семей Юга. И хотя недавно ему сделали операцию по онкологии простаты, он выглядел почти так же внушительно, как и в тот день, когда Джессика впервые с ним познакомилась, приехав вместе со своим бойфрендом из юридического института к нему домой на День Благодарения.

— Мадам Президент, — произнес сенатор в возрасте, взяв руку Джессики и наклонившись, чтобы поцеловать ее.

— Перестань к ней подлизываться, Джон, — сказала Марджори, подходя к ним.

— Я не подлизываюсь. Она моя дочь, черт возьми. Я могу использовать ее титул, если захочу, — зарычал Джон-старший на свою суетливую жену.

— Вам двоим пора остановится, — заступилась Джессика за своего свекра, улыбаясь. — Хотите чай? Кофе? Сэндвичи?

— Нет, спасибо, дорогая, — ответила Марджори, бросив предупреждающий взгляд на мужа.

Он заворчал, покачав головой:

— Она не разрешает мне есть ничего, кроме еды хиппи. У вас в Белом доме случайно не

подают еду хиппи?

— Мы обслуживаем разные вкусы, что вы хотите, сенатор? — спросила Джессика, специально назвав его «сенатор», потому что ему нравилось, когда его так называли.

— Он может выпить чаю со льдом. Но без сахара. Ему нельзя сладкий чай.

Джон-старший прищурился, но согласился.

Джессика позвонила и заказала закуски, потом они все расположились в гостиной резиденции. Прибывшие родственники со стороны мужа остановились в одном из гостевых номеров резиденции, не в официальных комнатах для гостей в другой части Белого дома.

— Скажите мне, как вы себя чувствуете, сенатор?

— Я в порядке. Но я не хочу говорить о своем здоровье. Меня уже до смерти тошнит от этой темы, достаточно Марджори, которая говорит на эту тему за нас двоих.

Джессика бросила сочувствующий взгляд на свою свекровь, которая поджала губы и приподняла бровь в ответ. Джессика не завидовала этой женщине. Сенатор всегда был немного резким, хотя это не относилось к Джессики, но, видно, его болезнь сделала его еще более непростым.

— Я хочу услышать о предвыборной гонке следующего года.

Джессика с трудом сглотнула и глубоко вздохнула. Она чувствовала, что этот вопрос должен был всплыть, но почему-то она не почувствовала облегчения, когда он сейчас встал на повестке дня. Как только Джон-старший позвонил тем утром и объявил, что он и Марджори приедут и останутся на выходные, она поняла зачем, но в данный момент она все же немного впала в ступор, столкнувшись лоб в лоб по этой конкретной теме. Она тут же захотела, чтобы рядом с ней оказался Камаль. Его спокойный нрав и разумные разговоры значительно бы облегчили ей эту ситуацию. Конечно, если учесть, что родители Джона рассматривали бы его, как ее, Джессики, измену их сыну, хорошо бы тоже было мало.

— Что именно вы хотите услышать? — спросила она, стараясь не проводить вспотевшими руками по коленях.

— Когда ты собираешься сообщить о своем решении баллотироваться на второй срок и провозгласить менеджера своей президентской кампании, — произнес Джон, опускаясь в свое кресло и выжидательно посматривая на нее. — Я бы очень хотел, чтобы твоим менеджером стал Дерек Эмброуз, но в сложившейся ситуации об этом не может быть и речи.

Она переместила взгляд на Марджори, которая с волнением на лице, ожидала ее ответа.

— Ну, вы, наверное, помните наш разговор этим летом. Я больше не собираюсь баллотироваться.

Джон-старший усмехнулся, а Марджори тихо икнула.

— Это вполне могло прокатить, когда выдвигался Мелвилл, Джесс, но сейчас, когда он сошел с дистанции, у нашей партии нет больше стоящей кандидатуры.

Она тут же назвала им нескольких представителей конгресса, одного губернатора или двух.

— Нет, — тут же резко выдохнул Джон-старший. — Ты же понимаешь, что никто из них не способен выиграть президентскую гонку. Ты же не думаешь, что наша партия откажется от самого высокого поста в государстве, имея обожаемого представителя народом, сидящем на месте президента и точно имеющим право на другой срок.

Джессика вздохнула. Да, она сама могла перечислить все качества, если уж на то пошло, которые точно соответствовали президенту. Но для нее это не имело значения. Ей было тридцать семь, и она не хотела управлять страной. Она хотела иметь хороший таунхаус где-

нибудь с цветником и не видеть никаких телохранителей. Она хотела продолжить преподавать юриспруденцию в университете. Она хотела ходить по магазинам вместе с Фионой, ужинать с Камалем, и, возможно, если для это было не слишком поздно, даже растить ребенка. Она решила для себя и была в этом полностью уверена, что если кто-то и сможет претендовать на усыновление, как единственный родитель, то точно будет она, и эта идея была настолько очаровательной, что она не могла перестать думать об этом в течение нескольких последних дней.

— Прости, Джон, — произнесла она, пытаясь с решимостью произнести свои слова насколько была в силах. — Я с удовольствием схожу на вечеринку, когда выберут нового президента, и я буду рада его поддержать и агитировать за него, но я не хочу выставлять свою кандидатуру на второй срок. Я хочу, чтобы ты это понял.

— Понял что? — прогремел Джон-старший. — Понял, что ты попала на самый престижный пост... черт побери, да, самую престижную позицию в мире... люди на протяжении всей истории готовы были проливать кровь, пот и слезы, банкротить известные семьи, класть свою жизнь, чтобы занять это..., — он сделал паузу, его выцветшие голубые глаза заволокло тучами.

— Сенатор, — перебила его Джессика, прежде чем он начал бы речь о смерти Джона, которая всегда заканчивалась рыданиями Марджори и удушающим чувством вины со стороны Джессики. — Поверьте мне, я больше всех, чем кто-либо, понимаю сколько было принесено жертв, чтобы занять пост президента. И для меня большая честь, что у меня появилась такая возможность занять эту должность, что народ этой великой страны, доверил свои священные желания мне, конечно, внушает восхищение.

— Но, — произнесла Марджори, и в ее голосе отразилось такое разочарование в одном этом простом слове.

— Но я устала, и мои молодые годы вот-вот закончатся. Есть некоторые вещи, которые я бы хотела совершить в своей жизни, я не смогу их осуществить, если останусь еще на четыре года.

— Что ты хочешь осуществить, дорогая? — спросила Марджори, выглядя обиженной.

Джессика вздохнула. Ее очень беспокоило стоило ли ей рассказать им о своих личных желаниях. Она не знала, как они их воспримут.

— Я хотела бы продолжить читать лекции по юриспруденции. Мне это нравилось, я хотела это всем сердцем, и мне кажется, что в этом я была хороша.

— Я не вижу причин, почему ты не можешь читать свои лекции после четырех лет. Когда ты будешь экс-президентом. Тебя по любому позовут преподавать в Гарвард, даже если тебе будет сто лет. Если ты бывший президент Соединенных Штатов, нет такого понятия как возраст.

— Есть, если есть желание быть матерью, — тихо ответила она.

Марджери резко выдохнула, Джон-старший хрипло откашлялся.

— Матерью? Я думал, после выкидыша... — Голос Марджори затих, как только каждый из них погрузился в воспоминания.

Джессика была беременна от Джона, и по прошествии двух недель, после его гибели, она сообщила об этом свекрови, и ее беременность ребенком Джона сплотила их и поддерживала вместе. Ее беременность была, как будто Бог дал им всем утешительный приз, чтобы забрать одну душу Джона, взамен другой. Но затем как-то днем она почувствовала общий дискомфорт, который сначала приписала ранней беременности, за которым

последовала такая боль, что она покинула Сенат в разгар голосования и ее увезли на машине скорой помощи. И именно в больнице она обнаружила, что ее беременность была внематочной.

В стерильном, холодном хирургическом крыле больницы Уолтера Рида, Джессика снова потеряла Джона, последнее воплощение наследия Хэмптонов умерло, не успев родиться. Но вместе с потомком Хэмптонов умерла и ее способность зачать ребенка, ее фаллопиевые трубы были разорваны, их пришлось зашивать, и вся матка была в шрамах, что сделало ее не способной рожать детей.

— Усыновление, — пояснила Джессика своей свекрови. — Я хочу усыновить ребенка, и я не хочу, чтобы мне было семьдесят, когда ребенок будет несовершеннолетним, так что я хочу это сделать в ближайшее время.

— А кто будет отцом этого воображаемого ребенка? — спросил Джон-старший.

— Я буду, — искренне ответила Джессика, с ним она могла говорить на чистоту, не как со свекровью. — Есть много успешных матерей-одиночек в нашей стране, и я уверена, что я смогла бы справиться с этим.

Лицо Марджори опечалилось.

— Мне и в голову не могло прийти, что ты сможешь сделать что-то подобное без Джона. — Ее голос стал мягче. — Он бы был очень хорошим отцом.

Джессика набралась решимости, сглотнув свое горе. Да, Джон, действительно, был бы хорошим отцом, но его не было с ней рядом, и не принятия другими людьми того, чего ей хотелось достичь в своей жизни, не вернет его обратно, напомнила она себе.

— Да, мог бы. Но я тоже буду хорошей матерью, поэтому и по многим другим причинам, я не хочу баллотироваться на второй срок.

Джон-старший прочистил горло, прежде чем слегка не уверенно подняться.

— Мне кажется, что путешествие меня немного утомило, — произнес он. — Я собираюсь ненадолго прилечь. — Он похлопал Джессику по щеке. — Мы поговорим об этом позже.

Она кивнула, боясь очередного нашествия на нее, хотя уже и смирилась с этим.

Как только он покинул комнату, Марджори поднялась со своего места и опустилась рядом с Джессикой на диван.

— Ты уверена, что именно этого хочешь? Может, ты передумаешь?

Джессика осторожно отрицательно тряхнула головой, как только свекровь взяла ее руки в свои.

— По крайней мере, я этого хотела, но не таким образом.

— Ты была бы и дальше такой замечательной первой леди, — сказала Марджори со слезами на глазах.

— И он тоже был бы первоклассным президентом, — ответила она. — Я пыталась сделать все, чтобы чтить его память.

— И ты сделала это, дорогая, — решительно сказала Марджори, с падающими на щеки слезами. — Никто не сделал столько, как ты, защищая наследие Джона. Он бы так гордился тобой. — Зарыдала Марджори, и Джессика почувствовала слишком знакомую боль в животе. Она уже изучила и ни один раз, как все будет развиваться. Боль расцветет, увеличится, практически чуть ли не поглотив ее, а затем Джон-старший с Марджори снова подкатят к ней, и оборона, которую она так сильно пыталась удержать, уже ослабеет, по ней пойдут трещины от испытываемой боли, которая медленно разъедала ее внутренности. Как и тогда,

когда она согласилась занять место Джона в сенате, согласилась баллотироваться на пост президента вместо Джона, согласилась положить свою жизнь на алтарь памяти Джона и его амбиций.

— Мне кое-что необходимо сделать в офисе, — сказала она тихо плачущей Марджори. — Тебе что-нибудь нужно еще? Я могу попросить принести что-нибудь перекусить. На нашем канале появились новые фильмы. Ты помнишь, как работает телевизор, не так ли?

Марджори кивнула, вытирая глаза.

— Конечно. Все будет хорошо, дорогая. И я позвоню на кухню, если нам что-нибудь понадобится.

Джессика кивнула и поцеловала пожилую женщину в щеку, прежде чем быстро вышла из гостиной и чуть не бегом бросилась по лестнице в Овальную кабинет. И она даже не обратила внимание, что ринулась в то самое место, где уже несколько лет чувствовала себя пленницей, сейчас же оно стало для нее единственным местом, куда она хотела скрыться и почувствовать себя свободной, потому что в Овальном кабинете не было времени для чувства вины, боли или сожаления. В Овальном кабинете время было посвящено исключительно работе.

Камаль решил, что он, наконец, освободился. И это правда, его деньги были успешно переведены. Теперь он стал независимым состоятельным мужчиной со счетами в швейцарских банках, к которым кроме него никто не мог прикоснуться и которые ни коим образом не были связаны с его отцом.

Тем не менее, последствия манипуляций мастера Тига не могли остаться незамеченными. Примерно через тридцать два часа, когда Камаль стал законным владельцем этих денег, его отец появился на линии конференц-колла, а также написал по электронной почте и даже смски. И ярость его отца не знала границ.

— Какого черта, ты делаешь? — Гремел его голос через компьютерный монитор в кабинете Камала, где он сидел в тренировочных штанах в четыре часа ночи, поскольку его отец позвонил сотрудникам посольства и настоял, чтобы они разбудили его сына из-за чрезвычайной ситуации в семье.

Камаль задушил желание уступить отцу из чувства уважения. Но он тут же себя остановил, так как годы тридцать с плюсом для него в окружении отца были не легкими.

— Доброе утро, сэр. Полагаю, ты в Лондоне, поскольку уже одет и у тебя за окном день. Может, ты запамятовал, что здесь всего лишь четыре часа утра?

Камаль сделал глоток своего капучино, который с любезностью ему сделала горничная, как только услышала, что ему предстоит важный видеовывод этой ночью.

Лицо отца приняло интересный пурпурный оттенок, и вена на шеи вздулась. Камаль не особо переживал на этот счет, что его действия могут заставить старика отдать концы, он не настолько был близок с отцом, и был счастлив освободиться от его давления, он, с другой стороны, ему совсем не хотелось стать именно тем, кто может вызвать смерть родного патриарха.

— Мне плевать, сколько сейчас времени. Я хочу знать, что ты делаешь?

Камаль прочистил горло.

— Я забрал финансы, которые законно принадлежат мне и перевел их на другие собственные счета.

Он почти услышал, как отец заскрежетал зубами через монитор.

— И почему, во имя всего святого, с нашей семьей ты такое сотворил?

— Потому что у меня есть основания полагать, что ты и наш уважаемый президент Аббас вовлечены в некий хаос, связанный с братвой, которая совершила покушение на президента Джессику Хэмптон, когда я находился всего в нескольких дюймах от нее.

Его отец не стал бы миллиардером, если бы не умел держать «покер фейс», едва уловимая тень прошла у него по лицу на эти обвинения.

— Я никогда не буду причастен к покушению на убийство. Я не одобряю любые подобные попытки, которые ставят под угрозу мою собственную плоть и кровь... хотя в настоящее время я готов переосмыслить эту позицию.

Камалю пришлось засмеяться. Он знал, что (даже, если он будет навсегда изгнан из семьи) его отец никогда не потерпит, чтобы Камаль пострадал. Да, если бы отец имел право голоса в этом вопросе, а Камаль сильно сомневался в этом.

Он наклонился ближе к монитору, пригвоздив отца острым взглядом.

— Я знаю, что ты никогда не сделал бы что-то подобное, но думаю, у тебя нет права

голоса, также как и контроля над данной ситуацией. Я знаю, что Аббас доставляет наркотики с помощью товарных поездов на Ближний Восток, и я знаю, что ты близок с братвой. Я посол в США. Я не могу каким-то образом быть связан с этим беспределом, и я вижу все по выражению твоего лица.

Мистер Масри издал какой-то противный булькающий горловой звук.

— Прощу тебя. Даже, если бы я был вовлечен во что-то подобное, то, что ты находишь неприемлемым, ты — посол. У тебя дипломатическая неприкосновенность. Худшее, на что способны американцы в отношении тебя, это выдворить тебя из страны.

Камаль дернулся при упоминании «выдворить из страны». Домой? А где был его дом? Он вырос в Англии, играл в футбол, проводил выходные в Лондоне и Корнуолле. Как только он отправился поступать в институт, он фактически все время жил здесь. Он, действительно, понятия не имел, где его настоящий дом, по крайней мере, на этот момент его жизни. Он понимал, что комфортнее чувствует себя в США, но разве он мог Америку назвать своим домом?

— Ты, на самом деле, предполагаешь, что дипломатический иммунитет сможет меня каким-то образом защитить, если ты или твои деньги будут причастны к покушению на американского президента? Особенно этого американского президента? Она их самый любимый президент, и, кроме того, женщина. Если ты думаешь, что их не волнует то, что произошло в саду Белого дома, тогда ты совсем не в курсе.

— Чтобы они себе там не думали, они ничего не могут сделать с тобой.

— Дерьмо, — выплюнул Камаль, используя американизм, который его отец ненавидел. — Они будут выслеживать меня, как международного преступника, и я заслужу это. Если ты путаешься с братвой в той мере, как я думаю, и если бы я продолжал был привязан к тебе в денежном плане, то я, вероятно, умалишенный из Гуантанамо. Однако, на данный момент, я связан с тобой только благодаря ДНК, и тот бардак, который ты создал — твой, который ты сам и будешь исправлять.

— И я предполагаю, что ты рассказал Штатам о своих подозрениях? — спросил отец, пытаясь добыть не достающую информацию, но ему явно не хватало тонкости.

Камаль вздохнул, происходило наслаение одного на другое. Он не хотел был связан с преступной деятельностью отца, но он также не мог заставить себя рассказать Штатам об этом. Он не мог стерпеть нелояльности к своей стране. И то, что он спал в постели с президентом и до сих пор не сказал ей, что он подозревает, что его отец и глава государства Египета могут быть частью полнейшего бардака, в лучшем случае, он мог получить от нее шанс на порицание, но это только в лучшем случае...

— Нет... еще. И надеюсь, не придется.

— Ты этого не сделаешь, потому что рассказывать нечего, — пробормотал мистер Масри.

Камаль покачал головой. Неважно, что его отец никогда не признает свою вину. Он никогда не расскажет подробности того, в чем участвовал. Так он руководил своим бизнесом до сих пор, Камаль помнил это с детства. Как он слышал разные слухи, как шептались в темных уголках школьных коридоров, в комнатах комитетов конгресса и обрывки сплетен на фуршетах высшего общества. Когда ему исполнилось семь, он услышал — *«твой отец ведет дела с криминалом»*.

В какой-то момент, когда Камаль еще учился в колледже, он решил, что это всего лишь слухи, о которых ему не стоит беспокоиться. Даже, если что-то подобное происходило, то

его отец отлично справился с задачей удерживать эти разговоры подальше от Камалья. И так как Камаль никогда не работал в бизнесе отца, следовательно, он ничего не знал о его партнерах, с кем тот вел дела. Он пару раз спрашивал Амира, не знает ли он чего. Он надеялся, что не знает про делишки отца, но догадывался, что Амир был доверенным лицом их отца и знал многое.

— Суть в том, что я не доверяю твоим словам, и не готов рисковать своей карьерой и своей свободой, основываясь только на твоих словах, которые не ударят по мне рикошетом, — сказал Камаль.

Его отец резко кивнул и что-то промычал.

— И ты решил, что твоя жизнь там, в США, важнее, чем семья? Ты решил, что тебе лучше заботиться о мнении американцев, чем мнении собственного отца?

«Только одной американки», — подумал Камаль.

— Я решил, что поступать честно, всегда лучше.

Отец потер подбородок, и на мгновение Камаль заметил, что его придирчивый, сильный, сварливый отец выглядит уставшим и потерянным.

— Я позволил тебе там задержаться на слишком долгое время, — мягко сказал мистер Масри.

— Отец...

— Нет, это моя вина. Твоя мать говорила мне, что я надолго оставил тебя одного, отправив таким молодым за границу, позволив тебе остаться там после университета. Ты должен был занять место в парламенте вместо того, чтобы оставаться и жить в Штатах. И теперь ты больше беспокоишься о себе, чем о своей семье, больше заинтересован, какое впечатление произведешь на американцев, чем какое впечатление произведешь на собственного отца. Я думаю, что оказал тебе медвежью услугу, и теперь должен заплатить сполна.

Камаль вздохнул.

— Я принял это решение, не потому что тебя не люблю или нашу семью. Я просто не хочу попасть в тюрьму.

Его отец хмыкнул.

— А если я решу принять меры в отношении этого вопиющего проявления неуважения с твоей стороны?

— Я не жду, что ты пригласишь меня на ужин в эти выходные.

— Ты ничего не получишь, когда я умру.

— Я и не ждал другого, — спокойно ответил Камаль. Его отец не часто использовал деньги в качестве манипуляций со своими детьми, но он прибегал к этому оружию, если чувствовал, что результат, которого он так ожидал, будет гарантирован.

Его отец еще больше заскрежетал зубами, и, наконец, направил свой палец к кнопке выключения сеанса конференц-колла.

— Мы обсудим это позже. Мне нужно поговорить с президентом Аббасом. — И экран погас, а Камаль остался сидеть на том же месте, посматривая на роскошные дома, построенные из бурого кирпича, над которыми поднималось солнце, окружающие посольство, потягивая своей капучино, и перечисляя в уме, что ему предстоит сделать в этот день.

На самом деле, он застрял между двумя государства, так же, как и между двумя народами. Если бы он все рассказал Джессике о причастности президента Аббаса к братве,

ему предъявили бы обвинения в государственной измене в отношении Египта. Если он ничего ей не сообщит, то он не только бы солгал женщине, с которой спал, но и нарушил бы американский закон. Он застрял между своей семьей в Египте, с одной стороны, и Джессикой с Америкой, с другой.

Камаль Масри относился к тем людям, которые сталкиваясь с проблемами, предпочитали их разрешать. Он был богатым, привлекательным, красивым и имел определенную власть. Не часто он сталкивался с ситуациями, которые не мог контролировать или легко разрешить. И пока он сидел и смотрел в окно массивного здания посольства, наполненного необходимым персоналом и проблемами, которые он разруливал каждый день, он решил для себя, что эта ситуация не сломает его и заставит свернуть с намеченного пути. Он слишком много положил на кон. Свое будущее, свое счастье с женщиной, в которую, он стал предполагать, влюбился.

— Госпожа Президент, — произнес генерал, в каждом его слове сквозило разочарование, — Министерство внутренней безопасности вынуждено непрерывно подталкивать это расследование. Народ США и политические деятели мира желают знать, кто пытался вас убить. Им нужны ответы, и если Штаты не способны их предоставить, то пора разрешить военным взять ситуацию в свои руки.

Джессика потирала с одной стороны висок, очень сожалея, что не попросила свою секретаршу дать ей аспирин до того, как вошла в зал экстренных совещаний.

— Генерал, я бы с удовольствием позволила бы вам взять расследование в свои руки, если бы вы не продолжали говорить со мной о бомбежке райского джихада без доказательств, что они причастны к этому.

— Госпожа Президент, даже если они случайно не участвовали в покушении, почему вы возражаете против их бомбежки? Они враги нашего государства. Они безжалостные убийцы, удерживающие целый сектор Пакистана на военном положении.

Начальник администрации Джессики тихо закашляла в руку и посмотрела на нее таким взглядом, который словно умолял — «Прошу вас, сделай так, чтобы он заткнулся».

— Я понимаю, что они плохие парни, генерал, но пока вы не докажете мне, что они каким-то образом причастны к покушению на меня, и вы нашли способ это разрулить, не разрушая целую деревню мирных жителей, я не соглашусь на это. Все ясно?

— Да, мэм, — резковато ответил генерал.

— Хорошо. Теперь министр Уилсон. — Она повернулась к главе национальной безопасности, который выглядел настолько самодовольным, думая, что смог переиграть генерала. Обычно Уилсон всегда был самодовольным маленьким придурком, поэтому сегодняшний день не был исключением. Джессика назначила его на этот пост, поскольку он был давним другом ее свекра. Но сейчас она готова была лишиться своего терпения к этому человеку, и занять сторону всех, кто жаловался на него, что он не выполняет на должном уровне свои должностные обязанности.

— Да, госпожа Президент, — произнес Уилсон со скользкой улыбкой.

— Почему вы не поймали до сих пор того, кто это сделал? Потому что я прекрасно понимаю американский народ и большую часть политических деятелей свободного мира, ожидающих гораздо лучшего объяснения, чем мы им предоставили. Я была терпелива в течение двух месяцев, и мы можем считать это благословением Всевышнего, что не произошло еще одного покушения. Так скажите мне то, что я хочу услышать.

Бедняга растерялся и начал что-то бормотать, заикаясь, Ванесса спрятала ухмылку,

прикрыв ладонью рот, а генерал усмехнулся в свою чашку кофе.

— Госпожа Президент. Министерство внутренней безопасности расследует каждый неоспоримый довод по этому вопросу, собирает достоверную информацию, опрашивает десятки возможных подозреваемых, собирает доказательства, которые тщательно синхронизируются и анализируются...

— Да, министр Уилсон. Избавьте меня от этих пустых отговорок, я не пресса. Скажите, что мы знаем на самом деле, потому что, если мы не узнали больше, чем на прошлой неделе или на позапрошлой неделе, я серьезно подумаю о том, чтобы передать все расследование ЦРУ.

— ЦРУ? — вскричал генерал. Джессика взглянула на него таким взглядом, что он тут же понизил голос.

Уилсон поскреб свой заостренный подбородок и вздохнул.

— Мы проанализировали информацию, которую нам предоставили египтяне, хотя это неплохая гипотеза, мы не смогли найти ничего конкретного, чтобы связать все концы данных воедино. Братва не совершала каких-либо неправомερных движений в регионе, и пуля, которую мы нашли на месте преступления... привела нас в тупик. У нас нет доказательств, мы не можем обвинить ни одного конкретного человека или какую-либо группировку в покушении на вашу жизнь.

Джессика на мгновение задумалась, анализируя полученную информацию.

— Я правильно вас поняла, что мы ведем обычное расследование... изучаем доказательства, анализируем их, есть ли определенные подтверждающие улики, затем делаем вывод по поводу направления, которое может нас куда-то привести?

— Так точно, мэм, — ответил Уилсон.

— Может, пришло время подойти к этому расследованию с другой точки зрения.

— Мэм?

Она перевела свой взгляд на генерала.

— Какие спецподразделения у нас имеются в Балтике?

Генерал, очевидно, понял, к чему она клонила.

— Я могу задействовать там группу «морских котиков» и оперативников под прикрытием в... — он посмотрел на свои навороченные часы на левой руке, — я бы сказал в шесть часов.

— Отлично. Я хочу, чтобы кто-нибудь проник в братву. Они смогут это сделать?

— Мэм, если бы у нас не было концов, потребовалось бы немало времени, но у меня имеются оперативники под прикрытием, работающие с братвой... они следят за ситуацией в регионе. Думаю, что я смог бы им передать ваши намерения, и если учесть, что пара наших людей уже работают в организации, они смогли бы довольно быстро ответить на ваши вопросы.

— Хорошо. Спросите их, в каком конкретно бизнесе братва заинтересована на Ближнем Востоке. Я хочу знать, черт возьми, что происходит на самом деле и действительно ли наши разговоры по поводу соглашения спровоцировали это покушение или же нет.

— Да, мэм, — ответил генерал, и его глаза злорадно блеснули.

Уилсон просто кивнул, как только президент поднялась из-за стола.

— Хорошо. Заседание окончено.

Как только Ванесса вышла вместе с Джессикой в коридор, она улыбалась от уха до уха.

— Прекрасно сработано, госпожа Президент. Вы не забрали расследование у министра

госбезопасности, но нашли способ использовать адского генерала в наших интересах. — Она остановилась. — И вы удержали этих двух помпезных задниц от рукоприкладства.

Джессика фыркнула и усмехнулась.

— Ну, не думаю, я же все же слышала, как Уилсон пробормотал себе под нос, назвав меня «сучкой», но, по крайней мере, мы наконец-то продвинемся вперед. Я хочу, чтобы все закончилось и у нас были совершенно четкие сведения, кого мы должны преследовать.

Ванесса кивнула.

— Простите, за то, что он сказал, мэм. Я ненавижу саму мысль, что вы слышали что-то подобное.

Джессика улыбнулась и кивнула своей главе администрации.

— Знаешь, это часть моей работы, особенно, когда ты являешься первой женщиной президентом. Чтобы они не говорили обо мне, я говорю себе, что я все еще президент, и в конце концов, могу сослать их в Ливенворт^[1] за измену, если захочу, так что все хорошо.

Ванесса остановилась посреди коридора и уставилась на Джессику, прочищая горло.

— Э...

— Я шучу, Ванесса. Это всего лишь шутка, — ответила Джессика, улыбаясь.

Ванесса разразилась смехом.

— Мэм, я никогда не слышала, чтобы вы шутили.

Джессика пожала плечами.

— Возможно, время пришло. Мне кажется, я должна отточить свое мастерство в шутках, прежде чем произносить их за пределами Овального кабинета. Скажешь, когда я с ними могу выйти на публику.

— Примерно за девяносто дней до следующих выборов, могу сказать. Когда президент, завершающий срок на своем посту, может делать все, что захочет.

— Хорошо. Жду с нетерпением.

— Тогда я тоже жду этого с нетерпением вместе с вами.

Камаль следовал за Питером, поднимаясь по лестнице в жилые помещения Белого дома. Прошло шесть дней с тех пор, как он видел Джессику, и за это время он начал сходить по ней с ума.

Когда они дошли до маленькой комнаты, в которую его всегда проводили, Питр произнес обычные слова:

— Президент скоро будет, господин посол.

— Спасибо, Питер, — ответил Камаль, охранник кивнул. Они проявляли обоюдное уважение друг к другу последние несколько недель. Как только Питер понял, что Камаль не собирается ни коим образом навредить президенту, а Камаль в свою очередь понял, что Питер не собирается их предавать, выстроилась определенная схема, в которой они могли существовать. Камаль понимал, что скорее всего Питер предпочел бы, чтобы посол Египта не трахался с его президентом, но что можно сказать, Камаль всего-навсего пожимал плечами и широко улыбался, когда его не видел агент службы безопасности.

Как только за Питером дверь закрылась, с противоположной стороны Джессика влетела в комнату, очутившись в руках Камала.

Он глубоко поцеловал ее, позволив себе увлечься, запустив пальцы в ее длинные волосы и погрузив язык в ее рот, словно она была сладостью с кремовой начинкой.

— Ммм, — застонала она, сжимая и обнимая его за бицепсы. — Я скучала по тебе, — прошептала она между поцелуями.

Он направил ее к спальне, улыбаясь и осыпая поцелуями ее подбородок и щеки. Добравшись до президентского номера, он закрыл дверь, потянув ее за собой, повернув замок.

— Мне следует держаться от тебя подальше. От этого ты начинаешь оказывать более дружественные знаки внимания. — Он усмехнулся, возвышаясь над ней, она закатала глаза. — Но... — сказал он, развязывая галстук на своей шелковой рубашке, — проблема в том — я скучал по тебе. — Он резко сдернул свою нижнюю майку через голову, благоговейно глядя на ее пышную грудь в бледно-розовом бюстгальтере, отделанном белой лентой. Он медленно покачал головой, пытаясь очистить ее от тумана, затем обнял руками ее теплую, самую совершенную грудь, которую он когда-либо видел.

— Правда? — спросила она, ухмыляясь. — Ты что-то конкретно пропустил со мной?

Он выдохнул, его член болезненно твердел в его дорогих брюках.

— Я не могу точно сказать. Ты настолько великолепна. — Он пробежался глазами по ее обнаженному телу к ее глазам, и тут же разглядел ее желание, как сильно она хотела, чтобы он заполнил ее.

Он взял ее за руку и повел к кровати. Снял с себя ботинки и рубашку, радуясь ее чистому вожделению, которое она испытывала к нему, как только ее взгляд прошелся по его голой груди.

— Полежи со мной, — пробормотал он, потянув ее на кровать, ложась бок о бок.

Она молча легла, наблюдая за ним и ожидая, когда он возьмет инициативу в свои руки. И несмотря на то, как сильно он хотел погрузиться в нее, он также хотел лежать с ней рядом, с жадностью разглядывая ее красивое лицо, желая слышать ее голос, когда она будет ему рассказывать, как провела все эти дни.

Он провел своей рукой по ее, они смотрели друг другу в глаза, и произнес:

— Я скучал по тебе.

— Я тоже скучала по тебе, — ответила она, и ее глаза засияли.

Он заметил темные круги под ее васильково-голубыми глазами, которые ранили его в самое сердце.

— Вчера твоя пресс-конференция была просто превосходной. Этим семьям очень повезло, что ты являешься их президентом. Появились ли какие-нибудь новости о заложниках? — Радикальная фракция в Испании взяла в заложники трех американских студентов, захватив колледж в Барселоне.

— Да, мы еще не можем вернуть их домой, но они живы и здоровы, и террористы явно переоценили себя. Они попросили о встрече, чтобы обсудить договоренности о передаче американцев в посольство.

— Хорошо. Значит студенты скоро будут дома.

— Да.

— Это означает, что с президентом все в порядке. А как поживает Джессика?

— Чувствует одиноко без тебя, — честно ответила она.

— Мне жаль, дорогая. Я так сильно хочу, я хочу быть здесь с тобой каждый день. Каждую ночь больше всего на свете я хочу держать тебя в своих объятиях.

Она кивнула.

— Я бы с удовольствием.

— Как твои родственники? Ты получила удовольствие от их визита?

Камаль знал и понимал, что Джессика слишком сильно любила своего покойного мужа, и его семья была очень важна для нее. Он интуитивно чувствовал, что его родственники оказывали на нее чрезмерное давление, хотя он не мог открыто им противостоять, поэтому осторожно прощупывал почву. Он тайно встречался с президентом, будучи ее любовником, не став чем-то большим, пока, поэтому пытался сдерживать свои мысли о родителях Джона Хэмптона.

— Все было... предсказуемо. Сенатор хорошо восстанавливается после операции и не нуждается в дальнейшем прохождении лечения, поэтому есть за что благодарить Бога.

Камаль кивнул, пробегаясь руками вверх-вниз по ее спине, наблюдая за игрой света на ее лице, и задаваясь вопросом — как ему так повезло.

— Они хотят, чтобы я снова участвовала в президентской гонке.

Он вздохнул.

— Полагаю, ты этого ожидала?

— Да. Мне удалось им противостоять, но, уверяю тебя, они попробуют еще раз. Они всегда так делают. И мне трудно отказать им. Мне трудно смотреть им в глаза, зная, что они потеряли самое ценное, что было у них в жизни, учитывая, что это их единственный способ сохранить память о нем.

— Джессика, — произнес Камаль с болью в сердце. — Джон умер. Ты не сможешь его вернуть, даже его родителям. Ты не делаешь им лучше, потворствуя их горю, ты всего лишь облегчаешь им возможность смириться с ним.

— Я знаю. Умом я это понимаю. Но они стареют, и я не могу видеть, как они страдают. Они очень хорошие люди. Когда Джон был еще жив, я очень их любила. Моя собственная мать столько не сделала для меня, сколько они, а мой отец... был слишком далеко от нас..., — ее голос затих.

— И все это заставляет тебя хотеть так жить? — спросил Камаль, боясь услышать ответ, понимая, что ему просто необходимо услышать его, пока не наступит точка невозврата.

Она моргнула, словно его вопрос застал ее врасплох.

— Знаешь, некоторое время назад я поймала себя на мысли, что даже не помню, как звучал голос Джона. Я не помню его прикосновений, как он выглядел, когда спал. Я знала его настолько хорошо, как саму себя. Я скучаю, что мы не смогли с Джоном осуществить совместное будущее, которое планировали, но для меня попытка удержать Джона среди живых, стала таким бременем, что вызывает досаду.

— Это вполне понятно.

Она выдала небольшой смешок.

— Ты же не думаешь, что я говорю ужасные вещи? Обвиняя своего мертвого мужа во всем, чего я так и не совершила?

— Нет, дорогая, я не думаю, что ты говоришь ужасные вещи. Я думаю, что ты молодая женщина, у которой никогда не было шанса нормально оплакивать своего мужа. Вместо этого, ты должна была стать им, для его избирателей, для его родителей, для нации и для всего мира. Я так и не получил удовольствия встретиться с Джоном, но должно быть он был прекрасным человеком, если ты влюбилась в него. Я ни на минуту не могу себе представить, что он желал бы, чтобы ты прожила жизнь вместо него, заключив себя в клетку и сделав несчастной.

Ее глаза стали стеклянными, и он прошелся рукой по ее длинным волосам.

— Ты прав. Он бы никогда не согласился на это, и я даже догадываюсь, чтобы он мне сказал: «Джесс, у тебя есть только один выстрел, и тебе лучше использовать его». И я использовала его, но не так, как следовало, поэтому собираюсь все исправить.

Потом она опустила длинный нежный поцелуй на его губы, и по мере того, как между ними все более усиливался жар, заявляя о чрезмерной потребности, он все сильнее желал почувствовать ее под собой, наполняя ее, пока они вдвоем не увидели бы звезды, он вдруг осознал, что их отношения намного больше, чем только секс, больше, чем встреча умов и даже больше, чем слияние двух сердец. Она неторопливо вплелась ему в душу. Он полностью влюбился, бесповоротно влюбился в Джессику Хэмптон, но Камаль понятия не имел, куда это могло их привести.

— Займись со мной любовью, — тихо попросила она, выгибаясь в его руках и прислонясь к губам.

— С удовольствием, — прорычал он, сбрасывая с себя и с нее остальную одежду, поставив ее на колени и повернув лицом к изголовью кровати, положив ее руки на верх деревянного каркаса, стоящего перед ними.

Его член болел, голова была в тумане от ее запаха, ее вкуса, ее прикосновений.

Он наклонился над ней, раздвинув ее колени, нежно лаская ее киску. Сжал ее ягодицу с одной стороны, чем вызвал у нее стон, запустив палец внутрь, в горячее, мокрое и набухшее местечко.

Его зубы захватили кожу между у ключицы, он слегка прикусил и тут же лизнул, она запрокинула голову назад, облокотившись на его плечо.

— Так хорошо, — прошептала она, пока его пальцы продолжали исследовать ее внутри. Но потом он вытащил их и прошелся вверх по ее анусу.

— Ты мне доверяешь? — спросил он, его голос был хриплым от желания.

Она кивнула, голова упала на грудь, двигаясь против его руки. Осторожно, он перекинул

ее волосы в сторону и повернул ее лицо к себе, чтобы захватить ее губы.

— Хорошая девочка, — прошептал он, засовывая палец в теплое местечко. Как только его палец стал покрыт ее смазкой, он вытащил и передвинул его к ее заднице, медленно, целенаправленно вставляя внутрь.

— О-о, — задохнулась она, опираясь головой на изголовье. — Боже мой.

Он двигался туда-сюда, одновременно нажимая на ее клитор ладонью другой руки. Дыхание Джессики стало прерывистым, коротким, неровным.

— Я хочу, чтобы ты кончила, — тихо приказал он. — Покажи мне, как ты прекрасна, когда кончаешь.

Джессика выполнила его указания, застонав, она двигалась на его руке, распадаясь на маленькие кусочки, все ее тело вздрагивало и дрожало. Он обхватил ее за талию, поддерживая, выжидая, пока она не получит освобождение.

— О Боже, — выдохнула она, когда трепет во всем ее теле стал затихать.

Он вытащил из нее пальцы и спрятал лицо в сгибе ее шеи.

Все, внутри него кричало, требуя произнести слова вслух, сказать ей, что он, бл*дь, любит ее, но свои отношения они начали с легкого флирта, и он был не совсем уверен, что она поймет его правильно. Кроме того, занятия сексом не самое идеальное время говорить такие вещи. Так что он попытался придать ей устойчивости, загнав свой член глубоко внутрь, у него что-то вспыхнуло перед глазами, стоило ему оказаться в своем любимом теплом месте, самом желанном на всей земле.

Она еще до конца не отошла от первого оргазма, как второй быстро накрывал ее, она дрожала под ним, такая горячая и сладкая, Камаль ближе прижал ее к себе, положив одну руку ей на грудь, другую на клитор. Как только его яйца сжались, причем с такой силой, что он решил, будто они сейчас вот-вот разорвутся, огненная боль превратилась в настоящий пылающий огонь, он излился в нее в роскошных волнах экстаза, прорычав ее имя ей на ухо, она наполняла собой все его чувства.

Они оба рухнули на кровать, с трудом переводя дыхание, руки и ноги по-прежнему дрожали и пот струился по коже. Как только он смог пошевелиться, притянул ее к своему боку и стал перебирать кончики ее волос.

— Я подумала, что кое-что навсегда лишило меня девственности, — тихо хихикнула она.

Он замер, раздумывая над тем, что хотел ей сказать. Прежде всего он был дипломатом, бизнесменом, которого с рождения обучали тщательно взвешивать каждое слово, никогда не позволяя эмоциям и чувствам взять вверх над ситуацией.

Но сейчас у него опять возникла волна удивительного ощущения, которая всегда появлялась, когда он был рядом с ней — невесомости, свободы, полного блаженства, и он решил, что размышления и осторожность, с которой он двигался по жизни, были хороши для некоторых вещей, но не для нее. Не в тот момент, когда дело касалось ее.

— Джессика, — начал он, его голос немного резко прозвучал в тишине темнотой комнаты. — Мы начали наши отношения как сексуальные, но я думаю, что кроме флирта, разговоров и дружбы произошло еще кое-что, чего я не ожидал.

Она поднялась на локте, с беспокойством наблюдая за ним.

— Ты хочешь порвать со мной? — спросила она, и маленькая морщинка залегла у нее между бровями.

Он улыбнулся, отрицательно покачивая головой.

— Нет, дорогая, как раз наоборот. — Костяшками пальцев он погладил ее шелковистую щеку. — Я очень переживаю за тебя. Я знаю, что еще осталось больше года до истечения срока твоих полномочий, но не могу себя остановить и не думать о нашем совместном будущем, когда ты не будешь уже президентом.

Она моргнула, глядя на него, раздумывая над его словами, его сердце забилося сильнее, и, если уж быть полностью честным перед самим собой, от ожидания.

И Джессика Хэмптон, сорок пятый президент Соединенных Штатов, наклонилась и прижалась совершенно сладким и совершенно искреннем поцелуем к его губам, и его сердце тут же передвинулось из его тела в ее. Когда она отстранилась, он с трудом справился с мыслью, что теперь внутри нее жизнь удерживало что-то другое.

— Больше всего мне хочется, и я мечтаю о дне, когда я больше не буду президентом, и ты будешь со мной рядом, — тихо ответила она.

Камаль близко притянул ее к себе, слушая ее дыхание.

— Я думаю, что влюбился в вас, госпожа президент, — прошептал он.

Когда Джессика проснулась, Камаль не было рядом, единственное, что говорило о его недавнем присутствии — запах его одеколona на подушке. Она зарылась носом в дорогое постельное белье и глубоко вздохнула, вспоминая ощущения его рук на своем теле... внутри тела, как он прорычал ее имя, содрогаясь от оргазма, и те настолько дорогие и желанные слова для ее сердца, которые он ей сказал в темноте. А потом она совершила то, что, наверное, делают многие женщины, влюбившиеся в великолепного красавчика, признавшегося ей в своей любви: она обняла подушку покрепче и завизжала, как маленькая девчонка.

— Госпожа Президент? — администратор по хозяйству слегка стукнула в дверь ее спальни. — Вы проспали, мэ. Ваш секретарь сказала, что у вас назначена первое совещание через сорок минут. Завтрак, ждет вас.

Черт побери. Джессика села в вертикальное положение на кровати.

— Да, спасибо, Мари.

Она попыталась протереть глаза, чтобы снять остатки сна, оглядываясь вокруг. На прикроватной тумбочке она заметила маленькую бархатную коробочку с запиской сверху, которую в нетерпении схватила.

Госпожа Президент,

В моей семье существует давняя старинная традиция, выказывать знак уважения один раз в месяц тому, кого мы любим. Такие ежемесячные маленькие презенты являются своеобразным способом напомнить, тому, кого мы любим, как много они значат для нас. Это мой подарок тебе в этом месяце. Надеюсь, понравится.

Джессика открыла бархатную коробочку. Внутри был сертификат. Она прочитала напечатанные слова — Le Cordon Bleu Patisserie I, 22 января 2018 года, бронирование подтверждено.

Она перевернула сертификат и прочитала написанные слова размашистым почерком Камалы:

В тот день, когда ты станешь только президентом моего сердца.

Он заплатил за ее занятия по кулинарному искусству в лучшей в мире кулинарной школе в Париже, которое состоится через два дня после инаугурации нового президента. Он вспомнил, что ей очень нравилось готовить, а также вспомнил ее любовь к сладкому, и что она специализировалась по французскому языку в колледже. Он вспомнил все о ней.

Джессика прижала сертификат к сердцу и свернулась в большой кровати, опять вздыхая запахом, оставленный Камалем. И впервые за столько лет она вспоминала ту себя — влюбленную женщину, которая хотела семью, женщину, которая преподавала, потому что любила свою работу, а не потому, что на ней висел долг обязательств. И впервые за все эти годы она подумала, что может снова стать той женщиной.

Камаль думал, что у него имеется в запасе больше времени, но несколько дней спустя грянул гром.

— Господин посол? — произнесла Шамира через офисный селектор.

— Да?

— Президент Аббас желает с вами поговорить.

Черт возьми.

— Да, пожалуйста, не соединяй меня пока ни с кем, и попроси всех подождать, с кем у меня назначена встреча.

Он ждал несколько минут, пока на другом конце не услышал голос своего президента.

— Посол.

— Да, господин Президент, как поживаете?

— Давай не будем беспокоиться о тонкостях этикета, Камаль. Я говорил с твоим отцом.

— Он упомянул, что собирается связаться с вами.

— Если бы это касалось лично вашей семьи, я бы не позвонил, но ты же понимаешь, что это выходит далеко за рамки твоих разногласий с отцом.

Камаль молча ждал, пока Аббас продолжит:

— Я правильно понимаю, что отец передал тебе мои пожелания относительно соглашения?

— Передал. — Камаль не собирался ни на дюйм оставлять свою позицию в этом вопросе. Он был в оппозиции по отношению к своему отцу, он тоже самое сделает и с Аббасом.

— И все-таки обсуждения продолжаются, и если верить американским СМИ, то они продвигаются и соглашение вступит в силу?

— Да, переговоры идут хорошо. Я работаю вместе с президентом над этим вопросом. — Это было явно преуменьшением. — И мы пришли к некоторым существенным компромиссам.

В трубке раздался резкий глухой удар, и Камаль понял, что Аббас что-то бросил. Его голос звенел от разочарования:

— Разве ты не понимаешь, что мы не можем допустить, чтобы это соглашение вступило в силу? Это соглашение окажет серьезное влияние на бизнес в Египте. Я не хочу освободить тебя от твоих обязанностей, но, если ты не желаешь мне подчиняться в этом вопросе, я вынужден буду отозвать тебя, Камаль.

— Господин Президент, — ответил он, прикладывая усилия, чтобы остаться совершенно спокойным. — Вы, кажется, забыли, что парламент поручил вести эти переговоры *мне*, не послу в США, *амне*, моему имени. Если почитать законодательство, то там очень четко это прописано. Вы можете меня отстранить от работы, как посла, но пока парламент не отменит свое решение по поводу этих переговоров, вы не сможете заставить меня прекратить выполнять мою работу.

Он дожидался ответа, пока его сердце билось несколько учащенно. Камаль не был дураком. Он готовился к такому решению. Тиг изучил египетское парламентское право, которое, к счастью, не очень отличалось от британского, и он знал, что у него есть веское основание для продолжения работы над соглашением. В настоящий момент Аббас должен

обратиться к парламенту и попросить их изменить законодательство, если бы он действительно хотел, чтобы Камаль не занимался этим соглашением. Но Камаль сомневался, что Аббас захочет повышенного внимания к самому соглашению и всему, что с ним связано.

— Твоя позиция, господин Посол, не удачная. Ты оставляешь мне очень мало вариантов.

— Возможно, вам нужно пересмотреть свои деловые соглашения, сэр.

— Я скорее пересмотрю свои методы решения проблемы. Собирай чемоданы, Камаль. Ты больше не будешь находиться в моем посольстве.

И он закончил звонок, как и отец Камалья.

Было пять часов утра, когда Джессика разбудил звонок из зала операционных совещаний. Она быстро натянула спортивный костюм и надела бейсболку ВВС, забрав рыжие волосы сзади в хвост, и пошла в сторону цокольного этажа Белого дома, где находилась пуленепробиваемая, взрывозащищенная комната, напичканная самыми передовыми технологиями в мире и в настоящее время заполненная военным руководством высшего состава.

— Госпожа Президент, — сказал генерал, вставая, как только она вошла в комнату.

— Да, генерал. Пожалуйста, садитесь. — Она заняла кресло во главе стола. — Еще очень рано, поэтому я полагаю, что произошло нечто важное.

— Да, мэм. У нас есть информация о Братве и покушении на вашу жизнь.

— Конечно, говорите.

— Нам удалось связаться с человеком внутри Братвы, работающего в Москве. Его поставили загружать железнодорожные вагоны. Один из поездов, который он загружал, был из «Фероу Шиппин энд Фейт»^[2].

— И это для нас важно, почему?

— Эта компания принадлежит президенту Египта, мэм.

Джессика смотрела на своего генерала, прищурившись, стараясь собрать вместе разрозненные кусочки сложной головоломки.

— Итак, президент Аббас ведет дела с Братвой?

— Выглядит именно так, мэм.

— Но это все еще никак не связывает Братву с покушением на меня.

— Мы продолжим, мэм. — Генерал нажал пульт дистанционного управления, и изображение, просканированное инфракрасными лучами, появилось на большом экране в передней части комнаты. Он указал на деревянный ящик, заполненный множеством пластиковых пакетиков. — Эту фотографию наш человек сделал, когда брал груз, который он грузил на поезд «Фероу...».

— Наркотики?

— Да, и они направляются на Ближний Восток, насколько мы знаем.

— Хорошо, у нас есть доказательства того, что слухи о Братве, которая поставляет наркотики в регион, верны. Поэтому у них имеется мотив, чтобы соглашение не вступило в силу, и они решили остановить меня.

— Но, — вмешался генерал, — у нас теперь появляется еще одна неизвестная — Египет. Джессика потеряла руки, почувствовав холод, который пробирал до костей.

— И у вас до сих пор нет доказательств, что Братва пыталась меня убить. Кроме, что у них есть мотив, чтобы соглашение не вступило в силу.

— Мы работаем над доказательствами, мэм. Наш человек будет представлен киллеру

Братвы и сделает все, чтобы познакомиться с другими. С чем большими из Братвы он вступит в контакт, тем больше у него шансов получить зацепку, которая сможет нас привести к реальному снайперу, проникшему на территорию Белого дома.

Следующий вопрос Джессика задала с трудом, но по своему статусу она обязана была спросить.

— И вы думаете, что Египет имеет какое-то отношение к покушению? Посол был уполномочен работать со мной над этим соглашением, но мне кажется, что президент Египта слишком близко контактирует с самой значительной оппозицией по этому соглашению?

— Я думаю, что могу ответить на ваш вопрос, — произнесла госсекретарь с противоположного конца стола. — Не президент приказал вести послу эти переговоры. Его выбрал парламент.

Джессика кивнула.

— Получается, президент думает совсем о другом, нежели его парламент.

— Очень вероятно, мэм.

Генерал сказал:

— Что меня действительно беспокоит, какую позицию во всем этом занимает посол. Он выбран парламентом для этих переговоров, но служит все же воли президента.

— Посол добросовестно ведет переговоры, генерал, — сказала Джессика, в ее груди проснулся защитный рефлекс.

— Может показаться, что так, но слишком много совпадений. Он был с вами, когда раздалась стрельба, ... наедине, если я не ошибаюсь?

Джессика пожала плечами.

— Мы осматривали новое патио в саду, да там было темно. Моя охрана находилась от нас в нескольких метрах все это время.

— На самом деле, я слышал, что это не так, мэм.

Джессика приподняла вопросительно бровь.

— Мне сказали, что они не могли вас видеть, когда вы вошли в затемненное патио. Они знали, что вы там, но там было слишком темно, чтобы видеть вас и посла.

О, черт. Ей удалось тогда скрыть этот факт, тогда все были заняты покушением, но, видимо, генерал задавал слишком много вопросов потом. Совсем неудобных вопросов.

— И что вы предполагаете?

Он посмотрел на нее суровым взглядом.

— Я думаю, что посол был в курсе. Вообще-то, мы полагаем, что в его задачу входило привести вас к тому месту, где вы станете прекрасной мишенью.

— Нет! — Произнесла Джессика резко и громко, и заметила, как несколько людей в комнате неловко посмотрели друг на друга, интересуясь, что ее так рассердило. — Он спас мне жизнь, генерал. Он не мог участвовать в покушении.

— Мэм, есть много способов сделать так, чтобы со стороны все выглядело, будто он сделал одно, а на самом деле совсем другое. Посол служил в египетской армии — спецназе, если моя информация верна. Конечно же он способен на такой обман.

— Но почему, генерал? Каков мотив? Сделав ставку на президента? Сохранить свой пост?

Генерал нажал на пульт, и экран переключился на другую фотографию, на которой было изображены трое мужчин, идущих по взлетной полосе от военного самолета, который

расплывчато виднелся за ними.

— Человек справа, вы знаете, президент Аббас. Самый низкорослый мужчина с седыми волосами — Александр Петрович, один из лидеров Братвы высшего ранга. Он руководит международной стороной бизнеса.

— А мужчина слева? — Джессике не понравилось, куда идет этот разговор.

— Хассим Масри. Отец посла.

Камаль шагал по приемной Овального кабинета. Просьба, чтобы он прибыл в Белый дом пришла по официальным каналам, а не от самой Джессики, и это сводило его с ума. Его нутро говорило ему, что это совсем не хорошо, и он отчаянно хотел увидеть и услышать ее сам, насколько все плохо.

Дверь распахнулась, и появился Питер.

— Президент, господин Посол, — объявил он, сделав шаг в сторону, давая Джессике пройти.

Сердце Камалю все утро было у него в горле, а теперь оно ухнуло в желудок, словно камень. Выражение ее лица было суровым, и свет, который всегда был в ее глазах, когда она видела его, пропал.

Ему удалось все же не подходить к ней и не притянуть ее в свои объятия, как ему хотелось, вместо этого он тихо стоял, склонив голову в приветствии.

— Госпожа Президент.

— Господин Посол. Питер, подожди снаружи.

— Мэм, учитывая полученную сегодня утром информацию, я предпочел бы остаться в комнате, — ответил Питер, бросив взгляд на Камалю.

— Он прошел проверку службы безопасности? — спросила она.

— Да, мэм.

— Тогда он не может причинить мне вреда. Я немедленно сообщу, если что-нибудь будет ни так.

Камаль сжал челюсть, осознавая, что через минуту все станет ясным, но разговор, что он может быть опасен для Джессики, уже сам по себе был совсем плохим.

Питер смирился и тихо закрыл за собой дверь.

Дверь еще не успела защелкнуться, как Камаль пришел в движение, широким шагом направляясь к ней по густому ковру.

— Что случилось? — спросил он, остановившись перед ней и посмотрев в ничего не выражающее лицо. У него чесались руки, желая прикоснуться к ней, но он контролировал свое желание, боясь, что она может позвать службу безопасности, и они вышвырнут его отсюда.

— Пожалуйста, садись. — Джессика жестом указала на пару кресел, разделенных кофейным столиком.

— Нет, я не сяду. — Он отступил на шаг назад, чтобы не дотрагиваться до нее, но видит Бог, он так сильно этого хотел. Хотел прижаться к ее губам и заставить признать, что она все еще принадлежит ему, что бы ни случилось, как и в кровати, которую он покинул сорок восемь часов назад. — Скажи мне, что, черт возьми, происходит.

Ее ледяной фасад, наконец, дал трещину, и он увидел боль у нее в глазах. Гнев он бы выдержал, но боль не мог, и прежде чем он сам осознал свои действия, он схватил ее за руку и притянул к своей груди, укачивая ее, пока смотрел в ее грустные, усталые глаза.

— Скажи мне, дорогая, — прошептал он.

— У военных появилась новая информация, связанная с покушением на меня. Они думают, что президент Аббас причастен к этому, а также... — Она с трудом сглотнула, и его сердце разорвалось на две части, потому что он понял, каковы будут ее следующие слова. — Твой отец.

Камаль тихо выругался, продолжая прижимать Джессику к своему телу, ее рука лежала у него на груди.

— Ты знал, — сказала она, ее голос был спокойным, хотя в глаза происходила настоящая буря эмоций. В сердце Камалья в свою очередь происходил настоящий водоворот противоречивых чувств.

— Не то, что ты думаешь, — поспешно сказал он. Она отодвинулась от него и медленно подошла к креслу, опустившись.

— Тогда объясни мне, каким образом ты узнал, что твой президент и отец могут быть замешаны в покушении на мою жизнь, но ты никогда не говорил мне об этом. Знаешь, что говорят мои сотрудники? Они говорят, что ты был в том саду со мной специально, чтобы сделать из меня мишень для снайпера.

— Господи! Я бы никогда... о чем, черт возьми, они думают? — Зарычал он, ярость накрыла его, как горячая лава.

Он опустился перед ней на колени, и решил излить свою душу, больше не думая о последствиях для себя лично. Пусть его посадят в тюрьму в Египте за измену. Он охотно отправится туда, с чувством, что она по-прежнему верит ему, что он никогда не причинит ей боль.

— Ты должна знать, что я готов умереть, чтобы защитить тебя, Джессика. Умереть. За Тебя. Той ночью я понятия не имел, кто в тебя стрелял, также, как и ты, и сегодня у меня тоже нет данных кто это сделал. Недавно я понял, что мой отец и Аббас связаны с Братвой. Они довольно много времени давили на меня, чтобы я саботировал переговоры. Совершенно не объясняя почему, я отказался. — Он склонил голову, и почувствовал ее руку такую нежную и мягкую. Она пробежалась пальцами по его волосам, затем убрала руку, но это было вполне достаточно, чтобы он смог продолжить:

— Все части головоломки собирались медленно, но на данный момент я могу предположить, когда я отказался сотрудничать, Братва взяла все в свои руки и нанесла удар. Как только я понял, что мой отец связан с Братвой, я предпринял определенные шаги, чтобы разрубить с ним все связи. По крайней мере, теперь он точно не может контролировать меня, я отсоединился от него полностью, и это совсем не важно, но ты должна понять, почему я тебе все сразу не сказал.

Она кивнула, и он продолжил:

— Я знаю своего отца. Он бы никогда не согласился на попытку убийства, он никогда бы не позволил подвергнуть мою жизнь опасности. И хотя он точно отмывает деньги, но он не убийца. Сначала я молчал, не думал, что все так серьезно, потом понял, что Братва вышла из-под его контроля, и мы уже проследили всю связь. Но когда я узнал, что президент Аббас замешан во всем...

Он глубоко вздохнул, пытаясь урегулировать хаотичные мысли, которые окутывали его мозг.

— Я оказался в ловушке. Рассказав все тебе, меня могут обвинить в измене, потому что я поставил интересы иностранного президента выше своей страны. Теперь нет пути назад. Аббас связан с Братвой, с помощью них он производит отгрузку наркотиков из России на

Ближний Восток, и он пытается саботировать соглашение вопреки желанию египетского парламента. Я не знаю, знал ли он о покушении до того, как оно произошло, но он способен на такие действия, хотя мой отец нет.

Наблюдая за ее голубыми глазами, он надеялся, что успокоится его сердце и его хаотичные мысли. Она должна была поверить ему, должна была почувствовать, что он ничего не скрывает от нее и не собирается ей навредить, и что никогда не сделает ничего, что может поставить под угрозу ее жизнь.

Медленно, словно во сне, она протянула руку и провела пальцами по его подбородку, ее мягкие, нежные руки вызвали у него волну тоски, накрыв его с ног до головы.

— Ты только что предал свою страну.

Он кивнул, она видела печаль в его глазах.

— Ради меня.

— Я сделаю это снова и снова, — ответил он своим глубоким эмоциональным голосом.

— Мне так жаль, — прошептала она, наклонившись и нежно поцеловав его. — Прости, что тебе пришлось совершить такой выбор.

— Он того стоит, если ты веришь, что я никогда не попытаюсь причинить тебе вреда.

Она кивнула.

— Я верю тебе.

Он улыбнулся и почувствовал облегчение в сердце.

— Тогда я поступил правильно.

— Я не позволю им забрать тебя, — яростно прошептала она. — Не будет у них суда над тобой за измену родине, ты не покинешь Соединенные Штаты. Ты должен немедленно уйти в отставку и попросить убежища. Генеральный прокурор тут же примет решение, и ты сможешь остаться здесь в США в полной безопасности.

И в этот момент сердце Камала расширилось в десять раз, потому что никто за всю его жизнь никогда не боролся за него. Обычно он сам сражался за других. Предоставляя им защиту в виде денег, своего опыта, связей и знаний. Но получить такую женщину, готовую предоставить ему все, он не мог о таком даже и мечтать.

Он стоял и смотрел на президента, переживающего из-за него, потом схватил ее и поцеловал, долго и настойчиво, засунув язык в ее сладкий, неприлично роскошный рот, пробегая руками по ее облегающему платью, наслаждаясь теплыми изгибами ее тела.

Она застонала, тая напротив него, единственное, что он жаждал, это прислониться к ее коже, почувствовать ее плоть под собой и проникнуть в горячее, мокрое тугое наслаждение.

— Обещай мне, — вздохнула она.

— Что обещать? — спросил он, его голова была как в тумане.

— Что ты попросишь политическое убежище. Сейчас же.

Он нехотя оторвался от ее неотразимых губ.

— Это может разрушить все твоё президентство. Мы не сможем сохранить это в тайне от прессы, и как только они обнаружат, что у нас были отношения, они обвинят тебя в попытке обойти закон, защищая меня. Они объявят, что я преступник, а ты предоставила мне политическое убежище.

Джессика с силой схватила его за руки и посмотрела с такой решимостью, именно такой ее взгляд он видел только по телевизору.

— Мне все равно. Это не правда. Твоя измена заключается лишь в том, что ты предоставил информацию Соединенным Штатам, и она касается не только президента, но и

национальной безопасности. У тебя просто не было другого выбора защитить свои национальные интересы. Ты должен был выбрать. И нация, которую ты защищаешь сможет защитить и тебя.

Он отошел и начал вышагивать по комнате, говоря:

— Ты пожертвовала годами своей жизни, Джессика. Ты воплотила наследие Джона в жизнь, и сделала все, чтобы Хэмптоны получили президентство, но сделала то, чем могла бы гордиться их фамильная династия.

Джессика последовала за ним в противоположную сторону комнаты, ее каблуки тонули в толстом ковре каждый раз, когда она ступала.

— И это прекрасно, если это не связано с чьей-то жизнью. Но твоя жизнь, твоя безопасность гораздо важнее любого наследия. Она важнее, чем фамилия Хэмптон. Я была замужем за Хэмптоном. Они могут дистанцироваться от меня, если все станет настолько ужасно.

Камаль яростно покачал головой.

— Нет. Я не позволю тебе испортить то, ради чего ты пожертвовала собственным счастьем.

Тогда Джессика напомнила Камалю, что как бы он не упорствовал, как бы он не привык подчиняться, как бы он не контролировал ее в спальне, он здесь не главный.

— Мне не нужно твое разрешение. Я немедленно попрошу генпрокурора решить эту проблему, и они не смогут тебя заполучить. Я также потребую, чтобы ты сдал свой египетский паспорт. Ты не сможешь выехать из страны, соответственно не сможешь сдаться им. Не испытывай меня. Ты не будешь сидеть в египетской тюрьме, пока я сижу в этом офисе.

Камаль повернулся и посмотрел на нее. Она стояла со скрещенными руками, ее голубые глаза пылали огнем, рыжие волосы безупречно уложены в самую модную прическу. Единственным признаком того, что она не могла полностью отвечать за свободный мир, который посматривал на все свысока, было красное пятнышко на одном из уголков ее губ, на которое Камаль сосредоточил все свое внимание. Своим взглядом приведя ее в замешательство, создав трещину в ее безупречном фасаде. Да, Камаль нашел настоящую женщину. Но удивленно смотря на нее, он вдруг понял, что прямо перед его глазами Джессика женщина и Джессика президент соединились, и результат может получиться очень экстраординарным.

— Я полагаю, что мне лучше пойти и написать заявление об отставке, — сказал он низким голосом. — И забронировать номер в отеле, потому что я, по-видимому, больше не посол Египта, а это означает, что я бездомный.

Лицо Джессики озарилось улыбкой, и ее щеки красиво зарделись, и Камаль не смог сдержать себя в этот момент. Он положил руки ей на талию и поцеловал, сначала в подбородок, потом в губы, в висок, все время наступая на нее, пока она не прижалась спиной к гладкой, прохладной стене.

— Я хочу тебя, — прошептал он. — Сейчас я хочу почувствовать твое желание, я хочу увидеть, как ты кончаешь для меня.

Джессика отрицательно покачала головой, но ее бедра прижимались к нему, и она сдалась.

Он опустил руку вниз и отыскал подол ее платья, приподнял, двигаясь к пространству между ногами. Ее дорогое нижнее белье было таким крошечным, что он отодвинул полосу

тонкой ткани, обнаружив ее горячую и мокрую киску, у него едва от этого не вырвался стон.

Он зарылся лицом ей в шею и нежно стал лизать, сосать, творя своими пальцами магию волшебства в ее центре — поглаживая, дразня, описывая маленькие круги.

— О Боже, — прошептала она. — Я не могу... я не могу...

— Конечно, можешь, любовь моя, — ответил он, погрузив в идеальное местечко два пальца и двигаясь в определенном ритме. Другой рукой кружа над ее соском, накрыв ладонью полную напрягшуюся плоть, готовую вырваться из бюстгальтера.

Дыхание Джессики стало коротким и прерывистым. Он ущипнул ее за сосок через платье, в то же время жестко сунул пальцы внутрь, прижав ладонь к ее клитору. Она выгнулась, напряглась, застонав, он проглотил все ее стоны своим поцелуем. И потом, словно водопад, несущийся над обрывом, она кончила, быстро и долго, ее красивое тело дрожало в его руках, ее клитор пульсировал в ее ладонь, ее молчаливые вопли изливались в его губы.

Когда судорога закончилась, он уперся своим лбом в ее лоб и нежно поцеловал ее в нос, потом убрал руку и поправил вниз платье, пригладив.

— Господин посол, я думаю, что это самые лучшие переговоры, которые у нас с вами были.

Камаль усмехнулся.

— Тебе придется перестать так меня называть. Через час я не буду уже послом.

Она отстранилась, обеспокоенно взглянув ему в глаза.

— А что с тобой будет? Что ты собираешься делать теперь?

— Я хочу помочь твоей охране выяснить, кто замешан в покушении. А потом только решу. Мне никогда не давали возможности выбора для себя, так что это будет... — Он остановился, — интересно, что-то выбрать.

Она положила ладонь ему на щеку.

— Ты уверен?

— Больше, чем когда-либо, — ответил он.

— Мне кажется, что мне следует позаботиться о твоём выборе. Я приставлю к тебе охрану после того, как ты покинешь посольство. Я не могу позволить тебе жить в отеле без охраны.

Он поцеловал ее снова, прежде чем отодвинуть от стены.

— Я думаю со мной уйдут некоторые мои сотрудники службы безопасности из посольства. Я буду платить им зарплату из собственного кармана. Думаю, они предпочли бы остаться со мной, чем с новым послом.

— И ты вернешься ко мне вечером?

— Нет другого места, где я бы хотел быть.

Она улыбнулась, и он почувствовал, как у него все плавится внутри.

— Ты проведешь пресс-конференцию?

Она подошла к зеркалу, висящему на стене, и начала поправлять волосы и одежду.

— Я немедленно скажу об этом Ванессе. Насчет пресс-конференции. Возможно, мы сможем продержаться 24 часа, но я сомневаюсь, что это будет конец.

Он кивнул, разглаживая свой костюм и проведя рукой по густым волнистым волосам.

— Ладно, я обживусь в номере отеля, затем вернусь. Во сколько ты освободишься сегодня вечером?

Они встретились у дверей, и просто стояли и смотрели друг на друга пару секунд. Он

убрал выбившиеся завитки ее волос за ухо и нежно улыбнулся ей.

— В девять часов, — ответила она.

— Джессика? — Голос у него был низкий и густой, пока он не отрывал глаз от нее. — Я люблю тебя.

Она резко выдохнула и прижала руку к его груди, ее элегантные пальцы ухватились за его дорогую рубашку.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она.

— Тогда все будет хорошо.

Она кивнула.

— Мне нужно сначала все рассказать свекрови о том, что происходит.

— Расскажешь им о наших отношениях?

— Да, я хочу рассказать им лично. Мне кажется, неплохо бы было, если бы они пришли сюда завтра. — Она кивнула сама себе. — Да, все им объясню перед пресс-конференцией.

Он поцеловал ее в висок, прежде чем потянуться к дверной ручке.

— И я буду рядом с тобой, поддерживая тебя в этом вопросе. Мы справимся. Вместе.

Она улыбнулась и стерла свою помаду с его губ.

— Справимся.

Когда Камаль вышел из Белого дома, хотя только, что он принял решение изменить свою жизнь, почувствовал себя более спокойно, намного спокойнее нежели, когда входил в Белый дом. Да, только что он сделал еще один шаг к своей личной свободе.

— Хорошо, мэ, как насчет такой формулировки? Вчера днем посол Египта в США Камаль Масри выступил с речью по вопросу национальной безопасности. Выслушав его, президент приняла решение о предоставлении ему политического убежища в интересах Соединенных Штатов, а также принятие такого решения отвечало интересам г-на Масри.

Джессика передвинулась на своем рабочем кресле, удивляясь, почему ей даже в голову не пришло заказать новое. Это кресло явно было сделано для человека более крупного, поэтому было таким некомфортным и неудобным.

— Пока что хорошо.

Ванесса продолжала:

— Вчера в шесть сорока пять вечера г-н Масри ушел в отставку с должности посла Египта и сдал свой египетский паспорт должностным лицам Госдепартамента США. Его просьба о предоставлении политического убежища была удовлетворена и будет рассматриваться по всем официальным каналам. Пока идет этот процесс, он останется в США с грин картой, надеясь получить гражданство в самое ближайшее время.

— Хорошо. Все в порядке.

— И какова наша позиция, когда пресса спросит о предоставленной им информации? — Спросил пресс-секретарь.

— Что его информация касается текущего секретного расследования, и мы обязательно предоставим больше данных, когда это будет возможно, — ответила Джессика.

— Пресса это ни за что не проглотит, мэ.

Джессика нахмурившись посмотрела на своего пресс-секретаря. Она прекрасно понимала, что он был прав, но предоставить больше информации все равно, что внести еще большую неразбериху, они до сих пор не знали, кто заказал это политическое покушение.

Она вздохнула и потеряла затекшую шею.

— Знаю, но это единственное, что мы можем сообщить прессе в данный момент.

— Как мы будем отвечать по поводу соглашения? Все-таки это огромный пласт в вашей деятельности за последнее время.

— Да, огромный, но мы не можем заглядывать вперед, пока существует такая неразбериха с Египтом, так что скажи, что мы в самом ближайшем будущем предоставим больше информации. Ванесса, у нас будет телемост с премьер-министром Египта?

— Да, мэ, уже в одиннадцать утра, в пять — по его времени.

Пресс-секретарь наклонился вперед, поставив локти на колени, сидя на диване в нескольких футах от стола Джессики.

— Это очень рискованно, госпожа Президент. Премьер-министр и президент Аббас состоят в одной партии. По всем данным они очень хорошо работают вместе последние пару лет. Если премьер-министр не поддержит вас в этом вопросе, то вы потеряете шанс получить поддержку парламента. Вы можете в конечном итоге стать для Египта врагом номер один, хотя и не официальным.

— Да, если он не примет нашу сторону и не попросит парламент высказать импичмент Аббасу, мы, возможно, дестабилизируем Египет. Они только что оправились от проблем 2011 и 2012 годов. Стабильность сейчас там очень хрупкая.

Пресс-секретарь кивнул.

— Вы правы. В этом вопросе нет ничего легкого или хорошего, не так ли?

— Особенно, когда иностранный лидер может оказаться причастен к покушению на президента США? — с издевкой произнесла Ванесса. — Да, из этого не выйдет ничего хорошего.

Два часа спустя Джессика вошла в гостиную резиденции, приветствуя Марджори и Джона-старшего.

— Спасибо, что пришли, — сказала она, обнимая их по очереди. — Я рада, что вы смогли встретиться со мной так быстро.

— Ну, когда наш президент просит о помощи, мы всегда готовы помочь, — сказал Джон, держа руку Джессики в своих. — Теперь сядь и расскажи, в чем дело.

Джессика присоединилась к ним на диван и вздохнула. Она ненавидела то, что ей предстояло сделать. Она понимала, что скорее всего для них это будет шоком, и они будут очень недовольны, но ей необходимо было все рассказать. Она больше не могла скрывать свои отношения с Камалем от них, когда в любой момент все могло появиться в прессе.

— Сегодня днем я проведу пресс-конференцию, и я хотела бы рассказать вам все заранее.

Джон-старший с одобрением хмыкнул, а Марджори с улыбкой ждала продолжения.

— Я собираюсь выдать вам секретную информацию, потому что знаю, независимо от вашего мнения, вы слишком уважаете этот офис, чтобы нарушить мое доверие.

Марджори втянуло носом воздух.

— Конечно, дорогая. Мы бы никогда не предали ни тебя, ни национальную безопасность.

Джессика хлопнула свою свекровь по руке.

— Я знаю. Просто должна была это сказать. — Она глубоко вздохнула и продолжила:

— Вчера ко мне приехал посол Египта и сообщил некую информацию, связанную с покушением здесь, в Белом доме. — Она рассказала им об очевидной связи президента Аббаса с Братвой и его стремлении противостоять соглашению.

— Итак, Масри отказался от своей страны, поступив правильно? — спросил Джон-старший, нахмутив брови, раздумывая.

— Да, отказался.

— Я бы хотел пожать руку этому мужчине, — произнес бывший государственный деятель. — Я чувствую к нему уважение. Отказаться от своей страны — это сильный поступок.

— Это очень мило с вашей стороны и надеюсь, что у вас будет шанс встретиться с Камалем завтра или после завтра. Но прежде чем вы познакомитесь с ним, я должна вам кое-что рассказать. — Ее сердце колотилось, она прочистила горло и собрала все свое мужество, чтобы впервые честно признаться перед кем-то еще, кроме Фионы.

— Камаль хороший человек, и мне кажется, что он принял такое жесткое решение независимо от того, что случилось. Я полагаю, что он пытался найти другие варианты, прежде чем отказаться от своей страны и карьеры.

Марджори сжала губы в сочувствии к бывшему послу.

— Но он сделал это по собственной воли и отказался от всего не только потому, что у него не было другого выбора, но и потому, что он и я... дело касается нас.

— Вы вместе работали над соглашением. Как правило, такое взаимодействие формирует определенные взгляды между коллегами, — произнес Джон-старший почти

неохотно. Но Марджори сидела прямо с широко открытыми глазами и ее губы дрожали.

— Джон, — тихо сказала она. — Она имеет ввиду совсем другое.

— Что?

— Сенатор, Камаль и я имеем романтические отношения.

Воздух в комнате стал тяжелым, и стрелки антикварных часов на каминной полке стали единственным звуком в течение нескольких секунд, который показался несколькими часами, потому что всё и все вокруг замерзли от шока.

— А как же Джон? — спросила Марджори дрожащим голосом, и ее руки тоже задрожали.

Джессика тихо вздохнула и опустила взгляд.

— Марджори, я не помню, как звучал его голос, — начала она, прежде чем поднять глаза на свою свекровь. — Я разглядываю фотографии, чтобы вспомнить его образ. Иногда я провожу целые дни совершенно не вспоминая, чтобы он делал в этот момент, что говорил бы или чего бы хотел. — Она замолчала. — Я любила вашего сына. — Ее голос был шероховатый, и она словно отбросила назад занавес, который заставлял их не воспринимать его потерю, не признавать, что его уже нет. — Я любила его всем сердцем, но он умер. А я осталась жить. И я была в одиночестве очень долгое время. — Она замолчала и сглотнула комок, который застрял у нее в горле.

— Боже мой, — произнес Джон-старший, склонив голову между большими плечами, и поставив локти на колени.

Марджори встала, слезы тихо катились по ее щекам.

— Прощу прощения, — выдохнула она и быстро вышла из комнаты.

Джессика замерла, рассматривая свои руки на коленях, борясь со слезами, которые жгли ее глаза и щипали в носу, и она подумала, что они доберутся до костей.

— Когда он был маленьким мальчиком, — тяжело произнес Джон-старший, — Джон нашел под кустом брошенного котенка. Он принес его ко мне и спросил, может ли его оставить. Я сказала «да», мы отвезли его к ветеринару, сделали прививки, накормили, котенок стал здоровым и счастливым. Он полюбил этого котенка, а тот следовал за ним повсюду, спал на его кровати по ночам, ждал его весь день, пока он был в школе. Он больше походил на собаку, чем на кошку. Думаю, он понял, кто спас ему жизнь.

Он прочистил горло, явно под впечатлениями от одолевающих эмоции.

— Когда Джон отправился в университет, котенок постарел. Конечно, он остался жить с нами, но большую часть времени он проводил в спальне Джона. Ни один из нас не был кошачником, но у нас была домработница, которая кормила его и чистила его поднос, и мы оставили его в покое. Мы позволили ему остаться у нас, потому что он принадлежал Джону, и он любил его, а котенок отвечал ему взаимностью. Он умер к первой годовщине смерти Джона. Однажды ночью заснул на его кровати и не проснулся. Домохозяйка обнаружила его. Он не болел, и мне всегда казалось, что он умер от разбитого сердца, он так чертовски скучал по Джону, что не мог этого пережить.

Слезы, наконец, прорвались наружу и стали скатываться по щекам Джессики, когда она подняла глаза и уставилась в лицо, которое было так похоже на лицо ее мужа, словно он был жив.

— Ты, как тот котенок, Джесс. А мы все это время оставляли тебя в его спальне, когда нам следовало помочь тебе найти свой новый дом. Пожалуйста, поверь мне, мы не хотели, чтобы ты умерла от разбитого сердца.

Он пожал ей руку, а потом поднялся.

— Я поговорю с Марджори. С ней все будет хорошо. И я хотел бы встретиться с ним. С послем.

И Джессика вдруг поняла, что на самом деле все будет в порядке, потому что Джон-старший называл людей исключительно по их званиям, когда уважал их и хотел с ними познакомиться, и он все равно продолжал их называть по занимаемым ими должностям, даже когда они уходили в отставку.

— Я хотела бы пригласить его на ужин завтра вечером. Это не слишком рано? Вам потребуется больше времени?

— У нас было шесть лет, госпожа Президент. Если этого времени не хватило, то не хватит никогда. — Затем он вышел из комнаты, оставив Джессику одну, и она, наконец, свободно вздохнула, так, как не могла себе позволить вот уже в течение нескольких лет.

Камалю было тридцать четыре года, он занимался сексом, с черт побери, самим президентом Соединенных Штатов, однако, в данную минуту он вел себя как подросток, готовившийся встретиться с родителями своей девушки. Хуже всего было то, что они не были ее настоящими родителями.

И от этого все становилось еще хуже. Они надеялись, что когда-нибудь она станет матерью их внуков. И когда они смотрели на него с Джессикой сегодня вечером за обеденным столом Белого дома, они видели, что рядом с ней сидит не их сын. А другой мужчина, живой, в то время, как их сын погиб. Да, все это было намного хуже, чем познакомиться с родителями своей девушки-подростка.

Он еще раз поправил галстук, когда машина подъезжала к задней стороне Белого дома.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я пошел с вами, мистер Масри? — спросил Тарик. Как и предполагал Камаль, Тарик и еще два сотрудника службы безопасности решили уйти вместе с ним, стоило ему выйти из посольства после того, как он подал заявление об отставке по электронной почте президенту Аббасу и парламенту. Заместитель посла смотрел на него шокированными огромными глазами, когда он передал свой пропуск и различные пароли, сказав ему, что он может теперь себя чувствовать в его кабинете, как у себя дома.

Пресс-конференция Джессики вызвала бурю, но взрыв бомбы в Вене переориентировал все внимание от ее заявления, и он понадеялся, что пресса не будет усердно копать в данном вопросе, по крайней мере в ближайшее время. Чем дольше он и Джессика смогут сохранить свои отношения в секрете, тем лучше будет для ее президентства.

Последние двадцать четыре часа ему поступил ряд телефонных звонков от Тига, Джеффа и других членов «Клуба силовых игроков», а также от прессы и нескольких египтян эмигрантов, и одного крупнейшего издательства, которое почувствовало, что за всем стоит непростая история, которую они хотели бы поведать миру и соответственно получить свою выгоду. Он проигнорировал все, кроме своих друзей, и конечно, они узнали только часть истории. Джефф, как всегда, оказался верен своему слову ни словом не обмолвился ни с кем, что, на самом деле, происходит между Камалем и Джессикой.

Но телефонный звонок, которого он так и не получил, был от отца. И он не мог сказать, что испытывает на самом деле по этому поводу. Скорее всего ему следовало этого ожидать. Он слишком решительно отказал отцу, и сейчас старший Масри боялся, что его могут привлечь к расследованию, которое начнется в Египте в результате информации, предоставленной Камалем.

Питер встретил его у боковой двери Белого дома и пропустил во внутрь.

— Я рад видеть вас, сэр, — произнес он, нехарактерно тепло.

— Мне тоже приятно прийти сюда, — ответил он, удивляясь, чем вызвана перемена в манере Питера.

Пока они поднимались по лестнице, тот раскрыл тайну.

— С вашей стороны это был очень мужественный поступок, — сказал Питер. — Чем вы пожертвовали ради президента. Америка вас благодарит.

Камаль сглотнул, не зная, как отреагировать на такую похвалу. В конце концов, он до последнего скрывал информацию, и только прессинг заставил его изменить решение. Он ничего не чувствовал, тем более совсем не чувствовал себя героем. Ведь получается, что он продал свою страну, и здесь было мало от геройства.

— Спасибо. Я хочу, чтобы президенту ничего не угрожало.

— Она особенный человек, — произнес Питер.

Они достигли вершины лестницы, и Питер остановился на большой площадке, повернувшись лицом к Камалю, прежде чем тот мог войти в резиденцию.

— Я охранял ее и сенатора Хэмптона, когда он был жив. Они были очень счастливой парой, все фотографии, которые публиковались в прессе, были правдой.

Камаль боролся с желанием сказать парню, чтобы тот отвалил. Последнее, о чем он хотел услышать в сию секунду, насколько потрясающей была любовь между Джессикой и Джоном Хэмптоном. Он не относил себя к ревнивцам, в конце концов, ее муж погиб, и поскольку ему маячило знакомство с семьей Хэмптон, он не хотел вести подобные разговоры.

— Но, — продолжил Питер, — от вас у нее светятся глаза, такого не было при сенаторе. Ей было хорошо и комфортно с ним, но с вами она ожила. Надеюсь, что у вас двоих впереди долгое и счастливое будущее.

Камаль моргнул, уставившись на агента личной охраны президента, совершенно обалдев от такого откровения.

— Ты влюблен в своего президента, не так ли? — прямо спросил он.

Глаза Питера стали огромными, потом он усмехнулся.

— Нет, сэр. Я был бы влюблен больше в вас, чем в нее, если вы понимаете, о чем я говорю, но более важно то, что я счастливо женат уже пару лет. Но я наблюдаю за ней уже ни один год, и соответственно очень хорошо узнаешь человека, когда твоя работа сосредоточена исключительно на нем. Мы обучены изучать и подмечать все детали, чтобы определить нормальное поведение политического лидера, поэтому можем сказать отравили ли его, имеются ли у них проблемы со здоровьем или его контролирует что-то извне.

— Правда? — спросил Камаль, зачарованно.

— Да, сэр. Охрана главы государства — сложная работа.

— По-видимому так. Но я очень рад, что ее выполняешь ты, — произнес Камаль. И протянул руку. За все время, пока агент встречал и выводил его из Белого дома, он ни разу не пожал Питеру руку, и Камаль вдруг осознал, что пришло время признать, что его отношений с Джессикой не было бы, если бы не этот человек.

Они пожали руки, и Питер открыл дверь, впустив Камалю в резиденцию, как раз вовремя, чтобы встретиться с первой семьей Америки.

Джессика не сводила взгляда с Камалю. Он был сдержан, но твердо улыбался, сделав шаг в комнату. На нем был костюм с галстуком для ужина, но у нее возникло желание немного

ослабить этот кусок шелка у него на шеи, чтобы он смог немного расслабиться. Джон-старший смилостивился, приветствуя Камалья в резиденции, как будто это его собственный дом, и Камаль пришел к нему на прием в качестве посла. Тем не менее, как только ужин был подан, Марджори говорила только о Джоне, и Джессика видела, что терпение Камалья становилось все тоньше и тоньше.

— Марджори, — прервала она ее рассказ о том, как Джон учился на первом курсе юридического института, — как Бет и дети? — Ее золовка Бет жила в Нью-Йорке, муж Бет был магнатом на Уолл-Стрит, поэтому Бет была светской львицей. У них было двое детей, для которых Джессика была крестной матерью.

— О, ты должна с ними встретиться. Они так подросли. Они приедут сюда на Рождество?

— Нет, но я дважды общалась с ними по Скайпу. Бретт сказал, что у него появилась какая-то новая пятнистая лягушка, и ему приходится кормить ее живыми сверчками. — Джессика невольно содрогнулась, и Камаль усмехнулся, глядя на нее.

— У вас есть дети, мистер Масри? — спросила Марджори. Джессика понадеялась, что она наконец-то найдет с ним тему для разговора.

— Нет, я никогда не был женат, — ответил он, своим низким глубоким голосом, вызвав волну тепла в животе Джессики. — Хотя у меня есть племянницы и племянники. Одна из них была моим секретарем в посольстве, и она начнет работать на меня в конце месяца. К сожалению, я не часто встречаюсь с младшими, как Джессика.

Марджори опустила вилку, промокая губы белой салфеткой.

— Да, Джесс замечательная тетя и крестная. После того, как она потеряла ребенка Джона, я так волновалась, что ей будет слишком тяжело находиться рядом с детьми, но когда родились племянники, она посвятила им себя на сто процентов, точно так же, как и во всем.

Джон-старший резко произнес:

— Марджори! — но было слишком поздно, и его окрик сделал весь кошмар еще только хуже. Джессика почувствовала, как у нее сжалось горло, видя, как Камаль побелел.

Марджори с невинным видом посмотрела на всех, Джессика уткнулась в свою тарелку, краснея и испытывая настоящее унижение.

Конечно, она ему не рассказывала. Они так глубоко не заглядывали в совместное будущее. Они с трудом могли сказать, каким для них будет завтрашний день. Она не обязана ему была рассказывать об этой части своего прошлого, но... Наверное, она рассказала бы, когда пришло время, но... А сейчас ее прошлое было выставлено на обозрение всех, среди грязной посуды, оставив пятно на ее сердце и душе.

Но Камаль был опытным дипломатом, и он никогда не подводил ее, и теперь тоже не собирался.

— Вашим внукам несказанно повезло, что Джессика их крестная. Это очень важная роль в жизни ребенка. Я надеюсь, что когда-нибудь мне тоже кто-нибудь доверит такую роль.

Джессика с благодарностью посмотрела на него, ее глаза были на мокром месте.

— Однозначно доверят, — тихо произнесла она.

— Хорошо, — сказал Джон-старший. — Пришло время нам отправляться ко сну. У нас был длинный день. Джесс, прошу прощения за то, что мы не останемся на десерт. Ты не скажешь Энни с кухни, чтобы она оставила мне кусочек на завтрак, может она доставить

мне такое удовольствие? Мы достигли с ней некоего понимания, знаешь ли, — сказал он.

Джессика покачала от смущения головой и улыбнулась свекру.

— Да, я слышала, как ты умасливал Энни, чтобы она дала тебе сладкое.

— Марджори, пошли, нам еще нужно добраться до спальни Рузвельта, в которой мы останемся на ночь, поэтому придется отправиться в другое крыло. Если мы сейчас не выйдем, нам понадобится целая ночь, чтобы добраться туда.

— Что? Почему мы...

— Давай, Марджори. — Джон-старший воспользовался своей сенаторской интонацией, от чего Марджори молча смотрела на него широко открытыми глазами.

Она поднялась из-за стола и кивнула Джессике.

— Спасибо за ужин, увидимся утром. — И вышла за дверь, напряженная и разозленная.

— Было очень приятно познакомиться с вами, — сказал Джон-старший Камалю. — Я очень рад, что рядом с Джессикой есть кто-то вроде вас. Она заслуживает только самого лучшего.

Камаль встал и протянул руку пожилому человеку, крепко пожав.

— Я полностью согласен, сенатор. Было очень приятно познакомиться с вами.

Как только Джон-старший покинул резиденцию, Джессика смущенно посмотрела на Камалья через стол.

— Иди сюда, — приказал он. И в этот момент она словно почувствовала себя ребенком. Ей захотелось плакать, злиться, спрятаться, все одновременно, и ей захотелось убить Марджори за предательство. Это было непростительно, и совсем не похоже ни на что, и она была полностью ошарашена.

— Джессика. — Голос Камалья был мягким, но не подразумевал пререканий. — Подойди сюда.

Она поднялась, обходя стол, он схватил ее за руку и притянул к себе на колени, обняв за талию, положив ее голову себе на плечо.

— Расскажи мне, — тихо попросил он.

— Я была беременна.

— Да, это я понял. Когда все случилось?

— Когда он умер, — прошептала она.

Камаль выдохнул полной грудью.

— О, любимая.

— Через две недели после его смерти меня доставили в отделение скорой помощи с ужасной болью. Оказалась внематочная беременность, последовала срочная операция. — Она с трудом сглотнула, проглотив воспоминания с каким трудом она отходила от наркоза, который вернул ей ужасную боль.

— Мне жаль, ты моя прекрасная храбрая девушка. — Он поцеловал ее в висок.

— Камаль, — произнесла она, со слезами в голосе, приподняв голову и посмотрев ему в глаза. — Эта беременность разрушила мои фаллопиевых трубы и оставила рубцы в матке. Врачи сказали, что скорее всего я никогда не смогу иметь детей.

Он нежно убрал локоны с ее лица.

— И из-за этого ты так переживаешь?

— Мне кажется, что я должна была сообщить тебе об этом раньше, но мы не часто говорили о совместном будущем, я даже не уверена рассматривал ли ты будущее со мной, но думаю теперь, когда ты знаешь правду, ты мог бы выбрать более обоснованное решение,

потому что я однозначно...

— Джессика? — прервал Камаль ее поток сознания, повернув ее лицо к себе, устремив на нее взгляд, и задержав губы всего лишь в дюйме друг от друга. — Я думаю, что тот факт, что я только что отказался от своей страны, своего долга и своей семьи, чтобы защитить тебя, говорит о том, насколько сильно я хочу иметь совместное будущее с тобой.

Она ахнула, и у нее на глаза навернулись слезы.

— Я не смогу родить. Ты моложе меня и у тебя должна быть семья. И когда ты этого захочешь, я стану сорокалетней женщиной, окруженная агентами безопасности и постоянным вмешательством членов семьи Джона в мою жизнь. — Она засмеялась, но горько. — У меня нет возможности осуществить то, о чем я мечтала столько лет.

— Почему ты считаешь, что мы не можем иметь детей? — настойчиво спросил он, продолжая поглаживать ее волосы, успокаивая ее эмоции.

— Разве ты не слышал, что я только что сказала?

— Я слышал, что ты не сможешь родить. Это всего лишь один из способов завести детей. У тебя есть какая-то причина, почему ты не можешь усыновить или использовать суррогатную мать?

Джессика уставилась на него, ее сердце забилося быстрее, дыхание стало резким и коротким.

— Ты бы пошел на это? Воспитывать ребенка, который не рожден не от тебя?

— Дорогая, мир полон детей, которые нуждаются в полноценных семьях. С чего бы я стал возражать, если бы одни приемный ребенок вдруг стал нашим?

— Нашей семьей?

Камаль поцеловал ее в губы, перемешивая надежду, любовь и понимание.

— Да, кажется, мы собираемся создать семью, не так ли?

Она кивнула, переваривая его слова.

— И если в нашей семье окажутся дети, я буду очень счастлив. Если же это будет не так, я все равно буду рад, что у меня в жизни есть ты, когда у меня есть ты, я готов довольствоваться всем, чем угодно.

Она наклонилась поцеловать его, высказывая свою благодарность, она быстро возбудилась и почувствовала желание, прошло совсем мало времени, а она уже лежала под ним обнаженная, возбужденная и изнывающая, желая почувствовать его внутри себя.

— Джессика, — произнес он, возвышаясь над ней. — Посмотри на меня.

Она открыла глаза, его взгляд был темным, опасным и таким красивым. Под его взглядом она ощущала себя в безопасности, освобожденной от всех проблем. И она была так благодарна ему за все, что ей захотелось встать рядом с ним и ухватиться за него.

— Я люблю тебя, — нежно произнес он, целуя ее, запуская свой язык ей в рот, передавая ей вкус своей потребности и жара, готовый потопить их обоих.

— Я тоже тебя люблю, — выдохнула она, покачивая бедрами, надавливая своим входом на его член.

Он застонал, она про мурлыкала, прижимаясь к его бедрам и выгибая спину. Важность их соединения, их любви, казалась омывалась такой силой, которая просто ошеломляла ее. Ради нее он бросил все, несмотря на то, что никогда не отступал, всегда высказывал свою точку зрения, никогда не боялся последствий.

— Не знаю, что я совершила, чтобы заслужить тебя, но я так благодарна за это, — выдохнула она.

Он перестал двигаться, глядя в нее своими темными, блестящими глазами.

— Ты всего лишь стала собой, — просто ответил он, прежде чем толкнуться в нее, наполняя ее чувства, тело и ее мир.

Камаль старался моментально не сдаться, пока мягкая жаркая плоть Джессики засасывала его в себя. Ее аромат лаванды распространялся вокруг них, а ее дыхание омывало его кожу, пока он медленно почти полностью вышел из нее, прежде чем скользнуть обратно дюйм за дюймом.

— Ты убиваешь меня, — выдохнула она.

— Нет, — прошептал он ей на ухо, — просто пытаюсь сдерживаться.

— Я не могу...

— Можешь, — поправил он, очень медленно двигаясь взад-вперед. Ужасно медленно, так медленно, что он каждой своей клеточкой чувствовал малейшую дрожь в своем теле, особенно когда выходил, а потом опять вторгался.

Она три раза тихо вскрикнула, и он почувствовал, как все ее тело замерло, мышцы стали напряженными, спина выгнулась. Он толкнулся вперед, и она крепко обхватила его член своей пульсирующей киской, пока его голова плавала в тумане похоти и ощущений.

— Боже, Камаль. Боже.

— Тише, я здесь, я здесь с тобой. — Он совершенно не узнавал свой хриплый голос, который звучал чуждым его собственным ушам. Но он вышел и опять вошел, и так раз за разом, погружаясь и издавая стоны в полумраке комнаты, кончив прямо в нее и сжав в своих объятиях с такой силой, что побоялся будто может ее сломать, чувствуя, как его сердце готово было вырваться из его гребаной грудной клетки, как будто кто-то выпустил его на свободу.

И когда страсть и жажда их тел утихла, и они лежали в объятиях друг друга, сердце Камала все еще стучало как безумное, потому что он понял — если когда-нибудь потеряет Джессику так же, как она потеряла Джона, он не выживет. За несколько месяцев она стала для него всем. Всем, что имело значение для его сердца, для его головы, для его души, а теперь и для его будущего. У них было будущее. Он видел свое будущее исключительно с этой женщиной, и как только она закончит свой срок президентства, он собирался сделать ей предложение, одев кольцо на палец и создав с ней семью.

Камаль сидел в гостиной своего гостиничного номера в спортивных штанах и футболке, рассматривая снимок и признавая, что фото производило впечатление. То, что фотографию сделали с крыши с сотни ярдов и при этом его все равно можно было узнать, несмотря на темноту вокруг, можно было сказать, что современная цифровая фотография достигла совершенства.

— Сэр? — произнес Тарик. — Вы хотели бы услышать остальную часть плохих новостей сейчас, или вам лучше сначала свыкнуться с этим фото?

Камаль мимолетно взглянул на своего начальника охраны, прежде чем отбросить газету на журнальный столик.

— Давай выкладывай.

Тарик скрыл ухмылку, быстро обучившись этому, пока работал с Камалем.

— Да, сэр. В дополнение к публикации в *Washington Post*, где вы входите в Белый дом, появился египетский эмигрант, утверждающий, что вы уже много лет являетесь двойным агентом американского правительства, и что вы только сейчас попросили политического убежища, чтобы вас не казнили за шпионаж, если бы вернулись домой в Египет.

— Ну, поскольку это чушь собачья, меня она не очень беспокоит. У него нет никаких доказательств, которые могли бы мне каким-то образом навредить... кстати, кто это?

— Салим Хасад.

— Конечно. Давний соратник президента Аббаса, я даже не удивлен.

Тарик продолжил:

— И *New York Times* опубликовал письмо одной группировки, в котором слышится угроза в адрес президента.

Камаль подскочил с дивана, пролив кофе и смачно выругавшись, как матрос.

— И ты выжидал, чтобы сообщить мне об этом в самом конце, почему?

Он ворвался в спальню, по дороге срывая с себя футболку.

Тарик следовал за ним с телефоном в руке, отправляя сообщение.

— Я откладывал эту новость, потому что она никаким образом не связана с вами. И вы ничего не можете здесь поделать.

Камаль обернулся, нахмутив брови и сверкая глазами.

— Это имеет непосредственное отношение ко мне. Все, что непосредственно касается президента, имеет непосредственное отношение ко мне. Все ясно?

Тарик вздохнул.

— Да, сэр. Но вы должны помнить, что у президента самая лучшая служба охраны в мире... ну, кроме вашей, конечно... и они не допустят, чтобы с ней что-то случилось. Она находится в Белом доме, в окружении половины корпуса морской пехоты Соединенных Штатов, а также личной охраны и сотрудников внутренней безопасности со своей администрацией и йтишниками. Никто не сможет подступиться к ней.

Камаль натянул рубашку баттен-даун, сбросил свои спортивные штаны, схватив первые попавшиеся слаксы. Он проскользнул в брюки и поспешно застегнул их.

— Какого черта ты там пишешь смс-ки? И не говори мне, что никто не может до нее добраться, я был там, помнишь, когда на нее было произведено покушение, причем в якобы в совершенно безопасном и охраняемом со всех сторон саду.

Тарик засунул телефон в передний карман кожаной куртки.

— Машина ждет вас, сэр.

— И я хочу, чтобы машина была... что?

— Машина ждет внизу, сэр. Вы едите в Белый дом, не так ли?

Камаль с трудом перевел дух.

— Да.

— Даже несмотря на то, что вы не можете ничего для нее сделать, поскольку она обладает самыми крупнейшими в мире ресурсами сверхдержавы?

Камаль схватил бумажник и засунул его в карман, потянувшись к своему пальто.

— По крайней мере, я могу быть ее другом.

— Да, это так. — Тарик опять скрыл улыбку и в этот раз, Камаль зарычал на него, проходя мимо.

— Сэр?

Камаль остановился, потянувшись к дверной ручке, готовый покинуть комнату.

— Ну что еще?

— Если вы друг президента... не могли бы вы задержаться на минутку, чтобы почистить зубы.

Камаль с раздражением и яростью, но не сказав ни слова, развернулся и уверенно направился в ванную, словно готов был взять ее штурмом, Тарик засмеялся ему в след.

Он переживал за нее. И это было так мило, но Джессика подумала, что сойдет с ума, если он не остановится.

— Камаль? — Произнесла она, как можно спокойнее и нежно, сидя за своим вот уже несколько часов столом и стараясь разобраться, что написано в бумагах.

— Да? — Он тут же поднялся со своего места на диване.

Джессика вздохнула и постаралась не закатить глаза.

— Тебе совсем не нужно оставаться здесь весь день. Они уже удвоили охрану как внутри, так и снаружи здания, и я должна сегодня участвовать только в одном мероприятии. Я быстро съезжу на Холм и встречу со спикером Палаты общин. Почему бы тебе не заняться своими делами, и вернуться сюда к восьми вечера на обед.

— Зачем тебе ехать на Холм? Он не может приехать к тебе.

Она вздохнула, желая оставаться такой же терпеливой с этим мужчиной.

— Это специальное приглашение. Сегодня — его десятый год пребывания в должности спикера, и он попросил меня присоединиться к его небольшому торжеству.

Камаль пробормотал что-то себе под нос.

— Камаль. — Она подошла к нему, взяла его лицо в свои ладони, заставляя его взглянуть в глаза. — Ты сведешь меня с ума, если не займешься своими собственными делами.

— Это письмо, опубликованное в *Times* носило настоящую угрозу, Джессика, — ответил он, обхватив ее за талию и притянув ближе. Она старалась не отвлекаться от своей цели, но от его прикосновений это было сложно сделать.

— И мы относимся к этому вполне серьезно. Но я все еще живой президент, и у меня много работы. Я не могу работать, когда ты весь день сидишь у меня в кабинете. Кроме той фотографии, когда поздно вечером ты заходишь в Белый дом прошлой ночью, никто не докопался, что у нас романтические отношения. Чем больше ты здесь торчишь, тем быстрее все всё поймут.

Он вздохнул и кивнул, а потом наклонился, прижимаясь к ней губами, вызывая у нее

всплеск тепла и покалывание по всему телу.

— Все утро я получаю информацию, касающуюся Аббаса и его связей с Братвой. Твои сотрудники готовы обсудить со мной этот вопрос?

— Конечно. Они сказали, что хотели бы с тобой встретиться. И если они отыщут хоть маломальское возможное нарушение в системе моей безопасности, я сказала Ванессе, чтобы мне немедленно сообщили об этом. Я попрошу ее назначить для тебя встречу с кем-нибудь из внутренней безопасности или Пентагона.

— Как насчет полковника Тибадо? Он мой близкий друг, как ты знаешь. Он больше всех соответствует твоим требованиям для этого разговора.

— Конечно, он очень подходит.

— Хорошо. — Он снова ее поцеловал, и она не могла сдержаться от улыбки. Он действовал ей на нервы, но в тоже время был таким очаровательным.

— Но я хочу поехать с тобой на Холм.

Она только приготовилась возразить, как он приложил палец к ее губам.

— Я не собираюсь заходить вместе с тобой в здание, только проехаться вместе в машине. От этого я буду чувствовать себя лучше, и это всего лишь поездка в машине, в лимузине с тонированными окнами. Никто не узнает, что я нахожусь там.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Хорошо. Я попрошу Ванессу подхватить тебя. Теперь, давай отправим тебя на обсуждение бардака, связанного с твоим лидером партии. Я бы хотела побыстрее выйти из круга, такого количества агентов службы безопасности, сосредоточенного вокруг меня.

— Итак, позвольте подытожить все, что нам известно, — начал Джефф, как только Камаль сел рядом с двумя директорами высшего эшелона национальной безопасности, а также с Ванессой. — Нам известно, что Братва занимается контрабандой наркотиков через компанию президента Аббаса, занимающуюся грузоперевозками, нам известно, что пули, которые были оставлены в Белом доме из стандартного оружия киллеров Братвы, и нам известно, что террористическая группировка, написавшая письмо в *New York Times* сегодня утром является одной из групп, которым Братва продает наркотики.

Камаль кивнул вместе с остальными в комнате.

— Но мы не можем точно ударить по Братве и не знаем, каким образом замешан отец г-на Масри, во всем этом, хотя думаем, что именно так? — Джефф посмотрел на Камалья.

— Мой отец оказывал на меня огромное давление, чтобы я прекратил заниматься переговорами, связанными с соглашением, он также вел совместный бизнес с Аббасом в течение многих лет. Он также есть на фото с Аббасом и высокопоставленным лидером из Братвы, сделанным недавно.

Джефф кивнул.

— Но сегодня утром у меня появилась дополнительная информация, поэтому я хотел встретиться с вами, — добавил Камаль. Он опустил телефон на стол перед Джеффом. — Передайте это другим, пока я буду говорить. Человек слева на этом фото — брат президента Аббаса, а человек, с которым он разговаривает, очень известный киллер Братвы, тот самый, который прибыл в Вашингтон за двенадцать часов до покушения на президента.

Джефф передал телефон.

— Когда это было снято?

Камаль улыбнулся.

— Тридцать шесть часов до покушения.

— И кто сделал, и как вы получили это фото? — спросила, прищурившись Ванесса.

— Я не знаю, кто сделал это фото, к сожалению, но на нем стоит метка времени и даты, поэтому вы можете проверить эти данные. Я получил это фото, потому что кто-то выставил его на продажу на сайте черного рынка, который специализируется на шпионаже артефактов и «пикантных подробностей».

— Ты его купил? — удивленно покачал головой Джефф.

— Нет. Один из моих людей связался с продавцом и объяснил ему, что если он не отдаст это фото, то правительство США слишком сильно на него разозлится, и в будущем ему придется пообщаться с определенными службами. — Камаль усмехнулся. — И это дало свои результаты. Фотограф понятия не имел, что он у него было на руках, просто подумал, что кто-то где-то заинтересуется встречей брата правительственного чиновника с известным киллером.

Ванесса повернулась к двоим из национальной безопасности, прежде чем передать телефон Камалю.

— Этой фотографии будет достаточно, чтобы сделать официальное заявление?

Старший из двух директоров положительно кивнул.

— Думаю, нам пора отправить кого-то в посольство в Каире и начать переговоры с парламентом. Они хотели получить доказательства, так сказал премьер-министр ночью, когда разговаривал с президентом Хэмптон, премьер-министр не был против расследования. Ему требовалось больше доказательств, чтобы прикрыть свою задницу.

— Да, и я не виню его, потому что когда премьер-министр столкнется с Аббасом, вещи приобретут уродливый характер, — произнес сотрудник внутренней безопасности.

— Да, — согласился Камаль. — И вы всегда можете обратиться ко мне, если вам потребуется любая внутренняя информация, как только все закрутится. Я могу предоставить вам ту информацию, которую вы явно не получите от своего посла в Каире и от ваших экспертов по Египту.

Ванесса кивнула.

— Да, президент высказала пожелание, чтобы господин Масри проявлял участие в этом вопросе на самом высоком уровне.

Двое директоров национальной безопасности посмотрели скептически, и Камаль почувствовал вспышку гнева, но Джефф еле заметно покачал головой. «Спокойно, парень», — как будто сказал ему.

— Я знаю, что *военные* были бы счастливы сотрудничать с вами господин Масри. Все, что может защитить наши интересы. Нам необходимо будет немедленно поставить дополнительную охрану в посольство США в Египте, и генералу стоит рассмотреть вопрос с вводе дополнительных войск в регион, для подавления любых возможных волнений из-за дестабилизации правительства.

Камаль глубоко вздохнул, испытывая горечь за свой народ. Стремление уйти в отставку и покинуть посольство, заботясь о безопасности Джессики и ведя свое собственное расследование, пытаясь уличить Аббаса и его дружков, отвлекли Камалю от вопроса, что он теперь был человеком без родины, оставивший свой собственный народ. У него заболело сердце, и он почувствовал чувство вины, которое ему же и навязали. Он мог не ощущать Египет своим домом, но он всегда будет ощущать себя египтянином, и последнее, что ему хотелось бы, поставить под удар свою нацию. Но он должен был признать, что если Аббас посмеет противостоять расследованию премьер-министра, вещи могут очень быстро стать

совсем нецивилизованными.

Послышался стук в дверь, а затем один из секретарей президента просунула голову, приоткрыв дверь.

— Господин Масри? Президент просила передать, что хотела бы отвезти вас на Холм.

— Да.

— Ее машина и водитель уже готовы.

— Спасибо, я уже иду.

Секретарь ушла, Камаль поднялся из-за стола.

— Я надеюсь, что вы все тщательно обсудите, прежде чем сделать первый шаг. Египет — страна, которая балансирует на грани разлада, и я бы не хотел увидеть там нарушение стабильности. Народ Египта не заслуживает раздора, ему и так достаточно пришлось пережить за последнее десятилетие.

Джефф кивнул, директора внутренней безопасности решительно согласился с ним.

— Ванесса, мне прислать вам эту фотографию вместе с информацией, которую мы получили, чтобы вы смогли ее раздать соответствующим сторонам?

— Да, — ответила она.

— Спасибо, — Камаль кивнул Джеффу и пожал руки двум другим, прежде чем покинуть комнату и в сопровождении агентов спецслужб отправился в Овальный кабинет, где президент надевала свой пиджак.

— Позволь я тебе помогу, — произнес Камаль, поспешив к Джессике.

— Спасибо, — улыбнулась она.

— На тебе это платье выглядит невероятно сексуальным, госпожа Президент, — тихо сказал он, поглядывая на двери, которые были открыты на крытую террасу, где ее поджидали агенты личной охраны и военные.

Она понимающе улыбнулась.

— Спасибо, мистер Масри.

Они направились к машине и скользнула на заднее сиденье, сотрудники службы безопасности сели в машины, окружающие ее лимузин спереди и сзади.

— Вы передали информацию внутренней службе безопасности и военным? — спросила Джессика, просматривая электронную почту у себя на телефоне, пока машина медленно вливалась в напряженное движения Вашингтона.

— Да, у них есть вся информация и... — он нажал отправить на своем телефоне, — теперь у них есть копия фотографии.

— Ванесса расскажет мне, когда я вернусь, но в общих словах был...?

— Настало время официально представить премьер-министру все парламенту.

Джессика кивнула.

— Хорошо. — Она вздохнула, потом повернулась к нему. — Мне очень жаль, что так все складывается. Я понимаю, что для тебя это очень тяжело.

Камаль наблюдал за памятниками достопримечательностей, меняющимися в окне, и вспоминал удивительные памятники и здания своей родины — пирамидам, развалинам Мемфиса и Фив, мечети Каира. И задавался вопросом, сможет ли он увидеть их когда-нибудь снова эти чудеса света, учитывая то, что он совершил. Он повернулся, взглянув на Джессику, в глазах которой застыли любовь и сочувствие. И понял, что несмотря на то, что он, наверное, еще долго будет оплакивать потерю своей родины, ее взгляд стоил того, чтобы сделать такой шаг.

— Это тяжело для меня, но я поступил правильно, и если бы мне пришлось опять встать перед выбором, я поступил бы точно также снова и снова.

Она кивнула и сжала его руку с нежностью, не сказав больше ни слова, слова были не нужны, они прекрасно могли понимать друг друга, общаясь через прикосновения.

— Мы на месте, мэ, — произнес водитель, как только машина подъехала к зданию Капитолия.

Питер сидел на переднем сиденье, поэтому вышел первым, подойдя к задней двери, открывая. Камаль вышел, ожидая, когда выйдет Джессика. Питер отошел на несколько шагов, давая Камалю пространство, другой агент личной охраны из машины позади направился к ним, Джессика выскользнула из машины, защищая свои глаза от солнца.

И тогда весь ад вырвался наружу.

— Стрелок! — прокричал агент на ступеньках Капитолия. Отточенные армейские рефлексy Камалья ту же взяли вверх, как и в саду Белого дома. Он находился в двух шагах от Джессики и голубем спикировал на нее, Питер пытался со своего места тоже дотянуться до нее. Камаль развернул ее спиной к себе, рукой прикрыв ей голову, и рванул на тротуар, Питер был с другой стороны.

Но когда среди криков агентов секретной службы раздался крик Джессики, Камаль почувствовал, как что-то разорвалось раздирающей болью у него в спине. Левая рука резко дернулась, и он не смог вдохнуть. Они упали на тротуар, Джессика была под ним, он почувствовал, что она изо всех сил пытается выбраться из-под него. Питер стоял над ними, говоря: «Держись! Остановитесь, госпожа Президент!»

Камаль попытался сказать Питеру, что что-то не так, но слова превратились в ужасное бульканье, и в этот момент он понял, что ранение очень плохое. Потом повсюду послышались голоса, бег ног, звук сирен, и его стали переворачивать на спину, и по телу резанула острая боль, а потом все побелело перед глазами.

— Госпожа Президент! — закричал Питер. — Вы ранены?

— Нет, — дрожащим голосом ответила Джессика, Камаль попытался утешить ее, но его руки налились свинцом, отказываясь повиноваться затуманенному разуму.

— На президенте кровь, — закричал кто-то.

— Мэм, мы должны осмотреть, не ранены...

А потом закричала Джессика:

— Камаль! Боже мой, Камаль.

Она обхватила его лицо своим нежными руками, и сквозь булавоочный просвет, Камаль увидел ее заплаканное лицо.

— Черт! Господин Масри ранен! — крикнул Питер. — Мэм, — мягко произнес Питер, стоя с Джессикой над Камалем. — Вам нужно вернуться в машину. Я позабочусь о нем, обещаю.

— Боже мой, Камаль, — зарыдала она.

— Мэм, — зашипел Питер. — Вы должны позволить мне все сделать.

Джессика кивнула, но слезы текли по ее лицу. Камаль снова попытался сказать ей, что все хорошо, но когда открыл рот показалась только медно-красная струйка жидкости, и Джессика зарыдала еще сильнее. Потом булавоочный просвет померк, и серое превратилось в густую темноту.

Джессика сидела в больнице уже семь часов. Камалья вывезли из операционной тридцать минут назад, но ей не дали с ним увидеться, отчего она готова была вот-вот

потерять рассудок. Личная охрана президента, когда привезли его, настояла, чтобы операция и послеоперационное лечение происходили в другом, пустующем крыле больницы Уолтера Рида. Она сидела в пустой комнате, ее сотрудники быстро приходили и уходили в течение нескольких часов, спрашивая по поводу официального заявления и сообщая новости о снайпере, которого поймали после покушения через несколько минут. И теперь Камалю вывезли из операционной, и честно говоря, если ей не дадут увидеть его в ближайшие пять минут, она собиралась воспользоваться своим статусом, заставив секретную службу решить эту проблему.

Дверь открылась, и Джессика вскочила на ноги, ее сердце стучало как ненормальное.

— Госпожа Президент? — вошел доктор, протягивая ей руку.

— Да. — Она пожала ему руку. — У вас есть новости?

— Да. Если вы пройдете со мной, я все вам сообщу по дороге, вы сможете увидеть мистера Масри.

— Большое спасибо, — ответила она, схватив свой пиджак со стула и последовав за доктором.

— Пуля вошла в спину мистера Масри, в дюйме слева от позвоночника, застряв в левом легком, от его сердца в нескольких дюймах.

Джессика проглотила желчь, которая подобралась к горлу.

— А если бы она задела сердце?

Доктор с грустью посмотрел на нее.

— Мы бы не говорили сейчас здесь. Вы увидели бы его в морге.

Она кивнула, поймав свой вдох в горле.

— Мы залатали легкое, плечо и спина заживут. Но мы не можем сказать, как пойдет восстановление. Он потерял огромное количество крови, и я буду говорить с вами откровенно, на операционном столе нам пришлось воспользоваться разрядом дефибриллятора, чтобы запустить его сердце. Его сердце испытывает огромные перегрузки.

Джессика остановилась перед дверью в палату Камалю, скрестив руки, дрожь колотила ее с головы до ног.

— Я надеюсь, что в ближайшие сорок восемь часов он придет в сознание, но если он не...

— Да, доктор. Если не...?

— Тогда он никогда не очнется. Мне очень жаль. Я не хочу давать вам ложную надежду. Его состояние критическое.

— Я понимаю, — ответила она, хотя совсем не понимала, как такое возможно, как совершенно здоровый человек в расцвете сил, стоящий рядом с ней несколько часов назад, сейчас вдруг может оказаться на пороге смерти. Шесть лет назад она тоже этого не понимала, когда пришла в морг в этой же самой больнице, чтобы опознать труп Джона, и теперь она тоже этого не понимала.

— У мистера Масри есть семья? — спросил доктор.

— Да, Госдеп их обязательно уведомит.

— Хорошо. В отсутствии семьи, вы или ваш представитель может оставаться с ним сколько хочет. Я всегда думаю, что присутствие родных помогает больным выздоравливать.

— Спасибо. — Она положила руку на дверную ручку и глубоко вздохнула перед тем, как войти в палату.

Внутри был полумрак, жалюзи закрыты, горел только ночник над головой кровати.

Камаль лежал с обнаженной грудью, окутанный проводами с датчиками. Через трубочки шел кислород в нос и какая-то жидкость в вены на руках.

Джессика тихо подошла к стулу рядом с его кроватью и села. Кто-то из ее аппарата принес ее одежду, и она была счастлива, почувствовав себя намного комфортней в своем спортивном президентском костюме.

Она протянула руку и неуверенно коснулась его руки. Ощувив его прохладную кожу под своими пальцами, она сломалась. Бесконечное ожидание, страх за свою жизнь, воспоминания о потере Джона — все это сдерживалось внутри семь часов, и ее, наконец, прорвало. Она обернула своими руками его руку, надеясь, что он почувствует ее тепло, склонила голову и заплакала.

Слезы горячие и тяжелые, она проливала за все потери в своей жизни, и за все, что еще могла потерять. Потому что Джессика знала, если ей не суждено получить то будущее, которое они решили создать с Камалем, она была уверена, что из этой потери выкарабкаться уже не сможет. Также, как она не отошла от потери Джона. Да, частично придя в себя, продолжая жить ради него в тусклых проходящих днях, работая в тандеме, чтобы показать всему миру, что Джессика Хэмптон полностью функционирует, сильная вдова, которая пошла дальше, добившись блестящего успеха в своей жизни.

Но Камаль, как и Фиона, разглядели ее другую сторону — ту, потерянную и не цельную, и только когда он очаровал Джессику, она позволила себе отпустить Джона и задуматься о реальной жизни. Камаль вернул ту Джессику, какой она и была, и ей понравилась та, кем она была, но также нравилось, кем она была рядом с ним.

— Джон, может показаться странным говорить с тобой об этом, — прошептала она в тишине комнаты, — но если кто-то способен сейчас понять меня, то это ты. Ты был здесь все эти годы, наблюдая, как я продолжаю жить и двигаюсь вперед. Ты знаешь, как сильно я тебя любила, и насколько твоя смерть разорвала мое сердце. Вот почему я надеюсь, что ты также увидел, что он сделал для меня.

— Я никогда не забуду тебя, моя любовь, но я хочу продолжить жить дальше, и он очень помогает мне в этом. Он сделал меня счастливой, какой я не была, когда ты ушел от меня. — Она замолчала и посмотрела в лицо Камалю, такое бледное на больничной подушке. — Я люблю его, и мне просто необходимо, чтобы он выкарабкался.

Аппараты издали звуковой сигнал, Джессика наклонилась и поцеловала один за другим все костяшки пальцев Камалю. Дверь очень тихо открылась, она даже не услышала, но полоска света из коридора прорезала темноту, заставив ее насторожиться от присутствия другого человека. Она быстро попыталась вытереть глаза.

— Госпожа Президент? — тихо произнес Дерек Эмброуз, подходя к кровати.

— Дерек. — Она попыталась встать и выглядеть настоящим президентом.

— Пожалуйста, — остановил он ее. — Не надо вставать.

Может из-за командного тона в его голосе или того факта, что она по-прежнему держалась за руку Камалю, или может от усталости эмоциональной и физической, но она медленно опустилась обратно на стул.

— Простите, что беспокою вас, но мне необходимо было увидеть его своими глазами.

— Конечно, поэтому я и позвонила тебе. Я рада, что ты пришел.

— Я был бы здесь раньше, но у нас был медовый месяц с Лондон. К счастью, мы уже забронировали рейс обратно в Нью-Йорк, так что быстро смогли перенести дату.

Он замолчал, приблизившись к кровати, между бровями у него залегла морщинка.

— Как он?

— Он с трудом перенес операцию. — Она почувствовала, что ее горло сжалось от этих слов. — Врачи говорят, что если он не очнется в ближайшие сорок восемь часов...

— Он очнется, — прервал ее Дерек. Она взглянула на него, потому его голос звучал с такой уверенностью. — Он один из самых сильных, самых упрямых людей, которых я когда-либо встречал. Если бы не он, я бы не стал тем, кем являюсь сегодня. Он неустанно подталкивает всех, кого любит, воплощать свои желания и мечты. Это сидит в его натуре, у него внутри — помогать другим раскрыть свой потенциал. Он особо не задумывался о своем статусе, только, когда может использовать его для помощи людям, о которых он постоянно заботился.

— Ради меня он пожертвовал всем.

— Да, — согласился Дерек, — пожертвовал, и он с радостью готов был пожертвовать и еще раз. — Он присел перед ней. — Мэм, вы мой президент, я не хочу вмешиваться, но вы должны знать, как много вы значите для него. — Он почесал затылок и смущенно произнес. — Не знаю, как правильно выразиться, но мне кажется он готов отдать за вас все, что угодно.

Слезы опять полились у нее из глаз, и Джессика даже не пыталась их как-то скрыть.

— Он снова спас мне жизнь. Его подстрелили, потому что он загородил меня собой. Он может умереть из-за меня.

Дерек схватил ее руку и крепко сжал.

— И он сделал бы это снова, даже зная, чем может все закончиться. — Он наклонился к кровати. — Пожалуйста, не вините себя за это. Он не хотел бы, чтобы вы винили себя. Он хочет, чтобы вы были счастливы, мэм. Счастливы и здоровы, и, если такое возможно, то с ним.

— Это единственное, чего я хочу.

— Хорошо, когда он придет в себя, вы оба сможете это осуществить.

Она шмыгнула носом и кивнула, он поднялся на ноги.

— Спасибо, Дерек.

— Не за что. Мне нужно поговорить с нашими друзьями, которые находятся в зале ожидания. Вы сообщите нам, как только что-нибудь изменится?

— Ты будешь первым, кому я сообщу новости.

— Спасибо. — Он выскользнул за дверь почти так же тихо, как и вошел, оставив Джессике надеяться на лучшее, наедине с мужчиной, которого она очень любила.

— Джесс, ты правда думаешь, что это мудрое решение? — спросила Фиона, несясь по коридору со скоростью света и стуча каблуками по полу плитки, как пулеметная очередь.

— Я тоже рада тебя видеть, сенатор, — ответила Джессика, разговаривая с Ванессой у палаты Камала. — Спасибо, я приду через десять минут на телеконференцию, — ответила она Ванессе, которая отскочила, как только Фиона остановилась перед президентом, уперев руки в бедра с приподнятой бровью.

— Ты хочешь сделать мобильный офис в больнице? Да?

Джессика скрестила руки на груди и решительно посмотрела на свою дерзкую подругу.

— Да, именно этим я сейчас и занимаюсь.

— Большинство в Конгрессе, на самом деле, очень обеспокоено твоим решением, Джесс. Ты не сможешь воспользоваться безопасными серверами связи здесь, и если вдруг наступит критическая ситуация в стране, ты будешь в пятнадцати минутах от Белого дома.

— Ради Бога, Фи. Несколько раз в году я выезжаю за границу. Насколько далеко я тогда нахожусь от Белого дома? Скажи своим неугомонным нервным дурочкам в Конгрессе, что все под контролем. Я просто переехала в здание на другой улице, а не в другую страну.

— Это намного больше, чем просто переезд, и ты знаешь об этом, — спокойно произнесла Фиона.

Джессика прошла по коридору и села, приглашая Фиону присоединиться к ней на скамейке.

— Я знаю, что мое решение намного больше, Фи, и я понимаю их беспокойство, но меня это сейчас мало волнует. Я не хочу больше беспокоиться об общественном мнении. Человек, которого я люблю, пожертвовал всем ради меня, и он на больничной койке... — Она с трудом сглотнула. — И я не оставлю его здесь одного. И когда он откроет глаза, я хочу быть рядом с ним. Я хочу, чтобы первым кого он увидел, было мое лицо. И если, не дай Бог, он этого не сделает... я хочу, чтобы мой голос был последним, кого он услышал. — Она глубоко вздохнула. — Я не была рядом с Джоном, когда он умирал. Теперь я не откажусь от Камалю, когда у меня есть выбор быть рядом с ним.

На лице Фионы за считанные секунды отразились различные эмоции, а потом она обняла свою давнюю подругу своими крепкими объятиями.

— О, Джесс. Мне очень жаль. Я не подумала об этом. Я услышала очередные сплетни и тут же прилетела сюда. Конечно, это единственное место, где тебе стоит находиться. Чем я могу помочь?

Джессика отстранилась, почувствовав любовь, которой наполняла ее лучшая подруга, согревая с ног до головы.

— Спасибо. Ты очень поможешь мне, если успокоишь тех стариков на Холме. Мне только сейчас не хватало истерики с их стороны. Я буду здесь и никуда не уйду.

— Конечно, я сразу же займусь этим. — Фиона остановилась и посмотрела в сторону двери. — Как он?

— Без изменений. Прошло двадцать два часа. Доктор сказал, что сорок восемь — это критический момент. Но будет ли сорок восемь или семьдесят два, или даже пятьсот часов, я не откажусь от него, Фи.

Фиона схватила руку Джессики.

— Нет, не откажешься, и я тоже. Я буду с тобой, Джесс. Он вернется к тебе.

— Спасибо.

Когда Фиона полетела назад по коридору с такой же скоростью, как и появилась, Джессика открыла дверь в палату Камалю и медленно вошла внутрь.

— Знаешь, — произнесла она, подойдя к его кровати и проведя по его лицу. — Ты уже отдыхаешь почти двадцать четыре часа. Думаю, пришло время вернуться в седло — это одна из техасских поговорок Фионы. — Она подошла к окну с закрытыми шторами. — Нет смысла вот так лежать, как будто ты болен, потому что ты не болен. Ты устал, да, но твоя жизненная сила исцелит легкое, но ты не болен. — Она открыла шторы, напомнив комнату светом. Затем вернулась к кровати Камалю, нажав кнопку, чтобы отрегулировать кровать в другое положение.

— Теперь, мне кажется странным, что я не знаю, какая музыка тебе нравится. Все эти месяцы, которые мы провели вместе, мы так и не успели посмотреть фильмы и сходить на концерт. — Она наклонилась и поцеловала его в щеку, прошептав на ухо, — мы исправимся, как только ты поправишься.

Она вытащила мобильный телефон из кармана и положила его на передвижной столик рядом с кроватью.

— Итак, тебе придется послушать мой плейлист. Мне нужно пойти на телеконференцию, но я попрошу Питера посидеть с тобой, пока меня не будет. И если ты проснешься, он немедленно сообщит мне. — Она нажала Play на телефоне, и голос Меган Трейнор «Нет» заполнил комнату. Она наклонилась, оставив поцелуй у него на лбу. — Возможно, не знаю, какая музыка тебе нравится, но я могу гарантировать, что ты возненавидишь мою. Надеюсь, ты возненавидишь ее до такой степени, что очнешься.

— Ни слова о музыке, Питер, — сказала Джессика, проходя мимо.

Питер покачал головой, ухмыляясь.

— Да, мэм.

— И дай мне знать, если он вдруг задержится.

— Конечно, мэм.

Джессика прошла по коридору в другую комнату, где всю команду ее персонал. Комната заполнялась ноутбуками, ИТ-оборудованием, телефонами, белыми досками с маркерами, здесь были два секретаря, Ванесса и несколько агентов личной охраны президента.

— Я сейчас перевожу ваши звонки, мэм, — сказала Ванесса.

— Прекрасно. Не могли бы вы на пару минут оставить нас, пожалуйста.

Секретари и агенты спецслужбы немедленно прекратили свои занятия и вышли за дверь.

— Мне просто любопытно, куда они направляются, когда я их вот так выгоняю? — спросила Джессика, надевая гарнитуру необходимую для телеконференции.

Ванесса пожала плечами.

В коридор.

— О, дорогая. Это ужасно. Возможно, нам понадобятся еще кабинеты. Один для персонала, и отдельный для меня, чтобы я могла работать.

— Ну, мэм, я надеялась, что эта ситуация займет не больше суток. Возможно завтра днем, мы сможем что-то сделать?

— Хорошо, и убедись, пожалуйста, что все могут перекусить и выпить кофе, воды и т. д., своего рода компенсация за то, что им приходится сидеть в коридоре и работать в другом месте.

— Мне кажется, что некоторые уже нашли другие способы компенсации.

Джессика приподняла бровь.

— И какие например?

— Ну, агент Васкез и Тереза, кажется, подружились.

— Энни и Тереза? Они не похожи на... Ой. *Подружились?*

— Да, мэм.

— Ну, тогда я буду чаще просить их покинуть кабинет. Энни нужен человек, который может заставить ее улыбаться. Я одобряю. — Она подмигнула засмеявшейся Ванессе.

— Хорошо, давай начнем пресс-колл.

Ванесса щелкнула по ссылке, и на экране появилась комната в Белом доме, за столом сидели военные и сотрудники службы национальной безопасности.

— Всем добрый день.

Послышался гул голосов:

— Добрый день, госпожа Президент.

Джессика сидела, положив локти на столе, внимательно наблюдая за экраном.

— Расскажите мне о человеке, который стрелял вчера.

— Андрей Ворчевский, он согласился сотрудничать.

Джессика глубоко вздохнула.

— Полагаю, ваши методы остались в рамках протокола Женевской конвенции, полковник?

— Конечно, мэм. Похоже, что господин Ворчевский оказался не настолько лоялен к Братве, как они надеялись. И когда мы предоставили ему выбор провести оставшиеся дни в Гуантанамо или в Ливенворте^[3], он тут же согласился сотрудничать.

— Я даже не сомневаюсь, — пробормотала Джессика. Она ненавидела тюрьму в Гуантанамо, но так и не получала поддержки со стороны военных, желая ее закрыть.

— Госпожа Президент, Ворчевский назвал нам имя предыдущего снайпера, а также подтвердил, что фотография, которую нам передал господин Масри, настоящая. Брат президента Аббаса действовал от его имени, встречаясь с Братвой. Господин Ворчевский присутствовал несколько раз, когда Братва встречалась с братом Аббаса. Но он сказал, что приказ ему вчера поступил непосредственно от самого президента Аббаса. Он также сообщил нам, что Братва начала переговоры об использовании судоходной компании «Аббас» для перевозки наркотиков в апреле прошлого года.

— И у нас уже имеются данные о первом снайпере, я полагаю?

— Да, мэм. Страны НАТО предоставили нам все подробности о личности снайпера, и наши тайные агенты, которых вы послали проникнуть в Братву, готовы начать охоту на этого парня внутри организации. Мы подозреваем, что он залег на дно после покушения, но теперь, когда знаем, кого ищем, мы найдем его.

— Спасибо, полковник. Теперь, госпожа Госсекретарь. — Она обратила свой взгляд на госсекретаря. — Нам необходимо передать последнюю информацию премьер-министру Египта. Можем ли мы заставить их предоставить нам юрисдикцию арестовать Аббаса и привезти его сюда для суда?

Госсекретарь посмотрела на Джессику и закатала глаза.

— Госпожа Президент, — начала она с сильным акцентом Новой Англии. — Вы знаете, что это невозможно.

Она улыбнулась ей через экран монитора.

— Да, но почему бы не начать на амбициозной ноте?

— Возвращаясь к реальности, мэм...

Джессика тихо рассмеялась. Ей нравилось раздражать своего министра иностранных дел.

— Премьер-министр Египта ждет нашего звонка со вчерашнего дня. У нас не было ранее возможности предоставить ему фотографию Братвы с братом Аббаса, но сейчас мы готовы предоставить ему гораздо больше, чем только это...

— Расскажите мне свой план.

— Я предоставлю информацию премьер-министру с просьбой немедленно отстранить Аббаса от власти, пока египтяне будут вести свое собственное расследование. Я также буду просить, чтобы счета компаний Аббаса были заморожены, а также паспорт брата президента был аннулирован, чтобы он не смог сбежать из страны.

Джессика вздохнула. Ей оставалось только надеяться, что все это не приведет Египет к

борьбе за власть и не вылиться в беспорядки на улицах. Ей необходим был совет Камалая в данный момент. Но приходилось надеяться на опыт своих специалистов и на лучшее, готовясь к самому худшему.

— А военные? — поинтересовалась она.

— Мы уже выдвинули дополнительные войска в регион, мэм, — ответил генерал.

— И охрана посольства усилена в два раза, и мы разослали сообщение быть более бдительным американцам, живущим или путешествующим по Египту, — добавила госсекретарь.

— Хорошо. Спасибо всем. Я надеюсь вернуться в Белый дом завтра, и прошу вас держать меня в курсе дела каждый час через Ванессу.

Все в комнате на экране начали собирать свои бумаги со стола, палец Джессики завис над кнопкой разъединения, но Ванесса остановила ее:

— Мэм. полковник Тибадо хотел бы поговорить с вами, когда все уйдут.

— Конечно. — Она подождала, когда остался один Джефф за пустым столом в зале конференции.

— Госпожа Президент, — сказал он. — Как он?

— Также. — Она не знала, что еще сказать и, честно говоря, у нее не хватало сил что-либо добавить.

— Могу я увидеть его сегодня вечером?

— Конечно, полковник. Мистер Эмброуз приходил два раза и мистер Робертс тоже. Все друзья Камалая могут навещать его. Думаю, вы все помогаете ему выздоравливать.

— Спасибо. — Полковник, казалось, задумался на мгновение, затем прочистил горло и продолжил:

— Должен признаться вам, мэм, что я не питал особых надежд, когда узнал о ваших отношениях с Камалем.

Джессика фыркнула горьким смешком.

— Я не предполагала, что вы знали.

— Питер — мой хороший друг, мэм. Первоначально он очень беспокоился о надежности Камалая, поэтому и пришел ко мне, желая проверить его.

— Понятно. Оказывается, агенты моей личной охраны не настолько конфиденциальны, как мне казалось.

— Он просто выполнял свою работу, я так думаю.

— Мммм.

Джефф почесал коротко подстриженные волосы, очевидно понимая, что только что бросил своего друга под автобус.

— Расслабьтесь, полковник. Я не собираюсь увольнять Питера.

— Спасибо. Я просто хотел, чтобы вы знали, что меня волнуют отношения со всех сторон, и я наблюдал за вами двумя последние несколько месяцев, и должен сказать, что у меня появилась надежда — у вас все получится.

— Спасибо, полковник.

— Да, мэм.

Джессика тоже надеялась, что у них все получится потому что, если у них не получится, она не знала, что будет делать со своей жизнью.

Джессика вздрогнула, стукнув локтем о кресло, в котором заснула. Аппараты звонили, гудели и визжали не переставая. Ее сердце застряло где-то в горле, пока проходило

помутнение от сна.

Ее глаза широко открылись, выискивая лежащую ничком фигуру Камалю в затемненной комнате. Его мониторы жужжали и пищали, и первое, на чем завис взгляд Джессики, на устойчивой зеленой линии, которая шла по большому экрану, стоящего рядом с его кроватью.

— Камаль? — Она схватила его за плечи и немного потрянула. — Камаль! Нет! Нет, нет, нет. Помогите! — Закричала она, продолжая трясти, касаясь руками лица, шеи, пытаюсь нащупать пульс.

Агенты из ее личной охраны взорвался в комнату, за ними попятам спешил медперсонал.

— Уберите президента отсюда! — Заорал Питер, как только промчался мимо кровати Камалю, осматривая каждый уголок больничной палаты и ванной комнаты.

— Нет! — кричала Джессика, как только другие агенты начали выводить ее из комнаты. Врачи и медсестры сорвали датчики с груди Камалю, придав кровати вертикальное положение. И начали давить со всей силы на грудь, и она поняла, что он умирает. Он умирает и собирается оставить ее также, как и Джон, и ее мир тогда никогда не будет прежним.

Она боролась с рыданиями из последних сил, но агенты ее личной охраны были обучены ко всему, и они были сильными, и их было двое, и через несколько секунд они окружили ее в коридоре, поддерживая, пока она опустила подбородок одному из них на грудь и не зарыдала.

— Почему бы вам не присесть, мэм, — сказала агент Васкез, подведя Джессику к скамейке в коридоре, на которой всего несколько часов назад она сидела с Фионой.

Джессика сидела, обхватив себя руками, стараясь успокоиться, но слезы, бл*дь, не желали останавливаться.

Агент Васкез положила ей руку на спину, похлопывая и потирая.

— Сохраняйте веру, мэм. Он сильный, здоровый мужчина. Самые лучшие врачи в стране готовы ему помочь.

Джессика посмотрела на нее и улыбнулась сквозь слезы.

— Поверьте мне, некоторые глубокие раны они не в состоянии излечить.

Прошло пятнадцать минут — пятнадцать мучительных, душераздирающих, удушающих минут, пока не появился измученный врач с мрачным видом.

Джессика прикрыла рот рукой, чтобы сдержать крик боли, который застрял у нее в горле.

— Мадам Президент, — произнес доктор, подойдя к Джессике.

— Он...?

— Сердце мистера Масри остановилось, но сейчас снова сохраняет устойчивый ритм, хотя вернуть его было нелегко, и я не знаю, как долго это продлится.

— Что это значит?

Доктор вздохнул.

— Похоже, у него появилась инфекция в окологердечной сумке. Жидкость скапливалась и давила на сердце. Мы вставили иглу и удалили жидкость. Теперь вводим очень мощные антибиотики, но я не могу обещать, что они быстро исправят положение.

Голос Джессики был таким же хриплым, как наждачная бумага, когда она произнесла:

— А если не исправят?

Доктор посмотрел на нее грустными глазами.

— Жидкость снова будет накапливаться, а значит все труднее будет ее откачивать. Давление жидкости и ее отток заставили сердце напрягаться, хотя оно и так уже ослабло. Наши возможности уменьшаются.

Джессика кивнула, врач развернулся и двинулся в противоположную сторону по коридору. Она вернулась на свое место рядом с агентом Васкез.

— Мэм? Госпожа Президент. — Ванесса неслась по коридору в спортивных штанах и теннисных туфлях. — Простите, я находилась в той стороне крыла. Питер прислал мне смс. Я прибежала, как только смогла.

Джессика кивнула, и агент Васкез удалилась, Ванесса села на ее место.

— Расскажите мне, что происходит, — тихо попросила Ванесса.

Джессика прочистила горло, а потом только начала говорить:

— У него инфекция в сердце. Или вокруг сердца, похоже так. Они назначили ему антибиотики, которые могут помочь, но они не уверены помогут ли. — Она посмотрела на своего начальника штаба, которая, ей стоило в этом признаться, что она так запоздало это поняла — Ванесса тоже стала для нее другом. — Если это не сработает, то они ничем больше помочь не смогут.

Ванесса сказала, борясь со слезами:

— Вы не должны переставать верить... надеяться. Вы должны помогать ему бороться.

Джессика кивнула.

— У меня не было шанса побороться за Джона. — Она задумалась на мгновение. — Может поэтому я и продолжала жить его надеждами и мечтами вместо него. Я чувствовала себя такой виноватой, что я не смогла за него побороться.

— Сейчас все совсем не так, — мягко произнесла Ванесса.

— Нет, нет, конечно, не так. Может это мой шанс, и лучше мне использовать его с умом, не так ли?

И Джессика поняла, что должна сделать.

— Не могли бы ты, пожалуйста, организовать пресс-конференцию утром?

— Конечно. Какая тема? Я позвоню пресс-секретарю, чтобы он подготовился.

Джессика отрицательно покачала головой.

— В этом нет необходимости. Я буду выступать сама. Конференция будет короткой, не более десяти минут. Я не буду отвечать на вопросы, только сделаю заявление.

Глаза Ванессы расширились.

— Эм... вы не хотите намекнуть, к чему нам готовиться?

Джессика вытерла слезы с глаз.

— Нет. Вы никак не сможете к этому подготовиться, это правда. Просто организуй пресс-конференцию и расслабься. Вы все сделали отличную работу. Теперь пришло время сделать мне свою.

Утром вся комната была заполнена прессой. Пресса не привыкли к объявлению пресс-конференции, тема которой не указывалась, поэтому напряжение в комнате было высоким.

— Вы готовы, мэ, чтобы я объявила вас? — спросил пресс-секретарь.

Джессика еще раз провела рукой по белому брючному костюму, разглаживая невидимые складки, а потом кивнула.

— Да, давайте сделаем это.

Фиона следила за ней обеспокоенным взглядом.

— Почему я чувствую, что твое заявление вызовет у меня беспокойство? — спросила она.

— Ты даже не знаешь, что я скажу.

Фиона положила руку на плечо Джессики.

— Я знаю, если бы это была обычная вещь, ты бы сказала мне. Джесс, ты уверена?

Прежде чем она смогла ответить, голос пресс-секретаря зазвучал в микрофон:

— Дамы и господа, Президент Соединенных Штатов Америки.

Джессика улыбнулась и подмигнула Фионе, оставив ее со своей тревогой.

Стоя на трибуне, она глубоко вздохнула, а потом время словно замедлилось на мгновение, и она почувствовала присутствие Джона впервые за столько лет.

Она наслаждалась этим ощущением, которое разливалось по ней теплом и комфортом, и она поняла, что может сделать что угодно, быть кем угодно, теперь пришло ее время показать народу что за женщина их президент. Пришло время показать им настоящую женщину Джессику.

— Спасибо, что так быстро собрались, — начала она. — Как вы знаете, за последние сорок восемь часов произошли ряд событий. И я понимаю, что все размышляли о том, почему мистер Масри опять оказался со мной, когда выстрелил снайпер, а также о том, почему я не выхожу из больницы, фактически управляя страной от сюда.

Послышались вспышки фотоаппаратов, жужжали телекамеры, и она видела журналистов уже повскакавших со своих мест, готовых завалить ее вопросами, как только она сделает свое заявление.

— Вы все знаете, что господин Масри предоставил информацию США по поводу первого покушения, произошедшего в Белом доме. Мой пресс-секретарь сообщит вам все подробности, как только я закончу. Но я хочу рассказать о другом. Мистер Масри и я тесно сотрудничали в течение нескольких месяцев, подготавливая Соглашение тысячелетия по Ближнему Востоку. Во время нашей работы мы узнали друг друга намного больше, наши отношения развивались.

Послышались вздохи и гул голосов в комнате, прошедший словно электрическая волна.

— Наши отношения носят личный характер. — Она улыбнулась. — Думаю, вы можете назвать их — мы встречаемся.

Камеры мигали в два раза быстрее, а журналисты начали кричать, задавая свои вопросы, да так громко, что Джессика не могла их перекрыть. Она молча вопросительно приподняла одну бровь и стала ждать, пока все успокоится. Через несколько минут, когда прессе стало ясно, что она не собирается отвечать на их вопросы и не будет продолжать, крики прекратились.

— Спасибо. Я не буду отвечать на вопросы, но я скажу вам вот что. Поскольку мистер Масри и я встречаемся, безопасность Соединенных Штатов ни разу не ставилась под угрозу. Мы обсуждали соглашение, ход расследования покушения и вещи личного характера, ничего кроме этого. Когда мистер Масри получил информацию, связанную с покушением, он был вынужден сделать выбор между своим постом — посла Египта в США и моралью — моей безопасностью и безопасностью Соединенных Штатов. Он выбрал благополучие Америки и мое... и, так получилось, что он вынужден был отказаться от своего поста и своей страны.

— Как вам и сообщали, мистер Масри все еще находится в критическом состоянии. Я буду оставаться рядом с ним также, как он все это время находился рядом со мной.

Затем Джессика Хэмптон, сорок пятый президент Соединенных Штатов, развернулась и покинула комнату с прессой.

Был пятый день, уже прошли сорок восемь часов, которые были так важны, истек срок, когда антибиотики должны были начать действовать, уже наступил момент, когда стало нецелесообразно управлять страной из мобильного офиса в больнице, а Джессика все оставалась у кровати Камалю, который до сих пор не пришел в сознание.

— Госпожа Президент? — произнес Дерек Эмброуз, проскользнув в палату.

— Дерек. — Она встала и подошла к нему, обняв. Он приходил каждый день, и другие друзья Камалю приходили хотя бы раз каждый день в разное время суток.

— Садись. Могу я попросить персонал принести тебе что-нибудь?

Дерек пригладил свой воротник рубашки, не заняв место, которое она ему предложила.

— Нет, спасибо, мэм. Вообще-то, я здесь, чтобы с вами поговорить.

— Хорошо. Чем я могу тебе помочь?

— Ванесса попросила, чтобы я пришел.

Джессика с любопытством посмотрела на него.

— Она обеспокоится о вас, мэм. — Он откашлялся. — Вы сбросили бомбу о своих отношениях с Камалем на прессу и весь мир, и с тех пор вы недоступны. Пресса сходит с ума, оппозиция в Конгрессе готовится выступить, разглагольствуя о национальной безопасности и угрожает вам импичментом. А ваши сотрудники ощущают себя заброшенными.

Она с силой сжала зубы, подавляя разочарование.

— Я не оставлю его.

Он посмотрел на молчаливую фигуру Камалю, лежащую на белоснежных больничных простынях.

— Он не ожидал... не хотел бы видеть того, что вы делаете. — Он повернулся и открыто встретился с ней взглядом. — Он никогда не захотел бы, чтобы вы поставили под угрозу свою страну и свою работу, сидя у его кровати.

Джессика опустила глаза на пол, ее сердце болело, так сильно болело, что она подумала, наверное, сейчас лопнет в груди. Она боролась, она хотела достучаться до Камалю, и ей не хотелось оставлять его ни на минуту.

— Целых шесть лет я делала только то, что другие ожидали от меня. Я делала то, что сделал бы Джон Хэмптон. Я больше не могу и не хочу быть той женщиной. Я люблю его. — Она положила руку на голову Камалю, поглаживая шелковистые волосы, которые упали ему на лоб. — Я не могу оставить его здесь одного.

Дерек подошел ближе и взял ее за руку.

— И не надо. Я останусь. Чтобы ни случилось, я останусь. Я был рядом с ним с тех пор

как нам исполнилось восемнадцать, и я не оставлю его одного.

Она упорно отрицательно покачала головой, уставившись в пол перед собой.

— Госпожа Президент, вы, возможно, начали этот путь, потому что люди ожидали, что вы пойдете по стопам сенатора Хэмптона, но вы — президент, а не он. Вы говорили с миллионами людей на выборах, и вы сказали им, что могли бы сделать для них. Это вы получили сердца всего мира и сокрушили предубеждения, что женщина может и не может делать в политике в этой стране. — Он замолчал, отпустив ее руку и наклонившись к перилам кровати Камалья. — Это вы встали перед всем миром пару дней назад и заявили, что вы не только их президент, но женщина из плоти и крови, которая любит и любима, не испытывающая стыда, чтобы признаться в этом.

Взгляд Джессики не оставлял его.

— Вы больше не вдова Джона Хэмптона. Вы президент Соединенных Штатов, и ваша нация нуждается в вас.

Его слова были сильными, но его тон был нежным, и она понимала, что он прав. Она знала, что независимо от того, почему она оказалась в кресле президента, она по-прежнему оставалась их президентом, и ее народ нуждался в ней также, как и Камаль.

— Ты не оставишь его? — спросила она, сверкнув глазами.

— Нет. Я говорил с Лондоном. Она знает, что мне нужно остаться с ним, поскольку его семья отказывается приезжать в США. Сколько бы времени не потребовалось я буду здесь.

Она кивнула, хотя тысячи крошечных иголок впились ей в грудь, прокалывая столько раз, что исцелиться будет невозможно.

— Ты позвонишь, если что-нибудь изменится, любые изменения...

— Да. Сразу же.

Она вздохнула, переведя взгляд на бледное лицо, как маска, Камалья.

— Я оставлю вас на минутку, — произнес Дерек. — Я буду прямо за дверью.

Она кивнула с благодарностью, и когда дверь за ним закрылась, она опустила перила кровати, точно так же, как она делала каждую ночь с тех пор, как он попал сюда, прилегла рядом с ним, положив голову ему на плечо и обхватив рукой его упругую талию. И нежно поцеловала его в щеку.

— Прости, любовь моя. Мне нужно ненадолго уйти. — Она тихо рассмеялась. — Я нужна своим детям. Ты же знаешь, их нельзя слишком долго оставлять одних. — Она поцеловала его снова, как можно ближе прижавшись к нему, стараясь не задеть его трубки, провода и датчика.

— Дерек побудет здесь с тобой, и как только ты проснешься, я вернусь очень быстро, ты даже не узнаешь, что меня не было. — Потом она уперлась на локоть, положив на руку голову и внимательно посмотрела на него, проводя по подбородку, на котором сейчас появилась значительная борода. — Камаль. Мне нужно, чтобы ты пришел в себя. Мне нужно, чтобы ты вернулся ко мне. Я знаю, что все смогу сделать сама, но больше не хочу. Я хочу быть с тобой. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной, я хочу идти с тобой по жизни вместе. Я люблю тебя, и я не хочу жить без тебя.

Она оставила на его губах последний нежный поцелуй, затем поднялась с кровати, осторожно подняла перила на место и выпрямилась. Подойдя к двери, она не стала оглядываться, просто открыла дверь, кивнула Дереку, а затем сказала Ванессе:

— Пожалуйста, скажите сотрудникам, что мы возвращаемся в Белый дом. Мне нужно сделать свою работу.

— Хорошо, госпожа Президент, у нас все готово, сигнал установлен. У вас пять, четыре, три, два и один!

Джессика сидела за столом Овального кабинета, тепло улыбаясь в объектив камеры, транслирующей ее по всем крупным каналам на всю страну.

— Добрый вечер и спасибо, что оторвались от ваших личных дел, работы и семьи, чтобы выслушать мое обращение.

Ванесса обнадеживающе улыбнулась, и краем глаза Джессика заметила, как ее пресс-секретарь лихорадочно строчила смс-ку на телефоне.

— Прошла уже почти неделя с тех пор, как Андрей Ворчевский, член Братвы — русской мафии, пытался меня убить, а вместо этого серьезно ранил господина Масри. Я знаю, что вы все слышали мое заявление, что господин Масри и я состоим в определенных отношениях. На сегодняшний день мистер Масри все еще без сознания находится в больнице, и мы все молимся о его полном выздоровлении. — Она остановилась, с трудом сглотнув. — Я больше всего.

— Я хочу, чтобы у американского народа была полная информация, которую мы готовы предоставить вам в отношении покушения и участия Братвы, а также участия определенных группировок, находящихся внутри Египта. Примерно час назад египетские военные арестовали президента Египта Аббаса за его участие в торговле наркотиками на Ближнем Востоке и в сговоре с Братвой. Президент Аббас и Братва воспользовались лазейками, существующими в торговом законодательстве страны, чтобы перевозить контрабандой наркотики под видом продовольственной помощи. Братва поставляла наркотики, а компании грузоперевозок Аббаса обеспечивали транспортировку.

— Когда египетский парламент поручил послу Масри вести переговоры по Соглашению тысячелетия, они не предполагали, что некоторые наши действия вскроют эти лазейки, через которые Братва поставляла наркотики, и естественно, ликвидируют их, как только соглашение вступит в силу. Президент Аббас пытался заставить господина Масри отказаться от переговоров, но мистер Масри, будучи предан своему египетскому народу, отказал президенту, сказав, что вести эти переговоры ему доверил парламент.

Свет камеры продолжал мигать, и Джессика вздохнула.

— Этим и объясняются покушения Братвы на мою жизнь. Они предполагали, что если меня убрать, то последующий за этим национальный кризис и хаос подорвут переговоры по соглашению окончательно. Однако, как вы уже знаете, мистер Масри и его группа, занимающаяся следствием, смогли связать все точки, ведущие от президента Аббаса к Братве с попыткой покушения на жизнь президента. Поэтому он подал в отставку, отказался от гражданства и попросил убежище. Затем, несколько дней спустя, произошло еще одно покушение на мою жизнь, и мистер Масри был ранен.

Из глубины комнаты послышался короткий вздох, и Джессике пришлось напомнить себе, что ей не следует блуждать взглядом по комнате, находясь перед объективом камеры.

— Мы передали премьер-министру Египта информацию, собранную господином Масри и наши собственные развед данные несколько дней назад. Он пообещал сообщить все своему парламенту, и сегодня с одобрения парламента он поручил правоохранительным органам арестовать президента Аббаса. Положение в стране стабильное, наше посольство находится в полной безопасности, как и любые американские граждане, путешествующие по этому региону, и мы работаем с премьер-министром и парламентом, чтобы стабильность сохранялась и впредь.

— Теперь вы знаете всю правду, и я надеюсь, что вы понимаете, что попытки покушения на меня, никогда не имели под собой угрозы нашей нации в целом. Это были попытки слишком много возомнивших о себе преступников не допустить лишиться своих доходов, не более. Я также надеюсь, что вы не будете винить народ Египта или избранных им должностных лиц за действия одного человека. Египет — наш друг, и, прошу вас не забывать, что господин Масри египтянин по происхождению, который и защитил меня своим телом.

— И, наконец, я хочу сказать пару слов о моих отношениях с господином Масри. Когда я встала на этот пост президента, я понимала, что все мои действия и слова будут рассматриваться исключительно, как президента, управляющего страной. Я не легкомысленно впала в отношения с мистером Масри, и я никогда не стала бы рисковать безопасностью своей страны и нации из-за дружбы с мужчиной.

— Однако, пока я ваш президент, а я тоже человек, и имею право на дружбу, отношения, любовь так же, как и каждый из вас. Для тех, кто сомневается в моей морали, судит о моем личном поведении или делает замечания о моей компетентности... как президента, хочу сказать не стоит утруждаться. Если кто-то из членов Конгресса верит, что я поставила свою страну под угрозу, я готова всячески сотрудничать с ними, если они начнут расследование моих отношений с господином Масри. До этого времени я благодарна Конгрессу за то, что он остался в стороне от моей личной жизни и сосредоточился на более важных вопросах, касающихся страны и мира в целом.

— Спасибо, что выслушали меня. Господи благослови Соединенные Штаты Америки, и Господи благослови каждого из вас.

Камеру выключили, кто-то крикнул: «Снято!» И послышались сначала робкие, а потом все громче аплодисменты и не только в Овальном кабинете, но и по всей стране.

— Твоя девушка вчера устроила настоящее шоу, — произнес Дерек, сидя у кровати Камалая. — Она защищала тебя, сказала стране, что беспокоится о безопасности страны также, как и каждый из них, укрепила отношения с Египтом, и в конце не согласным с ней показала «фак». — Он усмехнулся. — Это было довольно-таки впечатляюще.

— О чем... ты... говоришь...? — просипел Камаль, голос у него звучал так, будто ему напихали в рот песка.

Дерек выскочил с места.

— Черт! Святое дерьмо! Ты очнулся! — Он неоднократно стал нажимать на кнопку на столе рядом с кроватью.

Глаза Камала открылись, и он посмотрел на своего друга... своего упертого, растерянного, готового расплакаться друга в данный момент.

— Что... с тобой... случилось? — прохрипел он.

Дерек глядел на него, улыбаясь, как сумасшедший.

— Господи, мужик, ты был без сознания восемь дней.

— Как...?

— Тебя подстрелили. Ты помнишь?

Сердце Камала чуть не выпрыгнуло из груди, когда он все вспомнил.

— Джессика... — Он изо всех сил постарался сесть. Ему необходимо было увидеть ее как можно скорее, и выяснить все ли с ней в порядке.

— Подождите, мистер Масри, — сказал доктор, входя в палату и останавливаясь у его постели, она внимательно изучила все окружающие его экраны мониторов. — Вам не стоит волноваться, пока я не пойму ваше состояние.

— Джессика... — снова прохрипел он, с отчаянием взглянув на Дерека.

— С ней все хорошо. Ты прикрыл ее. Она совершенно в полном порядке, — заверил его Дерек.

— Я хочу...

— Не волнуйся, я уже звоню ей. — Дерек набирал что-то на телефоне, потом показал ему экран и приложил телефон к уху. — Ванесса? Это Дерек Эмброуз. Передай президенту, что он очнулся.

Джессика стучала каблуками по плиточному полу больницы, несясь по коридору, агенты личной охраны с двух сторон бежали рядом с ней.

— Мэм, вы в конец убьете эти чертовы туфли, — выдал Питер рядом. — Он никуда не денется.

Она проигнорировала его замечание, ее сердце готово было вырваться из груди. Она завернула за угол в последний коридор и почувствовала, как одна туфля вот-вот соскочит, поэтому притормозила, чтобы поправить ее и продолжила свой бег.

— Господи Иисусе, — услышала она бормотание Питера.

Когда она, наконец, добралась до двери, остановилась тяжело дыша.

— Я войду одна, — сказала она Питеру и другим агентам, ожидающим за спиной.

— Позвольте мне хотя бы сначала проверить комнату, мэм, а потом я выйду.

— Нет. Мистер Эмброуз находится внутри, поэтому все в порядке.

Выражение Питера было недовольным, но он смирился. Джессика медленно повернула

ручку двери, глубоко вздохнув, вошла.

Ее глаза сразу же остановились на нем. Он сидел в кровати, откидной столик был перед ним с чашкой воды и питательным желе.

— Госпожа Президент, — произнес Дерек, вставая со стула рядом с кроватью... «Ее стула», — подумала она.

Она знала, что должна была что-то сказать, но единственное, была способна произнести:

— Спасибо.

— Конечно, — ответил он, проскользнув мимо нее, выйдя за дверь, она даже не поняла, как он исчез, потому что вся была сосредоточена исключительно на Камале, на его глазах, его губах, его груди, которая поднималась и опадала, когда он дышал.

— Иди сюда, любимая, — сказал он низким и хриплым голосом.

Она закрыла рот руками и покачала головой, продолжая смотреть на него, и все напряжение, страх и боль за последнюю неделю накатывали на нее ужасными, неустанными волнами.

— Джессика, — тихо сказал он. — Подойди сюда.

Она подошла, и вдруг поняла, что ее всю трясет, и трясет не мелкой дрожью, а сильно с головы до ног. Камаль опустил ноги с кровати, одновременно потянувшись к ней.

Он притянул ее к себе и усадил на колени. Затем он перекатился вместе с ней на кровать, все время успокаивая, ее продолжал колотить тремор, словно внутри у нее происходило землетрясение.

— Все в порядке, дорогая. Все будет хорошо. Обещаю.

Она не могла вымолвить ни единого слова, только цеплялась за него и слушала его голос... голос, который она думала никогда больше не услышит.

— Господи, как я скучал по тебе, — прошептал он, поглаживая ее волосы и сжимая ее бедра. Он оставлял нежные поцелуи у нее на виске и терпеливо ждал, пока она оправиться от волны адреналина, которая накрыла ее.

— Как ты мог скучать по мне, если ты был без сознания, — ответила она, приподнимаясь, чтобы взглянуть ему в глаза. — Это я скучала по тебе. Восемь дней ты заставил меня ждать. Восемь проклятых дней. — Она ударила его в грудь, и он улыбнулся.

— Я мечтал о тебе каждую секунду в эти восемь дней. Я мечтал о тебе, но не мог связаться с тобой, и это была настоящая пытка.

Она наблюдала за ним, пытаясь понять, выдумывал ли он или это, на самом деле, было так. — Ты...

Он прижал ладонь к ее лицу, шероховатые пальцы скользили по ее щеке, потом он провел пальцем по ее нижней губе, в его глазах появилась сексуальная искра.

— Именно так я и делал. И мне хотелось дотронуться до тебя больше, чем когда-либо я чего-то хотел в своей жизни.

— Я пыталась остаться с тобой. Несколько дней я оставалась, но ты не приходил в сознание, и все стали говорить, что мне нужно вернуться в Белый дом. Я не хотела оставлять тебя. Прости, что меня здесь не было, когда ты очнулся. Я не хотела уходить.

— Я знаю, все хорошо. Я бы сказал тебе вернуться к работе. Ты слишком важна для этой страны, чтобы сидеть у моей постели. Ты поступила правильно. Ты сделала то, что должна была сделать.

Она молча лежала, слушая ритм его сердца, вспоминая, что почти чуть не потеряла этот

прекрасный звук навсегда.

— Я должна разозлиться на тебя. Ты подставил себя пули.

Он успокаивая кружил по ее спине ладонью.

— И я сделаю это снова, и снова, и снова. Пока я жив, я буду защищать тебя.

— Но я не хочу жить без тебя, — прошептала она.

— Тебе и не придется. Такого больше никогда не повторится. Ты ведь это знаешь, да?

Все кончено. Тебе никто не угрожает. Я в безопасности. Страна в безопасности.

Она кивнула, а потом они молча лежали очень долго в объятиях друг друга, им не нужны были слова, чтобы что-то объяснить. Они нуждались друг в друге, и если они были вместе, Джессика понимала, что она может преодолеть все.

Прошло три месяца.

— Добро пожаловать домой, госпожа Президент... господин Масри.

— Спасибо, Ванесса. Хорошо оказаться снова дома, — ответила Джессика, когда Камаль помог ей снять пальто.

— Сэр, — произнесла Ванесса, обращаясь к Камалю. — Пока вас не было, мы составили обширный список ваших новых обязанностей, а также некоторые предложения о том, кого вы могли бы взять на работу, помимо Шамиры.

— Ванесса, — упрекнула Джессика. — Первый джентльмен^[4] только что сошел с борта ВВС. Может ты могла бы дать ему время до завтра прежде, чем начать с кадровых назначений.

— Нет, нет, — вмешался Камаль. — Все нормально, я тоже делал кое-какие пометки, и мне бы хотелось, чтобы завтра начались встречи с обслуживающим персоналом, и они рассказали мне о своих обязанностях и планах.

Ванесса вздохнула с облегчением, и Джессика не могла не улыбнуться, увидев ее реакцию. Она понятия не имела, сколько стрессов испытывали за последние три года сотрудники Белого дома без первого супруга президента, справляясь с домашним хозяйством. Она всегда доверяла им самостоятельно принимать решения, но, по-видимому, они хотели получать указания из первых рук — непосредственно от первой семьи государства, поэтому с восторгом приняли новость, когда Камаль попросил Джессику выйти за него замуж после того, как его выписали из больницы.

Они шли по Белому дому в сторону Западного крыла.

— Мэм, я знаю, что уже поздно, но я надеюсь, что смогу заставить вас принять несколько быстрых решений, прежде чем вы отправитесь на ночь в резиденцию.

— Конечно. Я понимаю, что недельный медовый месяц имеет свою цену. — Она повернулась к Камалю. — Я всего на пару часов, если ты не против?

— Мистер Масри, возможно, захочет осмотреть кабинеты для Первого Джентльмена. Мы взяли на себя смелость поменять мебель, чтобы офисы выглядели более мужскими. И Шамира дала нам несколько дельных советов. Она выбирала, что оставить, а что следует заменить. Она сказала, что вам совсем не нравится что-либо золотое, и мы это убрали.

Камаль улыбнулся, а Джессика закатила глаза.

— Она права. Спасибо, Ванесса, — сказал он с небольшим поклоном. — Думаю, я взгляну и начну рассматривать ваши предложения.

— Я попрошу принести вам чай, сэр.

Ванесса продолжила свой путь с Джессикой по коридору, продолжая вводить ее в курс дела, перечисляя вопросы, которые требовали внимания Джессики. Сейчас она была обязана приступить к своим обязанностям, после свадьбы, состоявшейся на территории Белого дома и недельного медового месяца, когда они посещали различных высокопоставленных лиц по всей Европе, а сейчас она была дома. Джессика вздохнула, потом вспомнила, что когда она соберется пойти наверх на ночь, самый сексуальный мужчина будет ее ждать в спальне, готовый взять на себя ответственность и предоставить ей именно то, что она больше всего хотела.

Камаль вошел в резиденцию и стянул свой пиджак и галстук, повесив его на вешалку у

входной двери.

— Сэр, я накрыла обед в столовой, в холодильнике полно еды, чтобы вы смогли сделать любое блюдо, какое пожелаете.

— Спасибо... Меган, не так ли?

— Да, сэр. — Женщина застенчиво улыбнулась.

— Ты уходишь? — спросил он, когда она направилась к двери, толкая перед собой тележку для еды из кухни на первом этаже.

— Да, сэр. Моя смена заканчивается в восемь.

— Спокойной ночи.

— Спасибо.

Как только она ушла, Камаль прошел по пустым комнатам, заметив появившиеся его вещи, которые принесла Джессика, а также вещи, принадлежавшие его дому. Он вошел в столовую и осмотрел накрытые тарелки, в которых их поджидал ужин. Он проголодался и задавался вопросом, не придется ли ему идти за своей женой и вытаскивать ее из кабинета, когда услышал, как открылась и тут же закрылась входная дверь.

— Это ты, дорогая? — крикнул он.

— Да! Пришла!

Через минуту Джессика вошла в столовую, и всякий раз, когда он ее видел, сердце Камала начинало биться сильнее. Она улыбнулась ему, ее волосы слегка растрепались от путешествия, и опять она была босиком. У нее была привычка снимать туфли в Овальном кабинете и оставлять их под столом. Камаль уже рекомендовал обслуживающему персоналу заглядывать под стол каждый вечер и оставлять обувь президента за дверью в резиденцию, чтобы Джессика могла их там обнаружить утром.

Он сгреб ее в свои объятия, опустив поцелуй на ее шею и подбородок.

— Я так по тебе соскучился, — пробормотал он.

— Прошло всего два часа. — Она задрожала, когда он слегка прикусил ее ухо зубами.

— Слишком долгие два часа, миссис Масри, — пророкотал он, пробегаясь по ее ноге и приподнимая вверх юбку.

— Что ты собираешься делать, если учесть, что завтра мы оба должны вернуться к работе?

— Заняться сексом на обеденном столе, — прорычал он, приподняв и усадив ее на край обеденного стола.

Она взвизгнула и рассмеялась, когда он поднял ее юбку до талии и разорвал блузку, пуговицы разлетелись во все стороны.

— О Боже, а сотрудники не задают тебе вопросов, почему каждое утро они находят пуговицы на полу?

— Меня не волнует, — ответил он, вытащив ее грудь из чашки бюстгальтера и начиная посасывать дерзкий сосок.

— Ммм. О. Дааа, — пробормотала Джессика, когда его язык стал кружить по ареоле, а затем он стал сосать его сильнее.

Он скользнул рукой внутрь под ее тонкие шелковые трусики, обнаружив клитор, нажав на этот крошечный бугорок, она застонала. Используя два пальца, он проверил ее вход, обнаружив его горячим, мокрым и поджидающим его.

— Слава Богу, ты готова. Я не мог дождаться, чтобы оказаться внутри тебя.

— Да, прошу тебя.

Он расстегнул брюки, и его член вырвался на свободу, тяжелый, пульсирующий от потребности оказаться в самой сексуальной женщине свободного мира.

— Упрись пятками о стол, — приказал он, улыбаясь, как только она последовала его указаниям. Он всегда не спешил, пока не скажет самой могущественной женщине в мире, что ей следует сделать.

Он обхватил ее за талию, притянув к себе, с жадностью целуя, нащупав ее вход и скользнув внутрь.

— Черт, — прошипел он. — Я никогда не устану от этого, никогда.

Она зашевелилась на столе, двигаясь к нему, как могла в таком положении, когда ее колени находились на одном уровне с предплечьями, упираясь пятками в обеденный стол.

Он слегка наклонился вперед, одной рукой по-прежнему крепко сжимая ее талию, а другой поддерживая их на столе. Он входил и медленно выходил, в своем устойчивом ритме, его дыхание каждый раз замирало, как только она сжимала его член, двигаясь вместе с ним.

— Ты чертовски прекрасна, Джессика Хэмптон Масри, — прошептал он ей на ухо.

Она запрокинула голову назад, перед ним предстала ее длинная выгнутая шея. Он прошелся по ней языком, прочерчивая дорожку, пока не достиг ее губ, которые тут же проглотил, при этом имитируя языком движения своего члена.

— Боже, надо... — выдохнула она.

— Прикоснитесь к себе, — потребовал он, хриплым еле сдерживаемым голосом.

Она просунула руку между ними и нажала на свой клитор, почти сразу же развалившись на тысячу осколков, со стоном произнеся его имя в пустой комнате, он накачал двигаться сильнее и быстрее, потом замер, каждая мышца его тела напряглась, затаив дыхание, сердце остановилась между двумя ударами. А потом он кончил с ревом, показывая свою любовь к этой женщине, как будто его жизнь зависела от этого.

Когда толчки по всему его телу закончились, они оба рухнули на стол тяжело дыша, он наклонился над ней.

— Мне кажется, что мои волосы в тарелке с маслом, — ахнула Джессика, смеясь.

— А мне кажется, ты меня сломала, — ответил Камаль.

Она снова рассмеялась, и он выскользнул из нее, оставив свое любимое место в мире.

— Теперь я точно уверена, что твои силы восстанавливаются, — сказала она, пытаясь его снять с себя, чтобы подняться со стола.

Он, улыбаясь и сверкая глазами, наблюдал, как она опускала юбку.

— Возможно, ты права. Но сначала мне нужно поесть, иначе я не продержусь во втором раунде.

— На данный момент стол не самое гигиеничное место.

— Вот почему существуют подносы и кровать.

Десять минут спустя Камаль принес обед на двух подносах, они сидели в постели. Он надел свои боксерки, и рубашку на голое тело, не застегивая.

— Это лучший ужин, который я съела за всю неделю, — произнесла она, заглатывая большую порцию картофельного пюре с розмарином в рот.

— Это все секс, — заметил Камаль.

Джессика засмеялась, и он подумал, что это самый музыкальный звук в мире. Он будет в восторге слышать его каждый день все оставшуюся жизнь.

— Я люблю тебя, госпожа Президент, — тихо сказал он, наклонившись, чтобы поцеловать ее в щеку.

— И я люблю тебя, мистер Масри, — ответила она.

Джессика была благодарна, лидерам партии, что они выждали, пока не закончится ее медовый месяц. Тем не менее, она хотела бы, чтобы свое внимание они перевели с нее на что-то другое, понимая, что они выжидали реакции общественности, как отразиться ее замужество на бывшем после из Египта, который, хотя и не был мусульманином, но все же был из ближневосточной страны, с бронзовой кожей и остатками британского акцента, на ее рейтинге в качестве президента. Она понимала, что устроенная вечеринка на свадьбе, показала им, что Камаль не вредил их целям.

Когда они выдвинули повестку дня, прошло пять дней после того, как она вернулась из своего свадебного путешествия, и лидеры партии послали одного человека, которому она никогда не могла бы отказать — свекра.

— Мадам Президент, — произнес Джон-старший, входя в Овальный кабинет, и целуя ее в обе щеки.

— Сенатор. Очень приятно снова увидеть вас так скоро после свадьбы.

— Ну, Марджори решила, что я здоров, а когда я долго сижу дома, то очень раздражаюсь, особенно если сижу дома слишком долго. Я подумал проехать в город и заскочить к тебе, а также пообедать с мальчиками и девочками из Южной Каролины. Этот мудака Дик Шеппард из нашего четвертого округа занялся новой инициативой по торговле углем, так что они попросили меня помочь ему немного лоббировать этот проект.

— Ну, я рада, что вы можете остаться с нами, пока будете в городе. Камаль скажет персоналу, чтобы для вас подготовили спальню Линкольна. Я не думаю, что вы останавливались в ней когда-нибудь, но ему кажется, что вам она понравится.

— Как твой новый муж? — спросил Джон, присаживаясь и хлопнув по дивану рядом с собой, предлагая Джессике присоединилась к нему.

Она села, сбросив туфли и водрузив ноги на диван. Он по-отцовски похлопал ее по колену, улыбаясь.

— Он занимается работой Первого Джентльмена, как профи. Он уже выбрал свое дело — разумная реформа оружия — и персонал работает так эффективно, что они сократили время, необходимое для обслуживания всего имущества на десять процентов в месяц.

— Ну, управление Белым домом должно быть очень похоже на управление посольством, так что я уверен, что он отлично справится с этим. И как жертва насилия, он будет иметь право сказать «нет» тем, кто сомневается в реформе.

— Да. — Она прищурившись посмотрела на своего свекра. — Скажите мне, почему вы здесь, Джон. Насколько я знаю, вы любите меня и Вашингтон, но я ни на минуту не куплюсь, что вы приехали сюда исключительно, чтобы пообедать и провести ночь в спальне Линкольна.

Улыбка исчезла с его лица, и глаза стали серьезными.

— Ты права, я здесь не просто для удовольствия. Партия послала меня, Джесс.

— Я в шоке, — вскричала она.

— Ты знаешь, что больше никого нет, кто бы мог тебя заменить. Мы приближаемся к основному времени году, и пока Кимптер и Эрнандес участвуют в выборах, ни один из них не сможет победить оппозицию. Ни у одного из них нет того, что нужно для руководства страной.

Она вздохнула.

— Да, конечно. Все это есть у тебя, и теперь у тебя даже есть партнер. Кто-то, кто

поможет управлять страной, поддержит тебя. У тебя есть все, что нужно, чтобы быть президентом на другой срок, Джессика, включая мою фамилию.

Затем он посмотрел на нее нежными глазами, синими бледными под белыми бровями, с возрастом кожа изменилась, да и от опыта тоже.

— Я любил своего сына. — Его голос треснул, но он продолжил: — Он был прекрасным человеком и был бы великим лидером для этого народа. Но я верю, что ты была бы лучшим президентом, чем он.

Джессика ничего не могла поделать, но еле слышный вздох вырвался у нее из груди.

— У Джона были идеалы, амбиции и желание. Но у тебя, Джессика, есть сердце, решимость и сочувствие. Я бы не хотел, чтобы ты страдала от кого-то, но думаю, что именно эти качества делают тебя лучшим президентом. Мне кажется, благодаря этому, ты понимаешь через что приходится проходить другим, у такого богатого сына, как у Джона, такого опыта бы никогда не было.

Джессика прикусила губу, замерев на мгновение, чтобы осмыслить его слова.

— Я никогда не хотела быть президентом, — произнесла она.

— Я знаю, но теперь, когда ты здесь, и ты отлично справляешься со своими обязанностями, и у тебя есть Камаль, готовый стоять рядом с тобой, ты не мог бы пересмотреть свое решение? Ты нужна своей стране.

— Я не могу ответить прямо сейчас, — сказала она. — Мне нужно подумать и посоветоваться с мужем.

Он кивнул.

— Конечно.

— Но я дам вам ответ прежде, чем вы вернетесь домой в воскресенье.

— Спасибо, — сказал он, нежно сжимая ее руку. — И Джесс, что бы ты ни решила, мы с Марджори поддерживаем вас двоих. Нам повезло, что ты наша дочь. Ничто не в состоянии этого изменить.

— И что ты думаешь? — спросил Камаль после того, как Джессика передала свой разговор с Джоном-старшим.

— Не могу поверить, что говорю это, но может быть мне стоит попробовать.

Камаль гладил ее волосы, ее голова лежала у него на плечи, пока они были в постели.

— Многое изменилось с тех пор, как я вступила в должность, и самое главное, что я вышла за тебя замуж. Партнер и все это придает мне силы, чего раньше у меня не было.

— У тебя всегда это было. Просто все было не так весело, — пробормотал он. — Это не сила, которую ты получаешь от меня, это обычный секс, который делает любую работу проще.

Она слегка ударила его по груди и хихикнула, когда он повалил ее на спину, глядя на нее сверху-вниз.

— А если серьезно, я чувствую себя совсем иначе, чем три года назад. Я чувствую, что заслужила эту работу, а не просто унаследовала ее.

— Потому что у тебя есть любовь. — Он поцеловал ее в нос. — Ты доказывала снова и снова, что умна, компетентна и обладаешь здравомыслием. Ты выдержала сражения с Конгрессом, покушение на убийство, публичное порицание, и стала благодаря этому еще сильнее, чем была раньше. Твои рейтинги очень высоки, и Соглашение тысячелетия является одним из самых перспективных договоров в истории Ближнего Востока.

Джессика вздохнула, Камаль поцеловал ее в шею и опустился к груди, оставив

крошечные поцелуйчики вокруг соска, прежде чем взять его в рот.

— А ты? — спросила она задыхающимся голосом. — Как ты себя будешь чувствовать еще четыре года?

Он выпустил ее с маленький сосок.

— Дорогая, я только начал выполнять свои новые обязанности. Еще четыре года позволили бы мне добиться чего-то. У меня есть планы по перепроектированию территории, чтобы сократить использование воды и сделать парк намного комфортнее, чем сейчас, плюс выращивание более половины продуктов, используемых в Белом доме, на самих территориях.

Она зашевелилась, уложив свои бедра между его открытыми бедрами, ей очень так нравилось.

— Есть только одна вещь, которая заставляет меня грустить о том, что я останусь на второй срок, — прошептала она в темноту.

Он посмотрел на нее с нежностью, прочерчивая дорожку большим пальцем по ее щеке.

— И что это?

— Я надеялась, что когда в следующем году, кончится мой срок в должности, мы сможем поговорить о детях.

Его улыбка была теплой.

— А почему мы не можем это сделать в еще один срок в Белом доме?

— Как я буду успевать растить ребенка и быть президентом?

— Также, как делает любая работающая мать, меньше спит, имеет преданного мужа и няню, которая помогает.

— Ты правда так думаешь? — Ее сердце заколотилось от волнения.

— Я думаю, что ты можешь все, госпожа Президент. Все, что захочешь.

— Ты уверена, что это именно то, чего ты хочешь? — спросил Камаль.

— Сейчас уже немного поздно говорить об этом, ты не находишь? — ответила Джессика, застегнув последнюю пуговицу на своем пальто.

— Никогда не поздно, дорогая. Достаточно взглянуть на нашу жизнь. Мы живое доказательство этим словам.

— Вы готовы взять его, мистер Масри? — спросила пухлая пожилая женщина.

— Конечно, — ответил Камаль, улыбаясь, когда няня вручила ему их четырехмесячного сына.

— Вот мой любимый, — заворковала Джессика, наклонившись, чтобы поцеловать крошечные щечки, которые виднелись под зимней одеждой младенца. — Я не могу поверить, насколько он вырос за эти несколько недель. Он был такой худой в детдоме.

Ребенок загукал и заулыбался матери, когда отец несколько раз подбросил его на руках.

— Хотя это был хороший детский дом, но у Египта часто не хватает финансов для детских домов. Ты знаешь, что для того, чтобы ребенок процветал, его нужно любить. Питер не получил этого в первые недели своей жизни, но теперь он поправился, подрос и счастлив, и его мать должна двигаться вперед, потому что церемония не может начаться без нее.

— Вы меня звали, сэр? — спросил Питер, сделав несколько шагов в их сторону со своего поста.

— Нет, я имел в виду малыша.

Питер закатил глаза.

— Я же говорил, что это сбивает с толку. Вам не следовало называть его моим именем. Это вносит сумятицу.

— Привыкай, — сказала Джессика, улыбаясь. — Мы не собираемся менять ему имя.

— Госпожа Президент, — произнес главный судья Верховного суда, оглянувшись на большой разделяющий экран за сценой, где стояли Джессика и Камаль. — Вы готовы?

— Да, — ответила она, целуя своего ребенка, а затем и мужа. — Да.

Они вышли на сцену, толпа разразилась аплодисментами, занимая все близлежащие улицы. Массивные телевизионные экраны были установлены на Национальном торговом центре, показывая красивое лицо первой женщины — президента Америки. Джессика стояла, положив руку на Библию, рядом стоял Камаль с маленьким Питером на руках, главный судья начал зачитывать слова. Она повторяла их во второй и последний раз в своей жизни. Но на этот раз все было по-другому. На этот раз она была здесь ради своей семьи и ради своего народа, она действительно стала сама президентом, и она была обязана самой себе закончить эту работу.

— Я, Джессика Мари Хэмптон-Масри, — сильным голосом произнесла она, ясными глазами смотря перед собой. — Торжественно клянусь, что буду добросовестно исполнять должностные обязанности Президента Соединенных Штатов и в полную меру моих сил буду поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ливенорт — это маленький городок в самом сердце штата Вашингтон, еще называют «баварской деревней»

Pharaoh Shipping and Freight

Тюрьма в Гуантанамо против федеральной тюрьмы США в Канзасе в Ливенворте

Первый джентльмен — этот термин появился во времена Клинтона